

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Государственный Канцлеръ
Графъ Румянцовъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ,

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ, СЛОВЕСНОСТИ

★

СРАВНИТЕЛЬНЫХЪ КОСТЮМОВЪ.

Мы одно любимъ, одного желаемъ : любимъ Отечество ; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы ; желаемъ, да не измѣнится никогда твердое основаніе нашего единія ; да правила Мудраго Самодержавія и Святой Вѣры болѣе и болѣе укрѣпляютъ союзъ частей ; да цвететъ Россія . . . по крайней мѣрѣ долго, долго, если на землѣ нѣтъ ничего безсмертнаго, кромѣ души человеческой !

КАРАМЗИНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ:

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1 8 2 8.

Печатата позволяется
съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, до выпуска изъ Типо-
графіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ семь
экземпляровъ сей книги, для препровожденія куда слѣ-
дуетъ, на основаніи Указаній. Москва, 26 Мая, 1828.

Цензоръ, Владиміръ Измайловъ.

РУССКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ V и VI.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ДОНЕСЕНІЕ

ИМПЕРАТОРУ ЛЕОПОЛЬДУ

ЦЕСАРСКИХЪ ПОСЛАННИКОВЪ,

АВГУСТИНА МАЙЕРЪБЕРГА

И

ГОРАЦІЯ ВИЛЬГЕЛЬМА КАЛВУЦІЯ,

БЫВШИХЪ ВЪ МОСКВѢ,

съ 17 Февраля 1661 до 22 го Фев. 1662 года.

(Окончаніе.)

На сіе скоро получили ошвѣтъ. Царемъ одобрено мнѣніе наше; но на бумагъ его не сообщили, и на шребованіе копіи никакого ошвѣща намъ не дали.

Генераль Гозіевскій, съ которьимъ мы переписывались шайно, увѣдомилъ насъ, что Долгорукой и Царскаго Двора начальникъ спрашивали его, можеть ли Царь упошребить посредникомъ Курфиршта Бранденбургскаго и Герцога Курляндскаго, да что онъ ошвѣчалъ, что сего сдѣлать не дая

1*

безъ исключенія Вашего Императорскаго Величества. Принявъ однажды его посредничество, лучше предоставишь, волю избирать другой споронъ. Спрашивали еще о способъ окончить дѣло бѣе скорѣе. Ошвѣчалъ, что одинъ способъ — снесшисъ съ нимъ. Скрывая сіе, искали случая съ нимъ переговорить въ присушествіи одного его и нашихъ приставовъ. Содержаніе сего разговора было слѣдующее:

1662 Марта 8го, въ Москвѣ.

Спрашивали Посланники Цесарскіе Генерала Гозіевскаго. Первое, не извѣстно ли ему, почему посредничество Цесарское не принято Поляками; второе, примушь ли оное и какииъ образомъ?

На первое ошвѣчалъ: Будучи чешыре года плѣннымъ, совершенно не знаю состоянія дѣла при Дворѣ Польскомъ, и полагаю, что оное не принято по двумъ причинамъ: первое, Поляки думаютъ, что Рускіе подъ видомъ посредничества старающъя продлить переговоры для собственной пользы, а объ окончаніи дѣла не помышляютъ; второе, они приняли посредничество, предлагаемое Королемъ Французскимъ, чрезъ Посланника Антонія де Ломбръ, Генералу Нащокину посредствомъ Герцога Курляндскаго; и Поляки оное приняли, а пошому и ошсшущишь не могутъ.

На второе ошвѣчалъ: Не сомнѣваюсь въ принятіи онаго, когда препяшствіе уничтожишся. Предлагалъ Цесарскимъ Послан-

никакъ доказать, что Русскіе непритворно желаютъ мира, въ намѣреніи пощадить кровь Христіанскую и доставить спокойствіе обоимъ Государствамъ; а попомъ необходимости принять посредничество Короля Французскаго вмѣстѣ съ Цесарскимъ, для чего съѣдутъ Цесарскимъ Посланникамъ опсправившись якобы къ своему Государю чрезъ Литву и Польшу. Дорогою успѣющъ склонитъ Короля Польскаго, и всѣ препяшствія уничтожатся. Надѣмся, что сіе возымеетъ счастливый успѣхъ, о чемъ обѣщаетъ спарашся, или по приближеніи къ границамъ Литовскимъ, снесясь съ приславами Польскими о принятіи посредничества Цесарскаго, ожидали бы успѣховъ отъ его переговоровъ съ Королемъ, между тѣмъ какъ друзья могутъ спарашея о мирѣ, перемиріи и размыѣ плѣнныхъ.

Осправясь къ границамъ Литовскимъ, Посланникъ Цесаря употребитъ всевозможное спараніе для пользы общественной, не сомнѣваясь, что Гозіевскій произведетъ одинъ переговоры съ Королемъ Польскимъ въ Варшавѣ; Русскимъ же нужно опсправить чиновника къ нему съ должнымъ предписаніемъ и полномочіемъ на все вышеозначенное.

Кромѣ того Посланники, доведя до свѣдѣнія Генерала Гозіевскаго, что Дьякъ Ефимій Прокофьевъ, прошедшимъ лѣтномъ съ шрубачемъ опсправленный къ Цесарю, задержанъ въ Варшавѣ и письма у него опняты.

просили, чшобъ онъ самъ послъ его арешченія и дославленія ихъ шрубачу вхашъ съ оными въ Польшу и пропущень былъ Шинговскимъ начальникомъ далѣ для переговоровъ съ Королемъ Польскимъ о своей свободѣ и прочими, а попомъ въ Вѣну или сюда. Гозіевскій обѣщался о семъ постараться.

Все сіе исполнено было по желанію Царя, который 23го Февраля извѣстилъ насъ о вышеозначенномъ чрезъ данныхъ намъ приславовъ.

Послъ сего разговора Царь повелѣлъ Гозіевскому вхашъ прямо къ Королю съ Гадераломъ Нащокинымъ; почему просилъ позволенія имѣшь съ нимъ въ другой разъ разговоръ, коего содержаніе сообщено шакъ 1662го Марша 8 въ Москвѣ. Посланники Цесарскіе желали видѣшь Гозіевскаго до отъѣзда его; сіе имъ позволено, за что и благодарилъ. Содержаніе разговоровъ о мирѣ, которые они имѣли, ешь слѣдующее: первое, на прошеніе означенныхъ Пословъ Гозіевскій согласился спараться, чшобъ Польскіе Послы, назначенные для переговоровъ о мирѣ, допустили вначалѣ Посланниковъ Цесарскихъ, ежели не въ характеръ Посланниковъ, шо какъ друзей; второе, постараться о томъ, чшобъ Поляки приняли посредничество Цесарское; шреліе, онъ извѣстилъ объ усѣжъ изъ Шклова, ежели шашъ встрѣшился съ Польскими Послами, съ дороги или изъ самаго дворца; четвершое, желаетъ имѣшь свидѣніе о инспрукціи Гене-

рала Нащокина для соображенія по оной своихъ плановъ при Дворѣ Польскомъ.

Послы Цесарскіе, соображая, что присшавы Польскіе извѣстились о мирныхъ переговорахъ, а присшавы Русскіе приближающа къ Смоленску и скоро всѣ сдѣдуща въ Шкловъ, и будучи увѣрены, что при началѣ всегда вспрѣчающа прудности, для прекращенія коихъ дружеское посредничество нужно, полагающъ ошбышіе свое въ Смоленскъ необходимымъ. Будучи на мѣслѣ, они всегда подадущъ во время нужную помощь, а въ Москвѣ сего сдѣлашъ не могушъ, и ежели Гозіевскій успѣешъ согласишъ присшавовъ Польскихъ, допусшишъ ихъ какъ друзей, шо имъ не ошказушъ и какъ Посламъ заключишъ миръ.

Посланники Цесарскіе предлагали назначишъ мѣспо для переговоровъ, удаленное ошъ шеашра войны, а производишъ оные во время перемирія, ибо удачное сраженіе засшавляетъ каждую спорону мѣняшъ свои условія и слѣдовашельно лишаетъ возможности заключишъ миръ. Пребываніе свое на границахъ почишающъ полезнымъ въ помѣ ошношеніи, что друзьямъ позволяешъ разсуждашъ и предлагашъ свои мнѣнія. Могушъ же они ѣхашъ какъ бы къ своему Государю и оштановишъся въ Смоленскѣ подъ видомъ болѣзни одного изъ нихъ.

Замѣчая въ Гозіевскомъ самую большую наклонность къ миру, предлагающъ Нащокину сообщешишъ содержаніе своей мисіирук-

цім, сколько нужно для посредниковъ, дабы онъ могъ принять лучшія мѣры, и прислать приказашь пограничнымъ начальникамъ доставлять немедленно имъ письма, кои по проченіи сообщатся.

Находя все сіе полезнымъ для блага общаго, увѣряюшь въ своей готовности повиноватся полезнѣйшему, поставляя закономъ желаніе своего Государя заключить миръ — въ чемъ ежели при помощи Божіей успѣюшь, сочтушь себя наиблаженнѣйшими, когда пошוקи крови Христіанской наконецъ изсякнутъ. Послѣ предствленія бумаги позваны были 15го Марша въ конференцію, на коей заключено, отправивъ насъ въ Смоленскъ и шамъ ожидать конца переговоровъ какъ Гозіевскаго, шакъ и Нащокина.

Депутаты на сей конференціи объявили намъ отъ Царя, что начальникъ Динабурга получилъ отъ Курляндскаго Герцога въ прошедшемъ Ноябрь писма Вашего Императорскаго Величества къ намъ, кои задержаны были по причинѣ набѣговъ Липовскихъ до Декабря, и отправлены уже къ намъ по удобной и безопасной дорогѣ. Мы думали, что сіи писма отъ 27го Августа 1661 распечатаны Москвитянами, и конхъ дуплакашы 18го Марша 1662 съ оригиналомъ отъ 21го Октябрия 1661 получены, но мы захотѣли притвориться, дабы безъ позволенія Вашего Императорскаго Величества не называть Царя Величествомъ.

По исполненіи всѣхъ милосердныхъ вашихъ предписаній, пригласили мы бумагою Дедушатовъ и Царскихъ Министровъ на конференцію.

1662, 19 Марша, Москва.

Посланники Цесарскіе изъ бумаги своего Государя ошъ 21 прошедшаго Оклября извѣстившись, что прубачъ пріѣхалъ въ Варшаву, а Король Польскій былъ не доволенъ Посланникомъ нашимъ де Лизолою ошъ несправедливыхъ навѣшовъ на него въ помъ, что якобы на прошедшемъ Сеймѣ онъ имѣлъ предосудительныя сужденія съ Гоеударшвенными Чинами, за что пріѣздъ во дворецъ ему воспрещенъ; а прубача посадили подъ спражу, кошораго послѣ освободили, но посредничества не приняли и Ефиміа Прокоѣева не пропустили. Послѣ оправданія де Лизолы въ выдуманномъ на него прешупленіи, дружесшвенныя сношенія началъ снова между Императоромъ и Королемъ, и согласіе еще болѣе водворилось. Цесарь, желая досшавить Христіанскимъ Государямъ миръ, неоднократно приглашалъ его къ сему, а онъ назначилъ своихъ прешавовъ для переговоровъ о мирѣ. Между шѣмъ столько говорили о принятии Цесарской медиации, что половина Польши объявила, что ежели не возможно заключить мира безъ посредниковъ, то примать медиацию Цесарскую; почему Императоръ повелѣваетъ своимъ Посланникамъ, де Майерну вхашъ на мѣсто и омидашъ окончанія, а Малвуцію ошпашься въ Москвѣ посредни-

комъ , будешь ли миръ , или нѣтъ по поспановленію на конференціяхъ съ Депушашами и объявляшь бумаги касательно мира ошъ Цесаря и Посланниковъ де Майерна и де Лизола.

Посланникъ де Лизола спарался у Короля объ освобожденіи означеннаго Дьяка , кошорой объявилъ , что онъ освобожденъ. Полагаюшъ , что его содержатъ не по приказу Короля. По пріѣздѣ Гозіевскаго въ Варшаву надвюшся , что его освободяшъ , а между шьмъ просяшъ ошправяшъ де Майерна немедленно въ Смоленскъ.

На сіе ошвѣчали не словесно , а самымъ дѣломъ. Ошѣздъ , положенный на конференціи , ошмѣненъ , и Гозіевскій еще за чешыре дня до полученія писемъ Вашего Императорскаго Величешва уѣхалъ. 10го Апрѣля , на другой день Пасхи , одинъ изъ приспавовъ посѣшилъ насъ и на прошеніе де Майерна объ ошѣздѣ своемъ въ Смоленскъ ошвѣчалъ : шамъ жишъ нехорошо , для чего разспаванься съ шоварищами безъ причины ? лучше ѣхалъ въ ошечешиво. Царское объщаніе приняшъ посредничешиво не сбилось , да и Дьякъ съ Царскими письмами. о семъ дѣлѣ не допущенъ былъ до Вашего Императорскаго Величешва. Король оное ошвергнулъ , а намъ ошсаешся возвращаься въ ошечешиво , но нѣ чрезъ Польшу , гдѣ въ наше ошсущешвіе причинены ошкорбленія Королемъ Вашему Императорскому Величешву. Присущешвіе можешъ подашъ причи-

ну новымъ неудовольствіямъ. Наконецъ жаловался на Аллагрена и сомнѣясь, что онъ, будучи посредникомъ, не заботился о пользахъ Россіи.

Мы опивѣчали, что употребимъ всевозможное стараніе избежать опасности, и чрезъ два дня представили Царю слѣдующую бумагу:

1662 Апрѣля 12го, Москва.

Бумагою, ошъ 19го числа прошедшаго Марша, приславу Григорію Дьяку врученною, Посланники Цесарскіе объяснили по повелѣнію своего Государя, что частію Польщъ объявлено: ежели мира не можешь бышь безъ посредника, шо допускаешо одно шолько Цесарское, и сообщил о новомъ повелѣніи, подшверждающемъ прежнее.

Ежели о мирѣ разсуждаемо будешь безъ посредника, или съ посредникомъ, шо въ шомъ и другомъ случаѣ де Майерну опшправнись на мѣсно переговоровъ и шамъ ожидашь окончанія, а Калвудію бышь въ Москвѣ по положенію Депушанговъ на конвенціи. И просили опшправнись де Майерна немедленно въ Смоленскъ; шо сего исполнено не было подъ предлогомъ насшупленія праздничныхъ дней, шо прошесшви кошорыхъ, какъ случается, насшупаюшь новые, а они между шѣмъ ошпанушомъ виновнымъ предъ своимъ милосшивымъ Государемъ за медленное исполненіе повелѣній его. Изъ писемъ 12го Іюня, предшавленныхъ штруба-чемъ изъ Вѣны ошъ 16го Августа, ему изъ

вѣшно уже, что на прѣшней конференціи намъ объявлено было Делушанамъ Царское и ихъ согласіе на ошъездъ де Майерна и пребываніе Калвудія въ Москвѣ. Какимъ образомъ Государь приметъ и повѣришь, чшобы благородное и приличное размѣщеніе его Посланниковъ, одному ослававшись при производствѣ, другому ошдалашъ зашрудненія, аспрѣчающіяся при исполненіи, съ содѣйствіемъ прѣшняго въ Варшавѣ при Королѣ Польскомъ и Москвѣ ошвергалось нынѣ Русскимъ, для пользы и чести конкъ сіе дѣлаешя, прѣшнѣ прѣшняго ихъ согласіи и надежды какого - либо успеха; ибо Калвудія невольнѣ безъ дѣла и повелѣнія Государя ошомлающъ на мѣсто переговоровъ? Посланники Цеоарскіе льспиншъ себя надеждою, что примутъ въ уваженіе спрогоую покорность, наблюдаемую къ Царяшъ и Монархамъ ихъ Посланниками, копорые наказывающя примѣрно за наруженіе оной, и позволяющъ имъ для блага и славы Россіи располагашъ по волѣ ихъ Государя собою, и шѣмъ ошдалашъ, въ доадааніе за шѣжкіе шруды въ оемъ важномъ порученіи, за долговременное шомленіе въ домахъ и за расшройку здоровья, негодованіе ихъ Государя. Въ надежда и увѣренности снова прібѣгающъ съ покорнѣйшею прозьбою ошавишъ Калвудія здѣсь, а де Майерна немедленно ошправишъ въ Смоленскъ, какъ не могущаго бышъ полезнымъ въ Москвѣ, для шого что Польскіе присшавы, возвращаясь съ Сейма, прібыли вѣрояшнѣ на границы и ошждалощъ начашія

переговоры; на сію бумагу просятъ, какъ слыдуешь, письменнаго отвѣта.

Сіе исполнено было настоящимъ образомъ, о чемъ скажемъ ниже.

28го Февраля Послы Шведскіе, изъ коихъ первый Бенедиктъ Горній, прѣхалъ въ Москву съ многочисленною (около 250 человекъ) знаменишою свитою и прислугою, приняты съ меньшею пышностію. За городомъ пѣхошнаго войска не было, а отправлены были только низшіе придворные на встрѣчу.

6го Марша ѣхали они на первую аудіенцію, при играни трубъ до дворца Царскаго, но Маршалу посольства не позволили войти съ серебрянымъ жезломъ въ залу аудіенціи, о чемъ Горній шщетно просилъ.

Дары, поднесенныя Царю, состояли изъ серебряныхъ вызолоченныхъ шпукъ числомъ 39. Въ разговорахъ его называли *Величествомъ*. На аудіенцію входилъ съ накрышою головою и только за 8 шаговъ отъ Царя открылъ ее; послѣ привѣтствія и цѣлованія руки, по обыкновенію, сѣлъ, накрылся и ошкланивался Царю еще въ глазахъ его; при выходѣ тоже сѣдали.

Просили Царскаго позволенія письменно послать прежде къ нимъ, а потомъ ѣхать. Первое было позволено; исполнивъ оное, получали равномерно въкливой отвѣтъ.

16 Дня утверждень миръ Царемъ, и Послы для извѣщенія насъ прислали придвор-

наго чиновника и приглашал насъ ѣхать въ обратный путь чрезъ Дивонию.

Предлагаемое ими посредничество не было принято, и даже объявлено Царемъ, что медиация Вашего Императорскаго Величества была доспапочно. По прибышии курьера 2 Апрѣля изъ Стокгольма, начались тайные переговоры между ними и Царскими Министрами и все было обнародовано, исключая двухъ спорныхъ пунктовъ, по желанію Шведовъ; чтожъ касается до посредничества, узнали мы слѣдующее:

Посланникъ Горнъ присылалъ изъ вѣжливости часто Ишалинца, повѣреннаго своего, кошорой происходилъ отъ благородной Медиоланской фамиліи Тогнановъ, былъ Кавалеромъ Мальшійскимъ, и женившись на Наполичкѣ, переѣвилъ свою религію. Какото сошникъ подошелъ къ нашему Священнику 12 Апрѣля и просилъ его, не имѣя съ нимъ никакого знакомства, предосперечь насъ отъ Тогнана богоошспупника. Будучи Наполикомъ и родившись въ Римской Имперіи, онъ, по словамъ его, почишалъ обязанностію объявить о семъ Люперанинъ свшши Шведской Цесарскимъ и Наполическимъ Посланникамъ.

15 Тогнанъ прицель и, по изъявленіи своей любви къ ошечеству, объявилъ за великую тайну, что Бенедиктъ Горнъ ѣхалъ 13 изъ Москвы въ Царской карещѣ подъ видомъ прогулки, а на самомъ дѣдѣ, согласившись съ Царемъ, повѣхалъ въ загородной домъ; приближенный же его полу-

челъ посыланіе Царское въашъ въ домъ Князя Долгорукова для разсужденія съ дворянскимъ о томъ, чшобы, исключивъ Ваше Императорское Величество, приняшь посредникомъ Короля Шведскаго. При переговорахъ Миниспромъ будешь Горнъ. И при двухъ особахъ будешь имъшь свиданіе съ Царемъ для окончанія сего дѣла.

За извѣстіе поблагодаривъ Тоггана, сказали, что Ваше Императорское Величество не думаетъ препящивовашъ приняшію многихъ посредниковъ и не въришь, чшобы по приняшіи медіаціи можно было ее ошвергнушь по исшеченіи года; да и самъ Царь не ошкажешся ошъ своего обвцанія, повшореннаго неоднократно въ письмахъ къ Вашему Императорскому Величеству, Королямъ Польскому и Французскому, шъмъ болъе, что половина Польши объявила о приняшіи посредничества его одного, ежели мира безъ сего будешь заключишь не лъзя.

20 Пришелъ онъ по должности своей ошъ Посла поздравишь насъ и, по обыкновенной дривъшливости, увѣрялъ, что все исполнилось, и мы скоро возвратимся въ ошечество чрезъ Ливонію.

При ошъѣздѣ Горна вручили ему ошъ Царя, кромъ обыкновенныхъ даровъ, 44 мѣха дорогихъ собольихъ, двѣ Персидскія полашки, пару лошадей и двѣ тысячи червонныхъ.

Собщенныя выше извѣстія ошъ сомника и Тоггана показались подозрительными, и мы не могли понять, для чего одинъ изъ

му, другой Горну, подъ покровительствомъ коего находился и служилъ, измѣнили безъ всякой причины; но по соображеніи многихъ доказательствъ убѣдились, что сіе было сдѣлано по повелѣнію Горна, дабы непріятнымъ и преждевременнымъ симъ извѣстіемъ скорѣе заставивъ насъ выѣхать изъ Россіи и оставивъ праздно мѣсто для него. Не имѣя причины жаловаться на Королей Польскаго, Шведскаго и на Царя, мы скрыли сіе извѣстіе отъ Русскихъ, и положили, насшоятельно требовать отъ ѣзда де Майерна въ Смоленскъ, въ намѣреніи говорить о семъ послѣ вшораго отѣша.

Да позволено намъ будетъ немного описуишь и расскажашъ, что 27 Марша, въ день тезоименишства, Царь, празднуя Святому Алексѣю, давалъ намъ обыкновенный обѣдъ въ нашемъ домѣ, а Шведамъ въ ихъ, и что 2 Апрѣля, послѣ церемоніи, пригласилъ всѣхъ къ себѣ, исключая Горна, кошорой тогда былъ болѣнъ. Мѣсто, гдѣ мы шояли, было ближе къ Царю. Онъ послалъ спросишь въ одно время насъ и Шведовъ о здоровьѣ, съ шюю только разницею, что къ намъ посланъ былъ Секретарь Лопухинъ, а къ нимъ просной Дьякъ, можешъ бышь пошому, что Горна не было.

20 го Дня прибылъ къ намъ извѣстный Желябужскій, въ первый разъ послѣ 9 прошедшаго Генваря, по причинѣ посольства его и между прочимъ своимъ многоглаголаніемъ сказалъ, что Дьякъ Бѣимій находишся въ

плъну у Короля Польскаго и содержись между Варшавою и Вильною, прибавивъ, какъ бы съ желаніемъ, чшобъ Король оправиль скорве письма въ Вѣну къ Вашему Императорскому Величеству, а мы разсуждая, чшо сіе клонись для ошдаленія приняшаго посредничества, ошвѣчали пошчасъ: не сомнѣваемся, чшо онъ ихъ доспавиль; наши письма были одинаковаго содержания и курьеръ съ оними проѣхаль свободно. Пошомъ говорилъ: Французы хопяшь, какъ видно, посадишь на престолъ Польскій кого-либо изъ своихъ и набирають войско. Но какимъ образомъ доспигнушь имъ Польши? Ежели будеть согласіе между Царемъ и вашимъ Государемъ, шо вѣрно ни одинъ Французъ не увидишь ее. Какимъ образомъ посшупають они шогда, когда Его Императорское Величество пожелаетъ или себѣ, или любезнѣйшему брашу Царство Польское? Царь упошребишь для себѣ свое шпаніе въ надеждѣ, чшо и вашъ Императоръ исполнишь сіе. И шогда, ежели Богъ поможеть, вы не послѣдуеша Аллегрену, кешорый прошиворѣчилъ во всемъ Царю.

Мы ошвѣчали: не вѣроятно, чшобъ Французы могли завладѣшь вооруженною рукою свободнымъ престоломъ Королевства Польскаго. Имъ извѣстно, какія пошребны усилія для покоренія народа, совершенно различнаго съ ними нравами. Моремъ Балтійскимъ могушь прибышь въ Польшу; но сего сдѣлашь не лъзя безъ согласія Поляковъ;

Ч. II. No V и VI.

2

въ прошивномъ случаѣ послѣдствіа покажутъ ихъ успѣхи. Ваше Императорское Величество не желаетъ онаго ни себѣ, ни брашу своему: себѣ пошому, что прешолы Императорскій и Королевскій не могутъ быть соединены; а брашу пошому, что онъ ожидаетъ лучшей. Думаемъ, что желанію Царя бытъ избраннымъ, Ваше Императорское Величество прешасливовашъ не будете, и предшавляли на сіе причины, въ Лапшинскомъ насшавленіи изложенныя, копорыя на второй аудіенціи при подобномъ вопросѣ сообщены были Депушашамъ.

Майернъ просилъ о исходатайствованіи его именемъ у Царя позволенія, ѣхать ему въ Смоленскъ. — Онъ отвѣчалъ, что когда де извѣстно, что Польскій Король не принялъ посредничества Вашего Императорскаго Величества, то Царь не оказалъ бы брашскаго расположенія Вашему Императорскому Величеству, подвергая васъ новымъ обидамъ. Безопаснѣе ѣхать вамъ чрезъ Ливонію съ письмами его, въ коихъ ясно означися необходимостъ опѣзда вашего. — Де Майернъ отвѣчалъ: Благодарю Царя за его вниманіе и уваженіе къ Вашему Императорскому Величеству, но обидъ новыхъ не опасаюсь; ибо Польша объявила уже, что допускаетъ въ необходимости одно посредничество Вашего Императорскаго Величества. Царь, желая избавить насъ отъ явныхъ обидъ, оскорбляетъ опсылкою домой прошивъ нашей воли, повелѣнія Государя и объщанія, неоднократно повшореннаго, при-

няшь нашу медиацию, а теперь, какъ кажется, желаешь насъ опъ сего уснранишь. Де Майернъ объявилъ, что не прошивишься Царю и дѣланъ сего не желаешь; но убѣдительно просишь, позволишь выполняшь волю своего Государя и донеси о семъ Царю.

Извѣсясь, что Августинъ де Майернъ знакомъ былъ съ Аббапомъ Маршешпомъ, Спашсъ - Секретаремъ Герцога Эпсурскаго, къ коему скоро намѣренъ былъ опсправишься, просилъ дружески дашь ему рекомендацельныя письма, для полученія коихъ приходилъ и возобновлялъ прошедшій разговоръ; но опвѣшь былъ шопъ же.

Де Майернъ повпорялъ прозьбу свою, чшобы за всѣ шруды, подѣяшые и будущіе, Царь позволилъ ему оставишь шоварища своего въ Москвѣ, въ слѣдствіе повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, а самому опсправишься въ Смоленскъ и ожидашь шамъ возвращенія курьера, посланнаго къ Вашему Императорскому Величеству.

24 Были на конференціи съ Депушашами. Богданъ Машвѣвичъ Хишровъ прибылъ поздно.

Секретарь Лопухинъ читалъ Царское опредѣленіе о нашемъ опъздѣ, слѣдующаго содержания :

По опредѣленію послѣдней конференціи опсправляемся въ Смоленскъ. Ежели Поляки примушь насъ посредниками, то вступишь

въ сію должность; ежели же отвергнушь, возвратишься къ Вашему Императорскому Величеству чрезъ Ливонію и Польшу. Царь, не имѣя досташочной причины, оставляя Колуція въ Москвѣ, повелѣваетъ опсправиться обоимъ и вручить намъ на аудіенціи опвѣсть на всѣ предложенія. Изъ почшенія къ Вашему Императорскому Величеству, какъ любезнѣйшему его брату, оказываетъ намъ особенную почестъ, ш. е. вмѣсто стола, къ коему приглашаются обыкновенно Цесарскіе Посланники, допускаетъ насъ къ дружескому разговору въ своихъ покояхъ.

Мы опвѣчали, что повинемся по необходимости сему объявленію, вопреки всѣмъ просьбамъ учиненному; но просимъ позволенія по крайней мѣрѣ поступать въ Смоленскъ по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества, и ежели Поляки не примутъ нашего посредничества, то ожидаешь слѣдствій незаключенія мира безъ посредника, по обѣщанію Польскому.

За необычайную почестъ, кою Царь желаетъ насъ почтить, благодаримъ чрезвычайно и просимъ вмѣсто сихъ необыкновенныхъ почестей, оказываемыхъ Вашему Императорскому Величеству, не отказывай намъ въ обыкновенномъ.

И когда Министры по многимъ вышесказаннымъ разговорамъ не убѣдились, мы истребовали позволенія по прїездѣ въ Смоленскъ опсправить пошчасъ курьера для извѣщенія о всемъ Вашего Императорскаго

Величества и ожидашь дальнѣйшаго повелѣнiя; чтожь касается до обѣда, мы того не требуемъ силою; но о всемъ донесемъ Вашему Императорскому Величеству.

Выслушавъ сіе Долгорукой, пошелъ къ Царю, и скоро возвращаясь, сказала: Отправленіе курьера и ожиданіе обратнаго его прїѣзда сходствуетъ съ посланнымъ шрубачемъ, которой не возвращался. Впрочемъ по истеченіи должнаго времени мы должны ѣхать и Царь не перемѣнитъ своего повелѣнiя, при семъ выхвалялъ оказанное намъ благоволеніе и между прочимъ давалъ знаніе о довѣренности, какую имѣлъ къ намъ.

Пользуясь симъ случаемъ, мы сказали, что за опкровенность плашимъ шую же опкровенностию, и объявили, что слышали, яко бы Шведы приняты посредниками; въ чемъ мы сомнѣваемся, представляя ему на разсужденіе первое: Шведы, съ коими заключенъ миръ на условіяхъ возвратишь все занятыя мѣста и размѣняшья пѣвными, не убѣдили Поляковъ выпить по лѣкарство, котораго они не хотѣли, т. е. уступили хотя одно мѣсто изъ занятыхъ Царемъ. Второе: Шведы и Французы, наподобіе сихъ свѣчъ (на столѣ горѣли двѣ восковыя свѣчи съ двумя свѣпильными, изъ коихъ на одну указали), которыя столъ шѣсно соединены, что управляются однѣми спрашными, Долгорукой отвѣчалъ, ежели Царь допустилъ Шведовъ къ посредству, то сего бы онъ васъ не скрылъ. И наконецъ послѣ

разговора довольно долгаго утвердительно сказала, что сіе несправедливо. Польша предлагала многихъ посредниковъ; но Царь не принялъ.

Во внутренніе покои Царскіе шли по лѣстницѣ и переходамъ, въ коихъ по обѣимъ споронамъ стояла спража рядами въ богашомъ вооруженіи и все шакъ убрано было обоями, что не видно было ни пола, ни стѣнъ, ни печей, ни пополка. А самъ находился во второмъ покоѣ своего пребыванія, освѣщенномъ множествомъ восковыхъ свѣчъ, сидя на богашѣйшихъ курульскихъ креслахъ, поставленныхъ въ углу подлѣ окошка; на немъ была шапочка, блистающая жемчугомъ и драгоценными каменьями; въ правой рукѣ держалъ жезлъ изъ слоновой кости съ большими драгоценнѣйшими брилліаншами, облокотясь на правую руку; съ лѣвой стороны сидѣли нѣкопорые изъ приближенныхъ. Послѣ поклоненія нашего повелѣлъ намъ сѣсть на скамью у стѣны пропивъ себя, и спросилъ находящагося при насъ Секретаря Лопухина о здоровьи нашемъ, и вспавъ съ своего сѣдалища, положилъ шапку и жезлъ на скамейку, подлѣ него находящуюся, сшупенькою выше престола. Привѣтствовалъ де Майерна, держа въ рукѣ большой хрустальной бокаль, за здоровье Вашего Императорскаго Величества, любезнѣйшаго его брата, слѣдующими словами: Дай Богъ, чтобы мы съ великимъ Государемъ воспоржесествовали надъ своими врагами! и попомъ выпилъ однимъ разомъ.

Тогда надѣвъ шапку сълъ, и самъ своею рукою поднесъ де Майерну большой серебряной вызолоченой кубокъ, полно налипый, и почти такимъ образомъ посшупилъ съ Калвудіемъ и према изъ нашей свишы, коихъ позволено было намъ взять съ собою. Когда одинъ послѣ другаго выпили спаканы съ разными напишками, тогда самъ, болѣе не вкушая, предлагалъ шѣмъ же порядкомъ и способомъ намъ пить. Пили мы поспешенно за здоровье старшаго сына, младшаго и всей фамиліи, а наконецъ за успѣхъ въ добромъ мирѣ. Выслушавъ послѣднее, онъ сказалъ: Это бы хорошее было дѣло. Исполнивъ сіе, мы пошли, замѣшя, что шѣ, кои подносили кубки намъ опѣ Царя и прибирали ихъ, были съ накрышою головою, даже когда и Царю подносили. Вельможи и мы сидѣли съ опкрышою головою. Многие изъ первыхъ Бояръ и Царскихъ Поспелъничихъ въ то время, какъ мы были во внутреннихъ покояхъ, угощали дружественнымъ образомъ свишу нашу во внѣшнихъ, а вешераны нашихъ мальчиковъ.

На слѣдующій день публичная аудіенція была шамъ же и съ обыкновеннымъ церемоніаломъ. Канцлеръ, по проченіи о нашемъ опправленіи, сказалъ: Царь, зная о нашихъ предложеніяхъ изъ писемъ Вашего Императорскаго Величештва, нами врученныхъ и донесеній своихъ Депушатовъ, опвъшпсвуетъ на оныя слѣдующее: Опправляйшесь въ Смоленскъ. Ежели Поляки примушъ ваше посредничештво, то вслу-

више въ должность сію; а ежели нѣтъ, то возвратишесь къ Его Императорскому Величеству. Мы замѣтили ему, что сіе несогласно было съ опредѣленіемъ конференціи, гдѣ говорено объ опшравленіи курьера изъ Смоленска и ожиданіи его возвращенія. На сіе Канцлеръ отвѣчалъ: Царь! не перемѣнилъ опредѣленія, но тайныя рѣшенія не объявляющся на публичныхъ аудіенціяхъ.

Царь вспалъ съ своего мѣста, и придерживая корону на головѣ лѣвою рукою (Аллегрешъ думалъ, что онъ снималъ ее), сказалъ намъ: По пріѣздѣ вашемъ привѣстуйте Его Императорское Величество дружественнѣйшимъ образомъ. Помощь, вручивъ письма, допустилъ къ правой рукѣ. Тѣмъ же днемъ данъ былъ обѣдъ намъ съ обыкновеннымъ церемоніаломъ въ нашихъ покояхъ.

Причиною отказа въ обѣдъ, даваемомъ при отъѣздѣ Посламъ Цесарскимъ и Польскимъ, полагаемъ желаніе, уничтоживъ древній обычай, пишь Посланникамъ за здоровье Императора или Короля съ открытою головою. Такъ не употреблялся уже болѣе обычай приглашать Посланниковъ къ столу послѣ первой аудіенціи, какъ то было при Васильѣ въ бытность Графа Нугарола, Посланника Императора Карла V и Барона Сигизмунда Герберштейна, Посланника Фердинанда I, кои уворяютъ что они были выслушиваемы съ непокровенною головою.

1 Мая прїѣхали мы къ Князю Долгорукому и приняты были имъ и начальникомъ Царскаго дворца во внутренніе покои. Содержаніе проспранныхъ разговоровъ съ нами, какъ друзьями, а не Посланниками, было слѣдующее: Цари Московскіе со временъ Максимилиана I были въ дружескомъ сношеніи съ Римскимъ Императоромъ, которое при нынѣшнемъ Государѣ Алексѣ еще болѣе ушвердилось. Онъ, изъ уваженія къ тому, что былъ извѣщенъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ по принятіи Римскаго Престола, немедленно принялъ посредничество; попомъ говорилъ, что Польша и Литва находящіяся въ большой опасности и угрожающія междоусобною войною по причинѣ неимѣнія Королемъ дѣшей и опасенія, чтобы Французы не завладѣли престоломъ. И пошому Ваше Императорское Величество не примешали противъ сего какихъ-либо мѣръ; они не хошашъ Француза допустить до владычества ими и для того прїемлющъ съ удовольствіемъ мѣры, могущія отвращить сіе. Ежели Царь, по предложенію Ливонцевъ, сдѣлаешъ наследникомъ Королю Назимиру котораго-либо изъ своихъ сыновей, то увѣренъ, что Ваше Императорское Величество сему не позавидуешъ, равно и онъ поступитъ, ежели будеще выбраны вы или братъ вашъ. Благоразумнѣе ничего не можешъ бышь, какъ положивъ швердое основаніе доброму союзу, помогашъ другъ другу взаимно къ уступленію Польши Вашему Императорскому Величеству, а Литвы Царю.

По окончаніи сего между прочимъ онъ просилъ насъ сообщить свое мнѣніе, которое мы изъяснили такимъ образомъ:

Извѣстно намъ и всѣмъ, что Римскіе Императоры и Цари Московскіе взаимно сохраняли между собою дружество, для поддержанія коего Ваше Императорское Величество посылали сперва письма чрезъ Любекъ, а потомъ оправили прямо къ Царю Посла (какъ мы уже говорили въ первомъ нашемъ предложеніи) для извѣщенія о выборѣ его Римскимъ Императоромъ, почто такъ какъ и всѣхъ Государей, коихъ извѣщашъ о семъ случаѣ при Дворѣ Императорскомъ издавна было обыкновеніе; наконецъ для вѣщаго доказательства брашской любви Ваше Императорское Величество оправили снова насъ для доставленія Царю и подданнымъ его мира. Согласны, что Француза не должно допускать до Польскаго престола шѣмъ, кои, разсматривая вообще и часно учрежденіе Франціи, имѣющъ справедливость опасаться сего безпокойнаго и опаснаго сосѣда; думаемъ однакожъ, что большой опасности не настощъ: ибо многіе дворяне прошиваясь выбору его, а силой достигнуть до сего нѣтъ возможности. Полагаемъ при томъ, что самое вѣрное средство опхранишь зло сосощишь въ томъ, чтобъ подкупишь нѣкоторые голоса при выборѣ, а другимъ внушить явную ненависть къ Французамъ. Ежели Государь нашъ согласился на Царской выборѣ, шо думаешь, что воля его въ семъ случаѣ не из-

мѣнишь. За взаимное желаніе Вашему Императорскому Величеству благодарили и приняли оное какъ самой пріятной знакъ братаго благорасположенія не для какихъ-либо будущихъ выгодъ; ибо мы неоднократно извѣщали, что Ваше Императорское Величество ни для себя, ни для Свѣплѣшаго Брата Польскаго прешло не желаетъ. Знаемъ, что все Королевство Польское одинаково думаетъ относительно его лица, но не менѣе того, разговаривая, по его увѣренію, не какъ Посланники или Министры, но какъ личные друзья, желаемъ знать откровенно его мнѣніе, какимъ образомъ должно совершиться сіе предполагаемое раздѣленіе, избраніемъ, или мечемъ? и попомъ сіе избраніе наслѣдника будетъ ли при жизни Короля, или послѣ его смерти? Король, Королева и преданные имъ не допускаятъ до выбора никого, кромѣ давно желаемого Француза, да и самая конспиріція воспрещаетъ избирать наслѣдника при жизни Короля, на коей основываясь, они всегда могутъ уничтожить актъ наслѣдованія. А во впоромъ случаев и самое цвѣтущее здоровье Короля обѣщаетъ жизнь долготѣпную, и припомъ, ежели будетъ угодно Богу воззвать Королеву изъ сей жизни, Король можешь женишься и имѣшь опъ другой жены сына, могущаго положить предѣлъ замысламъ честолюбцевъ. Когда пѣмъ и другимъ образомъ достигнушь не возможно, осмѣается одно средство: единогласное избраніе, несомѣстное однако съ предпо-

лаглемымъ раздѣленіемъ часпей, которое они благоразумно спараюшся опшрашишь, какъ вредное свободѣ. И пошому не понимаемъ, какимъ образомъ можеть совершишься чрезъ избраніе предполагаемое раздѣленіе!

Ожидали, что возмушь другую спорону, по ешь войну; но любезный Долгорукой говорилъ по своему обыкновенію много и не сказалъ насшоящаго, опъ чего и мы замолчали.

Когда онъ говорилъ очень много намъ о пользѣ и даже необходимости предполагаемаго союза, мы кспаши сказали, для чего Царь, помышляя о семъ, не обязалъ Вашего Имперашорскаго Величешва какою-либо помощію прошиву Турокъ; шогда всѣ предпріяшя были бы удобнѣе. Онъ опвѣчалъ на сіе намъ, что мы уже сообщили. Удивительшно, говорили мы, что Царь, будучи въ войнѣ съ Могаммеданами Крымскими, не заботился о столь могущешвенномъ союзникѣ. Помирише насъ съ Польшей, сказалъ онъ, и шогда всѣми силами поидемъ на Крымъ. Сіе обѣщали; но кто повѣришь Москвишянамъ? Объявилъ намъ, что Царь хочеть удержашь нѣкоторыя мѣста за собою и на семъ условіи шолько заключишь миръ.

Сверхъ шого о Шведскомъ посредничешвѣ сказалъ, что Горнъ предлагалъ Царю еъ увѣреніемъ, что Польскій Король говорилъ Степану Біелко, желашельно, штобъ Король Шведокій, исключая всѣхъ, былъ посредникомъ и для шого велъ бы съ Царемъ

переговоры, чтобы, опослав насъ, принялъ его; но Царь отвергъ оное, объявля съ швердосшію о приняшіи уже посредничества Вашего Императорскаго Величества, что обязательство письменное важнѣе словеснаго. Съ нами дѣло было на письмѣ, а съ Горномъ на словахъ. Его оппустили къ Королю, а мы опправляемся въ Смоленскъ, подлѣ коего, а не Шпокгольма, будущъ ведены переговоры о мирѣ. И шакъ мы узнали, кто допущень и кому опказано. Но для чего не Царь, а онъ объявилъ намъ, если это правда?

5 Маія получили мы изъ иностранной канцеляріи опъ имени Министровъ, съ коими мы сносились, бумагу на Славянскомъ языкѣ слѣдующаго содержания, сокращенно:

1. Касательно Турокъ опвѣчали то, что мы уже писали Вашему Императорскому Величеству и выше изъяснено.

2. Касательно опвѣзда де Майерна къ мѣспу переговоровъ и наспоянїа о пребыванїи въ Москвѣ опвѣчали, что на послѣдней конференціи сообщено было, какъ мы уже донесли, ш. е. повельно Царемъ ѣхать обомъ въ Смоленскъ и шамъ, ежели Поляки примуть наше посредничество, исполняшь свою должность; ежели же нѣшь, то опправильсь чрезъ Ливонїю и Польшу къ Вашему Императорскому Величеству.

3. Согласились, чтобы мы опправили курьера изъ Смоленска къ Вашему Императорскому Величеству съ приказанїемъ, воз-

врашиться какъ можно скорѣе, но съ на-
мѣреніемъ умолчено объ ожиданіи его въ
Смоленскъ.

4. Просили, чтобъ мы писали къ Послу де
Лизоль объ освобожденіи ихъ Дьяка Ефимья
Прокофьева.

5. Не хошѣли намъ дать копіи съ
спашья письма, въ коемъ посредниче-
ство Вашего Императорскаго Величества
было опвергнуто Королемъ Польскимъ,
предсавляя, что доспашочно его просмо-
прѣшь и нашему Секретарю замѣшить
день и мѣсто.

6. Обвиняли Поляковъ за неприсылку
Коммисаровъ для переговоровъ о мирѣ, а Царь
уже своихъ давно опправиль въ Смоленскъ.

7. Наконецъ жаловались, что Царь, по
прозьбѣ Короля Польскаго освободивъ Гене-
рала Гозіевскаго, надѣялся, что за сіе по-
жершвованіе онъ освободишь чешырежъ плѣн-
никовъ Рускихъ, какихъ пошребуюшь; но
сего онъ не исполниль, шребуя за каждаго
lithgum; моришь голодомъ, и посшупаешъ
весьма жестоко съ плѣнниками, разсѣянны-
ми по Польскимъ маешноспямъ. Почему
просили, чтобъ мы, ежели будемъ допущены
до посредничества, спарались помочь
имъ; а ежели нѣшь, шо, проѣзжая Польшу,
предсавили бы о семъ Королю, или по край-
ней мѣрѣ Вашему Императорскому Величе-
ству.

6го Мая выѣхали мы изъ Москвы и 19
прибыли въ Смоленскъ. Приняшы были опъ
Пословъ Царскихъ надлежащимъ образомъ, изъ

коихъ два главные, одинъ послѣ другаго, по обычаю своему, присылали къ намъ кушанье и напишки.

20го Князь Одоевскій, главный изъ нихъ, доставилъ намъ письмо Гозіевскаго, который извѣщалъ, что хопя онъ и говорилъ съ Посланниками Польскими; но оны не пріемлютъ посредничества Цесарскаго, обѣщавъ стараться о семъ по пріѣздѣ своемъ ко Двору Польскому. Между тѣмъ Государственные Сенаторы неохотно входили въ переписку съ нами, совѣтниками Вашего Императорскаго Величества, а попомъ желали подавать взаимно дружескіе совѣты о томъ, что касается до славы и пользы обоихъ Государствъ.

И шакъ, когда 23го мы имѣли конференцію для переговоровъ о мирѣ съ Царскими Посланниками, съ Княземъ Никишою Ивановичемъ Одоевскимъ, Иваномъ Семеновичемъ Прозоровскимъ, Афанасьемъ Лавреньевичемъ Ордынымъ - Нащекинымъ, Думнымъ Дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, Дьякомъ Федоромъ Михайловымъ, кои еще въ Москвѣ доставили намъ способъ послать курьера къ Вашему Императорскому Величеству, съ которымъ писали и къ означеннымъ Сенаторамъ Польскимъ сими словами:

Великоимяниные господа и друзья знаменитѣйшіе!

Вашимъ Превосходительствамъ давно уже извѣстно, что Его Императорское Величество нашъ Всемилостивѣйшій Государь, по ревности своей къ прекращенію люющей-

ся Христіанской крови, послалъ насъ прошедшаго года въ Москву для предложенія мирнаго посредничества Царскому Величеству. Въ то же время отправленъ былъ для сего Посоль знаменитый Баронъ де Лизола къ Королевскому Величеству въ Польшу съ извѣщеніемъ о предложенномъ Цесарскомъ посредничествѣ и о скоромъ принятіи онаго. Царь извѣщалъ Королевское Величество, что оное принялъ, и что мы вскорѣ отправимся для исполненія онаго на границу Ливоніи; на что Его Королевское Величество отвѣщивалъ, что такое посредничество важно, но что онъ полагаетъ по многимъ причинамъ обойтись при заключеніи мира безъ посредника, а по тому и думаетъ, что посылать насъ на границу излишне. Опъ того мы жили въ Москвѣ, а между тѣмъ Генераль Гозіевскій освобожденный изъ плѣна предложилъ себя Царскому Величеству для сношенія сперва съ вами, а потомъ съ Королевскимъ Величествомъ для того, чтобы Поляки хотя частію приняли наше посредничество. Спустя четыре дня по отъѣздѣ Гозіевскаго, мы получили письмо опъ своего Государя опъ 21 го Октябрия прошедшаго года и извѣстились, что Поляками частію уже объявлено, ежели мира безъ посредника заключить будетъ не лзя, то принимаеица одно только посредничество Цесарское, почему и разсудили, съ позволенія Царскаго Величества пріѣхать сюда для того, ежели обѣ стороны не заключатъ сами собою мира,

но намъ бышь въ гошовности. — Здѣсь получили мы письма Г. Гозіевскаго, изъ коихъ узнали, что Ваше Превосходительство не допускали насъ бышь посредниками, но по его прозвбѣ согласились ошарашься у Его Королевскаго Величества о допущеніи насъ къ сему вмѣстѣ съ нимъ. Между шьмъ да не затруднишесь Сенаторы Царешва и Королевскаго Величества, имѣшь письменное сношеніе съ нами, совѣшниками Его Императорскаго Величества, о благѣ общешвенномъ, до того времени, когда Послы съ Послами могутъ имѣшь приличныя сношенія. И шакъ слагаемъ съ себя сей характеръ, и предлагая свою покорность, просимъ, чтобы сіе смѣлое предпріятіе наше для достиженія блага общешвеннаго доведено было до свѣдѣнія Генерала Гозіевскаго, Цесарскаго Легата Барона де Лизоль и наконецъ до самаго Государя. Узнавъ, что Русской Дьякъ Ефимъ Прокофьевъ, ошправившись изъ Москвы съ нашимъ шрубачемъ подѣ поручишельствомъ нашихъ писемъ къ Государю, и провзжая Тигошигны, еще до удословѣренія Королевскаго въ вышеозначенномъ Послѣ де Лизоль, былъ задержанъ и содержишся подѣ крѣпкою спражею, просимъ покорно Ваше Превосходительство о должномъ освобожденіи его; ибо начальникъ Шклова пропустилъ его, и онъ, провзхавъ уже большое разстояніе, былъ задержанъ, кажешся, по несправедливости. Такъ не постушають и съ просимымъ человекомъ, и не продолжають

Ч. II. No V и VI.

3

его спрaданія чшобъ послѣ жестюкаго годичнаго заключенія, онъ же исполнялъ волю своего Государя, и полагался на зашщину дружественныхъ Пословъ. Русскіе жалуются, что ихъ пльнные содержатся жестюко своими Господами въ Ливоніи и Польшѣ, почему и просимъ Ваше Превосходительство, чшобы вы изъ любви къ Христіанской религіи и разсудя о несполненишвѣ счассія, приказали обходиться съ ними чловѣколюбивѣе и размѣнявшись ими въ назначенное время.

А между шѣмъ, ежели угодно вамъ будетъ согласиться о мѣсшѣ переговоровъ и о прочихъ пріугоповленіяхъ, шо мы желаемъ и на сіе гошovy.

Вашихъ Превосходительство благорасположенные и гошovy ко услугамъ друзья Августинъ де Майернъ и Гораций Вильг. Калвудій.

На шой же конференціи спрашивали насъ означенные Царскіе Послы, получили ли мы на письмо, посланное съ шрубачемъ еще 27 Августа, ошвѣщъ ошъ Вашего Императорскаго Величества. — Его перехватили (какъ вы сами говорили, будучи Депушашами въ Москвѣ) Ливонцы, ошвѣчали мы. — Они возразили на сіе, что Государи обыкновенно посылаютъ дупликашы Посламъ своимъ. — Это правда, ошвѣчали мы, когда шолько имѣютъ причину опасаться; но письма ошъ Вашего Императорскаго Величества чрезъ Курландскаго Герцога всегда доходили исправно, а пошю-

му и не думали о дубликатахъ. Потому просили они написать все, что прошедшаго года съ шрубачемъ писали, для получения ошвѣща. Два дни спустя, Нащекинъ и Алмазь пришли къ намъ въ домъ и просили о семъ особенно, объявивъ при томъ, что они не сшерпятся, чшобъ въ шишулахъ Государь ихъ былъ ниже Короля Польскаго.

2 Августа прибылъ въ Смоленскъ курьеръ отъ Короля Польскаго къ Царю и привезъ къ намъ письма Генерала Гозіевскаго отъ 27 Юня изъ Варшавы, который увѣрялъ, что въ Сенатъ Поляки разсуждали о принятіи посредничества Вашего Императорскаго Величества, и что Король оное допускаетъ, намъреніемъ Пословъ Государя, споль человѣколюбиваго, не провинорѣчишь и, какъ кажешся, соглашаешся и не ошвергаешъ насъ, гошовыхъ раздѣлить съ нимъ шруды; но дѣло ошложено до пріѣзда Посла Нащюкина, согласно съ обшщаніемъ Царя, дабы яснѣе видѣть ходъ дѣла, и тогда-шо, по приличномъ совѣщаніи, дадушъ намъ рѣшительный ошвѣщъ. Съ сего письма вручили копію Царскимъ Посланникамъ, кошорую они ошправили съ шѣмъ же Польскимъ курьеромъ къ Царю.

Между шѣмъ 29 го числа получила другое письмо Гозіевскаго отъ 9го сего же мѣсяца изъ Вильны, кониъ извѣщала, что Король хошя и объявилъ о нешринятіи посредничества, но, какъ прилично, и не ошказывалъ другой сторонѣ нишѣхъ посредниковъ, а потому Послы Вашего

Императорскаго Величества и могутъ имѣть участие въ переговорахъ о мирѣ. Съ сего копія также сообщена была Царскимъ Посламъ.

... бго Сентября, по повелѣнію своего Государя, они объявили намъ, что Царь видитъ какъ изъ копіи писемъ Гозіевскаго къ намъ и Посламъ своимъ, такъ и изъ писемъ Королевскихъ, доставленныхъ ему курьеромъ, что Польскій Король имѣетъ не большую склонность къ миру, а еще менѣе къ допущенію посредничества Вашего Императорскаго Величества; почему и повелѣваетъ, чтобы мы отправились и вручили его письма Вашему Императорскому Величеству. Мы отвѣчали, что отправленіе наше кажется неразумно; ибо изъ содержанія писемъ Гозіевскаго видно, что допущеніе посредничества Вашего Императорскаго Величества предоставлено Царю. Но намъ отвѣчали, что повелѣніе Царское неизмѣнно, а почему и оправдывались бы. Одному Гозіевскому вѣришь предпочтительнее не льзя. Если Король думаетъ такъ, какъ онъ пишетъ, то сообщилъ бы свое мнѣніе Царю. Почему не отвѣчали намъ Коммисары Польскіе и де Лизода не пишутъ? И такъ согласились на повелѣніе съ тѣмъ, что заѣдемъ въ Вильну къ Гозіевскому. Требуемъ совета, какъ поступать, когда онъ, дѣйствуя основательнымъ образомъ, захочетъ удерживать или отправить насъ на границу для исполненія нашей должности. Они отвѣчали, что не знаютъ на сіе соизволенія Царя.

И такъ 10го Сентября мы отправились, Посоль Одоевскій въ своей каретѣ довезъ насъ до судовъ, безъ всякихъ однако церемоніаловъ, при семъ употребляемыхъ. Замѣчаемъ для будущихъ Посланниковъ въ Москву, что мы Царя всегда называли Величешвомъ, но подъ условіемъ рашификаціи, копорую оныя ихъ скрывали, а въ бумагахъ никогда, исключая письма, отправленнаго изъ Смоленска къ Коммисарамъ Польскимъ 27го Мая насшоящаго года, какъ людьми частными, а не Посланниками. Сіе видно по его формѣ.

Генераль Александръ Лезлій 9б лѣтъ, изъ преданности къ Вашему Императорскому Величешву, присылалъ намъ очень часто споль, вина и каждый день прогуливался въ его саду.

Вскорѣ по объявленіи о нашемъ отпускѣ изъ Россіи мы писали съ нарочнымъ Ливонскому начальнику Спешкѣвишу въ Оршу, на берегахъ Днѣпра, прося его, чтообъ онъ озаботился, какъ слѣдуешь, объ акипажахъ нашихъ для дальнѣйшаго пуши; но прибывъ туда, мы ничего не нашли кромѣ нашего посланнаго, копорый сказалъ намъ, что онъ безъ повелѣнія Главнкомадующаго выполнишь сего не могъ, а пошому и дожидались бы въ Красномъ (чего намъ Русскіе не позволили) дальнѣйшаго отъѣзда. Онъ увхаль, а оныя его преемника Козаринскаго никакого госпепрімства не получили и едва на другой день могли выпросишь позволенія за большія денъги отправишься.

Городской Консулъ проводилъ на судахъ до Шклова, и заплашили за перевзъдъ чрезъ мостъ караульному. Прежде прибышїи къ Шклову извѣстїи мы начальника городскаго; но не лучше были приняты, и намъ даже не позволили выдти на берегъ. Приспавъ къ прошивному берегу, шщещно просилъ позволенїя нанять лошадей для дальнѣйшаго пуши; начальникъ ошговорился, что онъ сего не можешь сдѣлать безъ приказанїя Главнокомандующаго, а позволилъ только ошановиться у Могилева, подлѣ коего на берегу проспоявъ два дни и съ позволенїя Начальства нанявъ за дорогую цѣну лошадей, прибыли въ Вильну 1662 13го Октябра, въ коемъ, по блистательномъ приѣмѣ Палашина Сапеги, Генерала Гозіевскаго и войсковыхъ Депушатовъ, и когда первые два вельможи угостили насъ богатымъ шоломъ, то Палашинъ Троценскій Пасцій, браншъ Канцлера, воспрешилъ имъ сообщенїе съ нами; а между швѣмъ собралъ дома совѣтъ задержавъ насъ до полученїя на сіе распоряженїе Двора, или, можешь бытъ, имѣлъ въ виду и другое злѣйшее намѣренїе.

Мы просили Генерала Гозіевскаго объяснить, что должны были писать къ Вашему Императорскому Величеству о посредничествѣ согласно съ мнѣніемъ Короля Польскаго. — Ошвѣчалъ, что за чешыре дни предъ симъ проѣхалъ чрезъ Вильну обратнѣ Королевскій курьеръ и объявилъ, что Великій Князь, узнавъ о рѣшительномъ мнѣ-

нѣи Короля мириться безъ посредниковъ, отправилъ васъ, по согласію съ нимъ, изъ Москвы, и что по желанію Короля прибудешь скоро Посоль Нащокинъ, который прїѣдетъ одинъ и будешь вести переговоры; послѣ сего не останешься никакой надежды просить Короля, а еще менѣе Москвитинъ. Сіе тайное соглашеніе Царя съ Королемъ учинено пльннымъ Генераломъ Гозіевскимъ для своего освобожденія, о чемъ мы узнали послѣ, какъ это сдѣлалось явнымъ; и когда дошло до союзнаго войска, шо сіе много причинило ему вреда. Оно досадовало за гнусное его предательство Французской партіи и за обольщенія Маршала Зеронсіа.

Во время пребыванія нашего въ Вильнѣ Совѣтникъ союзнаго войска Наваски пришелъ пьяной къ нашему дому неожиданно, и когда справедливо опасаясь, чтошобъ не сдѣлалъ чего предосудительнаго по обычаю своей страны, не пустили его, онъ цѣлый часъ ругалъ всѣхъ насъ. Трижды грозилъ саблею зарубить перваго изъ насъ, котораго онъ вспрѣшилъ на улицѣ. На другой день пришли къ намъ два его товарища просить за него прощенія, на которое и согласились, зная, что симъ людямъ въ пьяномъ видѣ все позволено, хошя бы они послѣ сего и наказаны были.

Послѣ окончанія конвенша Королевскихъ Коммисаровъ и войска Ливонскаго, пришелъ ночью къ Калвудію человекъ, упоминаемый въ письмѣ къ Вашему Императорскому Величеству изъ Данцига 21 Февраля, кошо-

рый, по дружбѣ къ нему, извѣстивъ, что войско говорило много пущаго о насъ и опредѣлило не опсмыслать насъ явно, но шолько дѣлать непріятности, дабы мы добровольно сами уѣхали. Сіе извѣстіе подтвердилось многимъ, а особенно нашими друзьями. По перемѣнѣ образа съ нами сношенія увѣрились совершенно и рѣшились заблаговременно предупредить зло; размышляя, ежели онъ послушалъ по чувству истинной дружбы, или изъ принужденной хитрости, то въ томъ и другомъ случаѣ, опасаясь долѣе въ Вильнѣ, мы подвергались опасности оскорбленія Вашему Императорскому Величеству. Ежели онъ говорилъ истину, то оскорбленіе неминуемо было бы отъ тѣхъ, кои хотѣли сего; ежели же ложно, то сіе происходило отъ того, что его такъ научили. И пошому отъ Чихановича, начальника войска Ливонскаго, и Проканцлера просили писемъ и команды для препровожденія нашего къ границамъ, что и было обѣщано; но на другой день Проканцлеръ опказалъ. Команды не получили; а письмо далъ другой чиновникъ. 8 го Ошправились изъ Вильны, и по провздѣ двухъ миль нагналъ насъ воинъ Ливонскій съ двумя слугами и пребовалъ, вопреки всякому обычаю, очистить для его провзда дорогу. Де Майернъ, взявъ послѣдній, ошвѣчалъ ему чрезъ своего слугу, что его прозъбы исполнить не возможно безъ чрезвычайныхъ трудностей; ибо ѣкипажъ состоитъ изъ 30 подводъ; онъ можетъ самъ объѣхать по той

или другой стороной широкой и ровной дороги. Выслушавъ сіе и какъ бы обезумѣвъ, вскочилъ съ обнаженною саблею и съ ругашельщиками бѣгалъ кругомъ сажей за безоружнымъ слугою, находившимся для поддержанія сажей де Майерна. Увидѣвъ сіе другой слуга, прибѣжалъ съ саблею для укрощенія безумнаго и поранилъ ему руки, а особливо лъвую. Третій безъ оружія хотѣлъ вырвать у него саблю изъ рукъ; но получивъ при удара въ голову отъ его слуги, принужденъ былъ удалиться. Между тѣмъ де Майернъ уговаривалъ безумнаго, кошорый, ругая его, прицѣливался и вѣрно бы исполнилъ намѣреніе, еслибъ и старшій слуга его не вспутился. Все сіе перенесли мы съ чрезвычайнымъ терпѣніемъ и имѣя возможность, не испили ему; но бѣшеное живописное, употребивъ во зло нашу крошость и снисхожденіе, въ то время, когда хотѣли перевязывать раны, бросился какъ бы укушенный оводомъ съ шакимъ звѣрствомъ на насъ въ другой разъ съ саблею, въ присутствіи вооруженныхъ слугъ, готовыхъ опразить силу силою, что изрубилъ бы всѣхъ, ежели бы не приняли нужныхъ мѣръ связавъ его, что и исполнили. Послѣ сего пошчасъ жаловался письменно какъ Генералу отъ артиллеріи и Генералу отъ кавалеріи Юдиски, такъ и Чехоновичу о нарушеніи права народнаго и объ отказѣ намъ въ командѣ для препровожденія, и скорѣе спѣшили выхаживать изъ Ливоніи. Вѣроятно, что сей былъ изъ числа заговорщиковъ, желавшихъ излить на насъ желчь свою.

Начальство Данцигское никого не выслало къ намъ; но Бреславское починило госпепрѣимствомъ. При семъ имъвѣ счастье пожелать Вашему Императорскому Величеству всѣхъ благъ и счастья, поручаемъ всепокорнѣйше себя Вашей благосклонности. Вѣна 8 Апрѣля 1663.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданнѣйше рабы Августинъ де Майеръ, Горацій Виль. Калвуцій.

Съ Латинскаго С. Доброклонскій.

ПОВѢДКА ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ЕЛЕНЫ
ЮАННОВНЫ ВЪ ВИЛЬНУ ДЛЯ БРАКО-
СОЧЕТАНІЯ СЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЕМЪ
ЛИТОВСКИМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ.

(Изъ Посольскихъ дѣлъ.)

Лѣта 7003 прѣехала Великая Княжна на Дуброву, вѣдучи къ Вязьмѣ, и шую вѣспрѣшили Великую Княжну Князи Вяземскіе вѣ; а привезли еѣ поминковъ: семь камокъ Бурскихъ лехкихъ, да за двѣнащцашъ золошыхъ 300 грошей, по полушрѣщящцашъ грошей за золошой, да шри золошые. А въ Смоленску вѣспрѣшили Великую Княжну Князь Олександръ ошъ Оксша, да Юрьи Зиновьевъ, да Юрьи Глазбовичъ Намѣстникъ Смоленскій за пѣшь верстѣ до Смоленска, а съ ними вѣсь люди Смольяннѣ Боаръ и мѣстнѣ, да шедѣ съ коней прищли ко Князю, къ Семену, и Князь Семень выщелъ прошивъ ихъ изъ са-

ней, да пришеде съ ними къ шапканѣ, ливалъ ихъ Великой Княжнѣ; и они Великой Княжнѣ челоу ударилъ. А Ямъ вспрѣтилъ Великую Княжну у посадовъ, да съ нимъ челоу съ пяддесѣть. А какъ повхала Великая Княжна въ посады, и дѣши Боарскіе сошли съ коней, да шли у шапканѣ пѣши; а какъ прѣхала къ носну и Боаре Князь Семень и Михайло изъ саней вышли, да шли у шапканѣ пѣши и до Пречисные; а Владыка Великую Княжну вспрѣтилъ вышеде изъ Пречисные со кресномъ и со всѣми священники, и благословилъ Великую Княжну кресномъ, и Княжна Великая пешла въ церковь, а Владыка молбенъ началъ пѣти; а какъ ошпѣли молбенъ и Великая Княжна пошла въ шапкану и повхала къ себѣ на дворъ; а Боаръ и Пановъ проводили Великую Княжну до свѣщлицы, и Великая Княжна велѣла Паномъ принести вина въ купкѣхъ, и подавалъ имъ вино ошъ Великіе Княжны Князь Семень. А на завшресъ Великая Княжна у Пречисные слушала обѣди, а Владыка служылъ обѣдию самъ; а поршы были на Великой Княжнѣ по записи. А опослѣ обѣди, какъ прѣхала Великая Княжна въ свѣщлицу, ино къ ней Пани пришли челоу ударилъ: Юрьева жена Глабра съ своею падчерицею, да Ивашкова жена Ношкина Моршалкина; и Княжна Великая велѣла имъ сѣсти на правой сторонѣ въ другой лавкѣ; а поминковъ къ ней не принесомъ. А Владыка Смоленской ударилъ челоу Великой Княжнѣ, а принесъ ей поминка икону злату съ чепеч.

кѣмъ Воплощенъ Пречистыи во дѣла, да кам-
 ку Бурскую въ золотомъ; и Великая Княж-
 на велѣла ему своимъ въ шой же лавкѣ, въ
 которой лавкѣ Пани одеять, выше Панией
 ошь себя; и велѣла Великая Княжна вино
 прижеситъ въ купкѣхъ, и подавала вино ошь
 Великіе Книжны Владыкъ Князь Семень, а
 Паниемъ подавала Великая Княжна сама ви-
 но, а къ Великой Книжнѣ вино приносила
 Книжница Марья Княжна Семенова. А какъ
 повхала Великая Княжна и Смоленска, и
 Паниъ Юрья Пльбовъ проводилъ ея за городъ
 съ вершю. А въ Вишебску, въспрѣшилъ Вели-
 кую Книжну Намѣстникъ Вишебской Князь
 Михайло Книжъ Ивановъ сынъ Юрьевича
 Ижеславского за двѣ вершы ошь Вишебска,
 со всеми Видбаны, и Князь Семень его
 явилъ Великой Книжнѣ; а въ посадѣхъ шѣ-
 ши Боарскіе шли у шапканъ пѣшы пошому
 же, какъ и въ Смоленску. А какъ приѣхала
 къ месну къ верхнему городку, и Боаре
 Князь Семень и Михайло шли у шапканъ
 пѣшы до Архангела; а у Архангела въспрѣ-
 шилъ Великую Книжну Архимандритъ со
 крестомъ и со всеми Священники, и благо-
 словилъ Великую Книжну крестомъ. И Княж-
 на Великая въ церковь не пошла, а пошла
 въ горницу; а Боаре проводили ея до гор-
 ници. А на завресе сауцала Великая Княж-
 на у Архангела молбена и обядни, да слу-
 шавъ обядни шушо хлѣба не яла, повхала
 прочь, а Князь Михайло Великую Книжну
 проводилъ со всеми Видбаны съ вершю за
 городъ; а Князя Александра и Яна и Юрья

Зиновьевна въ Вишебску не было : поехали
 впередъ къ Полошеску. А въ Полошеску Княжну
 Великую встрѣнилъ Князь Александръ
 ошъ Окста, да Панъ Янъ, да Юръя Зиновьевъ
 за полверстыг ошъ посада се всми
 Полочяны; а въ посадѣхъ шли двни Воарскіе
 у шапканы пѣшы попомуже, какъ и въ
 Вишебску. А какъ прѣехала Великая Княжна
 къ мосту, и Воаръ Князь Семень и Михайло
 шли у шапканы пѣшы и до Великого Софья;
 а Владыка встрѣтилъ Великую Княжну
 передъ церковью со кресты и со всми
 священники, и благословилъ ее Владыка крестомъ,
 и Великая Княжна пошла въ церковь;
 а Владыка молбенъ началъ пѣти; а
 какъ опѣлал молбенъ, и Великая Княжна
 пошла въ шапкану и поехала къ собѣ на
 дворъ; а Воаръ Князь Семень и Михайло и
 Пановъ Князь Александръ и Янъ и Юръя
 проводили Княжну до горници. И Паномъ
 Великая Княжна велѣла вино подавати; и
 подавалъ вино Паномъ ошъ Великіе Княжны
 Князь Семень. И того же дни пришла къ
 Великой Княжнѣ Панім Янова зъ дочерью
 челомъ ударити; а принесла поминка двѣ
 камки Бурскіе зъ золошомъ, и Великая Княжна
 звала ихъ къ себѣ цѣловашию, и съспи
 ихъ къ себѣ звала; а велѣла имъ съспи на
 правой споронѣ въ другой лавкѣ, и велѣла
 взити Великая Княжна вина въ купѣхъ, и
 подавала Великая Княжна вино имъ сама, а
 къ Великой Княжнѣ вино приносила Княгиня
 Марья Княжа Семенова. А на завпрѣдъ
 слушала Великая Княжна обѣди у Велико-

говорили добръ, что ся ему вѣнчаша въ Греческой церкви а не въ Римской, да што у него не опмолвили. И Панъ Янъ Боаромъ говорилъ, что Великой Княжнѣ въ городъ вѣхаша по рану, какъ опъ Великаго Князя къ ней вѣспъ будешъ, а до вѣспи ей къ собѣ вѣдипи не велѣлъ, а Боаромъ къ себѣ вѣдипи до вѣнчанья не велѣлъ же; а какъ прѣдець Великая Княжна въ городъ, и ей первое иши въ Русскую церковь, да и молбена слушаши, да потомъ съ ними иши въ Римскую церковь, да тамо и вѣнчашися; а самъ Князь Велики Великую Княжну хочешъ встрѣшиши. Да Панъ Янъ Боаромъ говорилъ, что Великой Княжнѣ до вѣспи въ городъ вѣдипи не велѣлъ, докольва Князь Велики къ ней въ Нѣмежы вѣспъ пришлешъ, и ей въ Городъ повѣхаша. Да какъ къ ней по рану въ Нѣмежы вѣспъ пришла, а вѣлено ей въ Городъ вѣхаша. А Панъ Янъ къ ней шуто въ Нѣмежы прѣхалъ же; а привезли Великой Княжнѣ опъ Великаго Князя шопъ же возъ, чтобы Великая Княжна на возъ пошла, и Великая Княжна въ возъ не пошла, а пошла въ шапкану, да въ Городъ и повѣхала. И Князь Велики Великую Княжну встрѣшилъ до города за при вершы, да шуто на жеребцѣ ешалъ, а шапкана спала же; и шуто опъ Великаго Князя послала къ шапканѣ послать сукна чернаго, а у шапканы послали по сукну Великаго же Князя камку Вурскую зъ золотемъ; и Великая Княжна изъ шапканы на камку вышла, а за нею Боарыни вышли же, а

Князь Велики на сукно аз жеребца шюль, да до сукну къ Великой Княжнѣ пошюль, да Великой Княжнѣ далъ руку, да и къ собѣ ея приидъ, да и о здоровье вспросилъ, да Великой Княжнѣ велѣлъ опяшь дойши аз шапкану; а Боарынямъ Княгини Марье да Русакинѣ женѣ руку далъ же; а самъ Князь Велики на жеребець пошюль, да похалъ подъ шапкану и до города. А какъ къ городу прѣзжаешъ, и онъ велѣлъ своимъ Княжатиомъ да и Цанскимъ дѣшемъ съ кожей съсѣши, да велѣлъ дойши у Великіе Княжны у шапканы съ правую сторону, а Княжницы дѣши Боарскіе пошли съ лѣвую сторону, а самъ Князь Велики похалъ передъ шапканюю и до города, да и въ городъ вѣхалъ вмѣстѣ до Рускіе церкви до Рождества Пречистые, и Великая Княжна пошла къ церкви къ Рождеству Пречистые, а самъ Князь Велики пошюль въ свою божницу въ Спианиславъ; и Великую Княжну шюшо передъ церковью встрѣпилъ Архимандритъ Макарей, что введевъ на Мидрополиче мѣсто, со кресты и со священники; да шюшо въ Рождество Пречистые и молбенъ вѣли, а обѣди уже одѣли. И Великой Княжнѣ шюшо Княгини Марья да Русакина жена, косу расплели и голову чесали и и кѣку на шею положили; да и покровомъ покрыли, да и хмѣлемъ осыпали; а поць Фома молишвы говорилъ; да и крестомъ ея благословидъ. И Великая Княжна изъ церкви пошла къ Великому Князю къ его божницу; а передъ нею шюль поць Фома со

крестомъ, да и крестомъ ее благословляя,
 а у божницы Великой Княжну всприпалъ
 Бискупъ съ крыжемъ, да крыжемъ ее не
 благословляя, да и опять пошолъ въ божни-
 цу, да спалъ на своемъ мѣстѣ; а Князь
 Велики съ Великой Княжною спали въ бо-
 жници на своемъ мѣстѣ; а подо Княжну по-
 слали бархатъ, которой было послани у
 шапканъ подь ноги, да на мѣсто положилъ
 сорочекъ соболей меньшей. И Бискупъ го-
 ворилъ Великому Князю молитвы, а попъ
 Фома говорилъ Великой Княжнѣ молитвы;
 а Княгини Марья надъ нею вѣнецъ держа-
 ла, а Кулешынъ вино держалъ въ скляни-
 цѣ, и попъ Фома Великой Княжнѣ давалъ
 вино пиши, да скляницу и рослѣоптали. И
 Бискупъ да и Князь Велики о томъ побра-
 нили накрѣпко, чѣобы попъ Фома мо-
 литвы не говорилъ, а Княгини Марья вѣ-
 ца не держала, и Князь Семень у нихъ по-
 ошговаривалъ, а попъ Фома шаки молитвы
 говорилъ; а Княгини Марья вѣнецъ держа-
 ла; а Архимандритъ Макарей шупъ же былъ
 въ божницѣ, да Великой Княжнѣ молитвы
 не смѣлъ говориши Великого Князя. И по-
 слѣ вѣчанья Князь Велики пошолъ къ себѣ
 въ гридню, а Великая Княжна пошла себѣ
 въ мнѣю горницу зъ Воарынями. И Князь
 Велики, пришедъ опѣ вѣчанья, да при-
 склалъ по Боаре, а вѣдѣлъ имъ у себя быти
 съ поминки, да и рѣчь говориши; и Воаре
 къ Великому Князю пришедъ поминки явля-
 ли; да и рѣчь говориши; да и вли у Вели-
 кого Князя. А Княжна Великая вѣчалася

въ своихъ поршѣхъ, да и нынѣча уже четвершой день послѣ вничья, а Великая Книжка шаки ходишь въ своемъ борюхъ, да и въ кикъ. А на завшрее Князь Велики Боаромъ велѣлъ собѣ являши крестъ съ чепью да и поршѣ, которые бы и поршомъ были послѣ вничья, да и послѣ мыльни; а мыльни у Великого Князя не было, а Боарѣ ему шо и являл, да и рѣчь говорилъ.

Великий Князь Р
и являлъ
и являлъ О
и являлъ А
и являлъ П
и являлъ
и являлъ П

В Е Л И К И Е Д Е Л А

Великий Князь
и являлъ
и являлъ
и являлъ
и являлъ
и являлъ
и являлъ
и являлъ
и являлъ
и являлъ

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

АМОСЪ ПУЗЫНЬ КЪ МОТЫЛКЪ.

Дни думисныхъ розъ и поля!

Зачѣмъ сюда ты зашелъ?

Здѣсь пльнь и скучная неволя:

Я ужь шерпѣнемъ накипѣлъ;

Забылъ о радостяхъ въ природѣ,

О шикомъ счастьи въ лѣсахъ;

А ты сгрустишься по свободѣ

И по родимыхъ небесахъ:

Летижъ на волнѣ ~~васаня!~~

И, въ золотой развѣтша часъ,

Святому Богу помолися

И будь у счастья гость за насъ!

Ө. Глинка.

ЭРОТЬ И КРОНЪ.

Кипридинъ смилъ крылатой,

Замѣтивши когда-шо

Красавицу, — она спала —

„Ахъ, какъ мила! ахъ, какъ мила!“

Сказалъ онъ смѣючися,

„Какъ щеки надулися,

Какъ личико округлено!

Посной! забыто здѣсь одно!“

И легкою рукою

Валъ, спрѣлу, и спрѣлоу

Повелъ по аленькимъ щекамъ
 И взырался двѣ ямки шамъ —
 Приюсть улыбки сладкой,
 И спящую украдкой,
 Поцѣловавъ, онъ улещья,
 Кронъ — персть къ ушамъ, но все смотрѣлъ

И думалъ самъ съ собою:
 „Эрощъ повелъ спрѣлюю

И новой прелестью она
 Счастливица надѣяна,
 И какъ похорошѣла?
 А многоль было дѣла?

Не приложили ни труда?
 А чтожь? — и пощипка не бѣда,
 Что да нибудь сострою

Шли годы чередою,
 Красавица межъ шѣмъ цвѣла,
 Была въ веснѣ своей мила,

Не одного пѣвнила,
 Не одного шомила.

Своей перой ласкались къ ней
 И Купидонъ и Гимокей;
 Они чередовались;
 Межъ шрѣвъ какъ годъ мчался,

А Кронъ ошъ ней не отходилъ
 И щихомодной бороздилъ
 То гладкой лобъ, по щеки,
 То, шруженитъ жестокій,
 По волоску у ней отъ краля,
 А осмѣльные осребрѣлъ.

Пришлажь ему охоте

Созданіе Эроша

По своему переряжашь!

Какъ будто шрудъ все можешь дашь.

1827 Окт. 15.

Римъ.

ЗЕРЦАЛО МУЗЫ.

(Изъ Гёттв.)

Нарядишься желая, Муза рано однажды гналась
За ручьемъ бышршечнымъ, найми чшобъ спокойное
мѣсто;

Но шоропясь и журча, игривой ручей ея образъ
Трепешный все искажалъ; богиня вдругъ удалилась
Въ гнѣвъ, а въ слѣдъ ей ручей прожурчалъ, насмѣхался
Испинну можешь ли что моего явишь зеркала чище?
Но ужъ далеко стояла она близь шихаго моря —
И въ немъ любулась собою, вѣдокъ на челѣ поправала.

В. М.

НА ПЕРЕВОДЪ ОСВОБОЖДЕННАГО ІЕРУСАЛИМА.

Напрасно говоряшь, что Сѣверъ нашъ суровой
Воображенія мертвишь полешъ,

Гдѣ Тассъ разцвѣлъ съ красною лозой,

Паренія души препятствія шамъ нѣтъ.

Нѣтъ, Римъ, не пѣнай на жребій свой бѣдѣшней!

Кто кистию прелестной

Умѣлъ безсмертнаго изобразить пѣнца,

Позврь, — шощь равнаго достощна съ нимъ вѣнда!

20 Февраля 1828 г. Москва.

С. Глинна.

П Р О З А.
ОСНОВАНІЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

(Изъ Гиббона.)

Посль пораженія Лицинія и отреченія его онъ прешола „побѣдоносный его соперникъ“ положила „основаіе“ городу „предназначенному сдѣлаться нѣкогда владыкою востока и пережить Имперію вмѣстѣ съ вѣрою, своею основащею“. Политическія причины или надмѣнность, заславившія Діоклеціана, пердаго изъ Римскихъ Императоровъ, основавши Римъ и поселился въ отдаленіи онъ Императорской столицы, въ послѣдствіи сшала побудительнѣйшимъ къ шому примѣромъ для его преемниковъ, утвердись сороколтшнеею привычкою. Римъ нечувствительнѣе снзаль на ряду съ прочими городами покоренныхъ имъ областей, признававшими прежде его владычество; и ошечество Кесарей возбуждало одно лишь холодное равнодушіе въ воисшвенномъ. Князь, рожденномъ на берегахъ Дуная, возросшемъ при дворахъ или въ воинскомъ станѣ и облеченномъ въ порфиру Брипанскими легіонами. Италіанцы, почитавшіе Константина своимъ избавителемъ, съ покорностию повиновались указамъ, которые иногда удоспоиваль онъ насылашь Сенату или народу Римскому, очень рѣдко пользуясь честию видѣшь въ стѣнахъ своихъ своего Государя. Покуда еще крѣпость силъ позволяла Константину, то онъ, сообраз-

но съ различными рундами войны или мира, непрерывно объѣзжалъ границы обширныхъ своихъ владѣній, иногда путешествуя медленно съ приличною сану его пышностью, или съ грозною быспрохою дѣятельнаго властителя, бывъ всегда въ готовности выступить въ поле противъ чужеземныхъ или домашнихъ враговъ своихъ. Подъ конецъ жизни, на верху щаслїи и въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ принялъ названіе утвердивъ могущество и величіе престола постояннымъ жилищемъ. Въ выборъ выгоднѣйшаго мѣстопробыванїя своего онъ предпочелъ смежность Европы съ Азією, чтобы удобнѣе можно было подчинить подъ могущественнымъ своимъ правленіемъ варваровъ, живущихъ между Дуною и Танаисомъ, и для лучшаго наблюденїя за Персидскимъ Шахомъ, который съ трудомъ выносилъ предписанный ему послѣдній мирный договоръ. Съ пѣми же видами Діоклипанъ украсилъ избранное имъ жилище въ Никомедїи; память его, по всей справедливости, была ненавистна покровителю Европы, а Константинъ алкалъ славы: онъ хотѣлъ, чтобы основанный имъ городъ увековѣчилъ имя своего основателя. Въ послѣднихъ своихъ военныхъ дѣйствїяхъ противъ Лициніа онъ часто имѣлъ случай, какъ полководецъ и Государственный человекъ, замѣтить въ своихъ наблюденїяхъ несравненное мѣстоположеніе Византіи, и, сколько природа способствовала, оградивъ ее отъ чужеземныхъ нападений,

къ распространению обширной и выгодной торговли. Нисколько вѣковъ до Константина, Малабъ, правдивѣйшій изъ древнихъ писателей, изобразилъ выгоды этого мѣстоположенія, подчинившаго владычество морей слабой колоніи, вышедшей изъ Греціи, и сдѣлавшей потомъ независимую, цвѣтущую республикою.

По видимому, сама природа образовала Константинополь быль столицей и средоточіемъ великаго Имперіи; лежащій подъ 41 градусомъ долготы, первопрестольный стоить городъ, съ семи холмовъ своихъ, повелѣвалъ Европою и Азією. Климатъ въ немъ здоровый и умеренный, почва земля хлѣбородна, признакъ обширна и надежна. Одно лишь мѣсто, подверженное нападенію съ матерей земли, по необширности своей, удобно было къ защищенію. Восторгъ и Геллеспонты служатъ, такъ сказать, двумя воротами въ Константинополь; но владѣтель двухъ важныхъ этихъ входовъ легко можешь, заперевъ ихъ для непріятельскихки флотовъ, откритъ для торговли. Восточныя провинціи, изкопорнымъ образомъ, обязаны были Константинопу политическимъ своимъ спасеніемъ.

Египетскіе варвары, въ предыдущемъ столѣтій дошедшіе съ флотомъ своимъ до середины Средиземнаго моря, опчаясь прорваться сквозь непреодолимую ему преграду, вскорѣ откидывались отъ своихъ грабежей.

Когда входы въ Восточный Гелленполия бы-
 ваемъ замерцы, оно сполна нимало оны
 ногомъ дрешергавала. Неробходимы по-
 требности живыми съ наслажденіями рос-
 коши и пышности, съ избыткомъ изобилува-
 за обширными его ещьями. Приморскіе
 берега Тракіи и Визаніи, угнетенные подъ
 игомъ Опшоманскаго деспотства, и теперь
 еще представляють богатые виноградники,
 дѣвующіе сады, обработанные з. плодород-
 ныя поля; а Пропонцида всегда славилася
 немощными привольемъ вкусныхъ рыбъ,
 которыхъ ежегодно, и въ одинакое время
 года, привозываютъ шуда; ихъ можно ловить
 во множествѣ, прорше и почин безъ вся-
 каго шуда. Когда входы въ проливы бы-
 ваютъ открыты для торговли, оно все бо-
 гатство природы и произведенія искусства
 съ сѣвера и съ юга, черезъ проливы, Египет-
 ской и Средиземное море появлялись. Не-
 мущные и излишніе, всякъ родоу трубы
 принасы начинаю отъ Германскихъ и Сканди-
 навскихъ лѣсовъ, отъ испеконъ Тананса и
 Берсеена, — въ художественныхъ произве-
 деніяхъ и издѣліяхъ Европы съ Азією; хлѣбъ
 изъ Египта, драгоценные камни и дра-
 гинные перья изъ опшадельшики часшей
 Индіи, неслись на парусахъ, во вѣтру до
 самой Констаншинопольской пристани,
 прилежавшей несклько сполній торговли
 одарено свѣта.

Дураское мѣстоположеніе, безона-
 лосень, богатство, соединенное въ одной

часникъ зѣмнаго жара, служилъ досто-
 ятельнымъ оправданіемъ Констанціинова вѣ-
 бора. Но какъ во всякъ временахъ счита-
 ли нужнымъ приписывать основаніе боль-
 шихъ городовъ чудесамъ, чѣмъ огра-
 дить ихъ большими величіемъ, по Им-
 ператоръ захотѣлъ увѣрить, что намѣ-
 реніе его происходило не отъ внушенія
 расчесливой полиники зыбкаго ума чело-
 вѣческаго, но отъ всевышняго Промысла, не-
 преложенной Божеской премудрости. Въ од-
 номъ изъ своихъ узаконеній онъ извѣщаетъ
 потомство, что ижезнымъ Божескимъ ве-
 личіемъ положилъ онъ незыблемое осно-
 ваніе Констанціинополя; и хотѣя онъ ве-
 стель нужнымъ рассказывать, какимъ обра-
 зомъ сообщилось ему небесное эпо вдохно-
 веніе, но воображеніе писателей послѣдую-
 щихъ временъ дополнило умолченное его
 скромностью. Они подробно передали намъ
 ночное видѣніе, предсказавшееся уснувшему
 Констанціину подъ сѣтвями Византіи. Ге-
 ній, покровительствующій городу, въ видѣ
 преспартылой, дряхлой женщины, удручен-
 ной подъ бременемъ лѣтъ и болѣзней, вдругъ
 преобразился въ юную дѣвицу, блестящую
 красою и свѣжестью, которую Импера-
 торъ самъ облекъ въ висонъ и порфиру со
 всеми царскими украшеніями. Монархъ про-
 будился, исполнивалъ шансшвенный сонъ,
 повиновался, не колеблясь, волѣ Небесъ. День,
 въ который основывался какой городъ на-
 селлась колонія, враздновался у Римлянъ
 съ полнымъ торжествомъ и разнѣжными об-

рядами, введенными суеторіемъ. Снахъся ма-
жеть, Констаншинъ исключилъ въ конорые
изъ нихъ, больше приахнесивующіе язъче-
снву, но и не пропустилъ ничего могуща-
го произвестъ сильное впечатаніе на зри-
телей, поселяющее въ нихъ надежду и воз-
буждающее благоговіе. Императоръ ит-
шій, съ копьемъ въ рукахъ, торжественно
предшествовалъ свистъ своей, проводя чер-
ну, должнствовавшую обозначать окру-
жнсть столицы; онъ такъ долго велъ ее,
что зрители изумались. Нѣкоторые изъ
нихъ, давъ ему замѣшнть, что означаемое
имъ пространство превосходитъ обшир-
ность величайшихъ городовъ, „я буду идти
впередъ,“ отвѣчалъ Констаншинъ, „покуда
невидимый Пушеводитиель, идущій передо-
мною, разсудитъ заблаго ошановитъ меня.“

Власишель Римской Имперіи, желая
соорудитъ важный памятникъ во славу сво-
его царствованія, могъ употребитъ на это
богатство, труды, и все, что оспавалось
еще отъ изобрѣтательнаго ума миллионъ
подвласныхъ ему подданныхъ. Можно во-
образитъ себѣ, сколько употреблено было со-
кровищъ, посвященныхъ щедростью Импера-
тора на сооруженіе Констаншинополя, по
сдѣланнымъ издержкамъ на построеніе стѣ-
ны, поршниковъ и водопроводовъ, стоившихъ
двадцать миллионъ рублей. Лѣса, покрыва-
вшіе Евасинскіе берега, и славные камено-
ломни блага мрамора, находившіяся на ма-
ломъ Проконескомъ островѣ, доставляли не-

иснощивое количество материалов, без труда перевозимых въ недалекомъ разстояніи моремъ въ Византійскую пристань. Большое множество мастеровъ и ремесленниковъ поспыкала, неупоминимыми своими трудами, къ окончанію этого предпріятія. Но неустойчивые Константина вскоре послужило ему открытіемъ, что пришедшія въ упадокъ искусства, число и знаніе архитекторовъ не соотвѣтствовали обширности его намѣреній; онъ повелъ краивеядиць ондалемнвйшихъ провинцій учредить школы, производить плалу Проес-бѣрамъ, и убвжданъ обвжданіемъ наградъ, дарованіемъ преимуществъ, молодыхъ людей, получившихъ отличное воспитаніе, упрямляптъся въ изученія архитектуры и производить ея. Построеніе новаго города было производимо неискусными мастерами, какіе нашлись въ царствованіе Константина; но онъ украсенъ рукою знаменитѣйшихъ художниковъ въка Перикла и Александра. Власть Римскаго Императора не простиралась за предѣлы невозможнаго: онъ не въ силахъ былъ воскресить генія Фидіаса и Лисиппа; но безсмертныя произведенія, оказанныя ими попомшву, безъ пощады были преданы надменной алчности власнители полселенной. Его велніемъ Греческіе и Азіатскіе города были лишены богатѣйшихъ своихъ украшеній. Троеи достопамятныхъ войнъ, предметъ набожнаго достопочтенія, драгоцннѣйшія статуи боговъ и героев, мудрецовъ и стихотворцевъ

древности, способствовали къ украшенію великолѣпнаго Константинополя, заславшаго славой Историка *Недрема* съ которымъ воспримомъ, что городу недоставало только, чтобы оживилась души знаменитѣйшихъ людей, изображенныхъ въ неподражаемыхъ своихъ памятникахъ; — но не въ Константинополь, не въ Имперію, клонящейся къ своему паденію, не въ тѣ времена, когда человеческой умъ немогала подъ игромъ гражданскаго и духовнаго деспотизма, должно было искать души Гомера и Демосеена. — Довольно будетъ сказать, что все, способствующее къ великолѣпію и величію обширной столицы, равно какъ и къ благоденствію, удовольствіямъ многочисленныхъ ея жителей, находилось въ изобиліи въ Константинополь. По описанію, сдѣланному черезъ сто лѣтъ спустя по основаніи его, считалось въ немъ: Капitolія, или школа для наукъ, Циркъ, два театра, восемь народныхъ бань и 153 частныхъ, 52 порника, 5 народныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, 8 водопроводовъ, 4 огромныя залы или судища, гдѣ собирався Сенатъ, 14 церквей и 4,388 домовъ, огромностью и великолѣпіемъ своимъ ошлывшихся отъ множества жилищъ иностранцевъ.

Населеніе любимаго эшаго города, по основанію его, было главнымъ попеченіемъ его основателя. Увѣряли и полагаютъ, что всѣ Римскія благородныя семейства, Сенатъ и всадники, съ безчисленными мно-

вспомогъ подчиненныхъ своему, поблдоули за своимъ Императоромъ на Адропонинскіе берега, и въ опустыломъ Римѣ, этой древней столицѣ, оспались, лишь переселенцы и плебеяне, низшаго сословія люди; и что Италія, съ давнихъ временъ почти вся превращенная въ сажу, — енала вдругъ безлюдною, а земли ея лежали впусщъ и необработанныя.

ИМПЕРАТОРЪ КОНСТАНТИАНЪ ЗИТЪСЯ

Какъ Констанцинь съ неперпнїемъ ускорялъ построеніе Константинополя, по сщны, поршики, главнїиця зданія, доконченны были въ нѣсколько лѣтъ, а по словамъ другикъ, въ нѣскольке мѣсяцевъ. — Нокуда еще аданія сохраняли свою крѣпость и свѣжость, то Императоръ готовился торжественно мѣсвященіе новаго своего города. Легко можно себѣ предспавить игры и шлобсши, повершившя великолѣпнѣ достопамятнаго этаго празднества. — Но спранный обрядъ, перешедшій въ пошомство, за служиваемъ нѣкоторое вниманіе. Каждый годъ, въ соименимый день основанія города, Константиново изваніе, сдланное по его приказанію изъ золоченаго дерева, держащее въ правой рукѣ небольшое изображеніе Генія города, возили въ торжественной колесницѣ. Тѣлохраншели, въ богатшйшемъ убранствѣ, неся факелы изъ балаго воска, сопровождали торжественный эшонъ ходъ черезъ Гиподромъ. Когда она приближалась къ впроку, тогда царствующій Императоръ вставалъ, цкло-

иногда съ достоинствомъ и благодарностию дну
своего, и трудислуживника въ честь и па
лантъ его. II

(Сообщено.)

ВЗЯТИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ТУРКАМИ.

(Изъ Ройю.)

(Окончаніе.)

Неудачнось предпріятія имѣла сладостныя слѣд-
ствія. Нежели пощери нѣсколькихъ храбрыхъ
воиновъ, хотя и она, въ тогдашнемъ положеніи Гре-
ція, была для нихъ мощнымъ несчастіемъ. Возникъ
раздоръ между Венеціанами и Генуезцами, которые да-
же смотрѣли другъ на друга какъ на враговъ. Послѣ-
дніе обидѣли первыхъ въ замышленіи дерзкаго пред-
пріятія и въ неумѣнь исполнить оное. Венеціане, на-
противъ, упрекали ихъ въ измѣнѣ одного изъ ихъ со-
общественниковъ, которая была причиною неудачи.
Съ другой стороны Греческій Адмиралъ, управлявшій
морскою силою, вступилъ въ ссору съ Юстиніани, ко-
торый начальствовалъ гарнизономъ. Греки и Генуезцы
едва не кончили распри междуусобною войною внутри
Константинополя. Императоръ успѣлъ утишить умъ,
убѣдивъ ихъ, что такая ссора предѣсть ихъ всѣмъ
общему врагу. Хотя непріятельскія дѣйствія съ нѣко-
торого времени затихли, но чернь, начинавшая чув-
ствовать голодъ, явно роптала. Императоръ, гово-
ряща она, изъ личной пользы выгоды упрямивуши
въ противоборствѣ съ судьбой; въ разсудокъ повелѣ-

взять сдать мѣсто, которое удержишь не возможно. Тѣмъ болѣе Государь безпокоился, что не лзя было наказать ни одного изъ мятежниковъ, не возбудивъ всеобщаго возмущенія. Чтобы заглушить голосъ негодованія, онъ сначала приказалъ въ изобиліи раздавать жизненные припасы тѣмъ, которые жаловались на ихъ недостатокъ; потомъ послалъ къ Магоммеду просить мира, соглашаясь заплащить пеню, какую онъ ни наложитъ, съ однимъ только условіемъ, чтобы снялъ осаду. Султанъ отвѣчалъ ему: „Отступитъ не могу; или возьму городъ, или городъ меня возьметъ. Если согласишься немедленно изъ него выйти, то я вамъ отдамъ Морею; собратія ваши получатъ другія провинціи, а мы останемся въ дружбѣ. Еслижъ оприму городъ силою, то вы и всѣ знатные граждане падушъ подъ остріемъ меча, городъ будешь разграбленъ и всѣ его жители взяты плѣнниками.“ Константинополь рѣшился удержать за собою столицу или умереть подъ ея развалинами. Такая великодушная рѣшимость едва не увѣнчалась достойнымъ успѣхомъ. Въ половинѣ Мая разсѣлся слухъ между Турками, что многочисленный флотъ отъ Христіанскихъ Государей и ужасное войско Венгерское и Нѣмецкое, подъ предводительствомъ знаменитаго Гунада, идутъ на нихъ; чтобы ударить соединенными силами. Смерхъ сего, ушомленные столькими приступами, которые давали напрасно, они объялись ужасомъ и начали просить; чтобы немедленно снята была осада. Они возстали на Магоммеда, который, по словамъ ихъ, былъ имъ такою же врагъ, какъ и Христіане. Твердость сего Государя, не знавшаго допоя, что такое страхъ, поколебалась; онъ началъ опасаться открытаго возмущенія. Великій Визирь, подкупленный, какъ выше было сказано, Христіанами, утверждалъ его въ сихъ опасеніяхъ, и совѣтовалъ принять предлагаемую дань, утверждая, что отступление не причтется ему

въ слабость, пошому что будешь выкуплено пенею (1). Но Саганъ, военачальникъ неустрашимый, ревностный Мусульманинъ и завистникъ Визиря, поддержалъ и оживилъ мужество Султана. Хотѣли устрашить Государя нѣкошорыми, будшо худыми предвѣстіями; но Саганъ осмѣлился сказать ему: „Не болѣе какъ свѣтовое явленіе, при дня видимое надъ осажденнымъ городомъ, и причиною котораго одно расположеніе свѣшилъ, а ничего сверхъестественнаго, — ужасаетъ тебя какъ самаго низкаго солдата. Хотяшь еще устрашить себя ложнымъ призракомъ западныхъ войскъ; но гдѣ онъ? И еслибъ пришелъ, то что можешь сдѣлать противъ такой арміи, какъ своя? Непрїятели, которыхъ не видно и не будешь видно, можешь ли возмутишь великую душу Могаммеда? Вели сдѣлать общій приступъ; общей грабежъ солдатамъ, чтобы воспламенишь нѣкъ мужество, и я ошвѣчаю за успѣхъ.“ Сей совѣтъ, болѣе согласный съ воинственнымъ духомъ Могаммеда, нежели шрусливое предложеніе Али-Басы, рѣшилъ судьбу Константинополя. Султанъ, восплащенный сильнѣе нежели когда-либо, созываетъ своихъ яничаръ, повелѣваетъ имъ объявить во всемъ станѣ, что онъ отдаетъ солдатамъ жилищей и всѣ сокровища Константинополя, а себя оставляетъ только стѣны и дома, да и шѣ послужатъ жилищемъ для побѣдителей. Увѣщаваетъ ихъ поддерживать славу народную, и напоминаетъ, какія небесныя награды обѣщаетъ Алкоранъ явившимъ подъ мечемъ непрїятельскимъ. Въ то же время назначаетъ постъ въ 24 часа, въ продолженіе которыхъ каждый, по обряду Магометанскому, долженъ семь разъ очиститься; наконецъ объявляетъ, что чрезъ шри дня послѣ сего пощенія будешь рѣшительное шпорженіе въ Константинополь. Ропотъ перемѣнился на радостныя извѣщенія, и каждый Турокъ

(1) За сей совѣтъ онъ послѣ задушилъ своею головою.

выставилъ надъ своей палаткой огни, чтобы преду-
предить войско, что на другой день будешь шорже
спвенное празднество для умоленія небеснаго Покро-
вишельства; „и сіе шоржество совершилось, по сло-
вамъ Дуки, съ криками безбожными, которые у Ту-
рокъ сославляютъ ошличительный признакъ ихъ не-
навистнаго суетврія.“

Какъ скоро узнали въ Констаншинополѣ о при-
чинѣ криковъ и освѣщеній въ Мусульманскомъ спанѣ,
шо страхъ дошелъ до высочайшей спешени. Импера-
шоръ назначилъ всенародныя молебствія и ходы въ
главнѣйшіе храмы; потомъ созвалъ во дворець началь-
никовъ войска и увѣщавалъ ихъ прогашельною рѣчью,
доказашъ свое мужество при защитѣ Имперіи и рели-
гii. Онъ старался внушить имъ нѣкоторую надежду,
кошорой, можешь бышь, самъ не имѣлъ уже. Нѣсколь-
ко капель слезъ, извлеченныхъ изъ него не страхомъ,
но сильною горестію, разжалобили все собраніе: ви-
дя ихъ, почши всѣ сами плакали; во дворець раздавались
одни стоны и горестныя прощанія; бывшіе въ ономъ
обнимали другъ друга, какъ бы не надѣясь уже увидѣть
ся, и общали забышь личныя отношенія и думалъ
единственнно о защитѣ отечества. Опшуда отправи-
лись они въ слѣдъ за Имперашоромъ къ храму Св. Софii,
укрѣпиль свое мужество молишвою. Опшуда Констан-
шинъ возвратился на самое короткое время въ боль-
шой дворець, чтобы просшиться съ своими Минист-
рами, съ кошорыми онъ разсшавался навѣки; какъ го-
ворило ему предчувствіе; онъ просить прощенія у
всѣхъ, кому могъ нанести какую нибудь обиду, надѣ-
ваетъ вооруженіе, назначаетъ военачальникамъ мѣста
дѣйствія, садится на коня, осмашриваетъ сразу,
положеніе непріятелей; и всю ночь проводитъ въ на-
блюденіи надъ ними.

Могаммедъ между тѣмъ приготошвился къ осадѣ.
Войска его приближились ко рву, галеры выстроили

Саганъ подлѣ самыхъ стѣпъ , при мѣснахъ . слабѣе защищенныхъ , а около трехъ часовъ утра началось нападеніе и съ суши и съ моря , по особенному условленному знаку , а не по удару изъ вѣсповой пушки , какъ то прежде упошреблялось . Могаммедъ сначала пустилъ въ дѣло худшія войска , не думая о томъ , что ихъ разобьютъ , лишь бы онѣ упомяли осажденныхъ . Сверхъ сего шрупы ихъ , наполняя ровъ , должны были облегчать пушъ войскамъ , за ними слѣдующимъ , и способствовать имъ удобнѣе достигнуть парапеша . Жестокая предусмотрительность Сулшана оправдалась . Несчастныхъ принуждали лалочными ударами и мечемъ спавишь лѣстницы и влѣзашъ по нимъ . Вѣрная смерть которою они угрожались отъ руки Турокъ , заставляла ихъ смѣло идти на пу , кошорую видѣли передъ собою . Всѣ погибли въ сей битвѣ , продолжавшейся два часа , и во время кошорой слышанъ былъ голосъ Константина , увѣщавшаго своихъ воинновъ упошребить послѣднее усиліе для освобожденія отечества . Могаммедъ надѣялся , что осажденные , ищощивъ свои силы на отраженіе самой слабой части его войска , не будутъ уже въ состояніи вступить въ битву съ его отборною ратью . На солнечномъ восходѣ подали знакъ къ новому приступу , при звукѣ всѣхъ инструментовъ ; вдругъ вся артиллерія съ суши , съ галеръ , съ плошины непришельской , ударила для отраженія защищавшихъ стѣны ; тошчасъ за симъ избранное войско Мусульманское бросилось всюду , гдѣ орудіями открылись проломы . Могаммедъ на конѣ , съ мечемъ въ рукахъ , съ сверкающими взорами , мешался во всѣ стороны , передавъ всѣмъ свою опчаянную храбрость , и велѣлъ своимъ янычарамъ бить безпощадно тѣхъ , въ комъ недосшаненъ оной , предавашъ тѣхъ смерти , кто ошсшупишь хошъ на шагъ , и обѣщашъ его именовъ награды храбрецамъ , кошорые прежде всѣхъ успѣшнѣе вышавишь на стѣнѣ луны Турецкую . Осаждающіе ,

воспламененные сямъ способомъ и принужденные побѣдиль или погибнуть, смѣло шли на всѣ опасности. Однако усилія осажденныхъ воспоржествовали еще однажды надъ яростію Мусульманъ. Послѣ двухъ часовъ битвы, какъ и при первомъ покушеніи, Турки принуждены были уступить, не смотря на крики и угрозы Султана, который былъ въ бѣшенствѣ, видя, что они начинаютъ отступать, хотя это дѣлалось только для отдохновенія. Константинъ немедленно садясь на коня, проносился между двумя стѣнами, облежавшими городъ, для ободренія осажденныхъ, указывая имъ на отступъ непріятеля, который онъ почиталъ рѣшительнымъ. Между тѣмъ какъ онъ имъ говорилъ еще, Джюстиніани, дошолъ неуспрацимо сражавшійся, получилъ двѣ раны вдругъ ошъ стрѣлъ, изъ коихъ одна пронзала ему руку. Увидя свое оружіе въ крови, онъ побѣдиль и ужаснулся. Въ то время какъ онъ удалялся отъ своего мѣста дѣйствія на корабль, для перевязанія ранъ, его увидѣлъ Императоръ и, подоспѣвъ къ нему, спросилъ, куда онъ удаляется и гдѣ надѣется найти прибѣжище? Джюстиніани отвѣчалъ: „Я уйду тѣмъ путемъ, который Богъ открылъ Туркамъ,“ и выскочилъ сквозь проломъ, ими сдѣланный, чтобы скрыться въ Галану, гдѣ чрезъ нѣсколько дней и умеръ; нѣкоторые утверждаютъ, что не столько раны, какъ стыдъ и опчаніе были причиною его смерти. Лука, не извѣстно по какой причинѣ, говоритъ о семъ весьма смисходительно; но другіе историки упрекають его въ малодушіе и низость. Императоръ, увидя его бѣгство, сказалъ окружающимъ: „Пойдемъ, до конца исполнимъ обязанность.“ Бѣгство сего Генуэзца было несчастіемъ неизгладимымъ: большая часть его подчиненныхъ послѣдовала примѣру его. Онъ споялъ на шакомъ мѣстѣ, на которое Турки нападали съ наибольшею яростію; не долго имъ было замѣпить смятеніе и ослабѣніе осажденныхъ. Општо-

манъ было числомъ въ пятьдесятъ разъ, и можетъ быть и во сто разъ болѣе Христіанъ. Въ двойной стѣнѣ находилось множество проломовъ отъ непріятельской артиллеріи. Одинъ янычарь, именовъ Гасанъ, росту чрезвычайнаго и испытанной храбрости, далъ замѣтить, что происходишь на укрѣпленіяхъ; онъ уговорилъ тридцать товарищей слѣдовать за собою, увѣряя ихъ, что уже не встрѣяшь такого сопротивленія, какое доселѣ имъ оказывали. Онъ первый вѣлъ на стѣну, но былъ нисверженъ. Не имѣя силъ подняться и осыпанный язвами, онъ до послѣдняго издыханія не переставалъ воспалять товарищей и угрожать осажденнымъ. Двадцать восемь изъ его слѣдователей имѣли ту же участь; но остальные завладѣли однимъ бастіономъ и водрузили на немъ знамя Оштоманское. Торжественный кликъ сихъ неустрашимыхъ янычаровъ оковываетъ ужасомъ осажденныхъ и усиливаетъ стремительность Турокъ. Они съ разныхъ сторонъ бросаются на стѣны и щолпами взбираются на укрѣпленія. Мгновенно слухъ о ихъ побѣдѣ переходитъ отъ мѣста до другаго и наконецъ до гавани. Саганъ, шамъ начальствовавшій, возбуждаетъ соревнованіе въ своихъ морякахъ, упрекая ихъ, что допустили сухопутнымъ войскамъ опередить себя на пути славы. Они стремительно бросаются на непріятеля, не щадя уже упорно имъ сопротивляющагося, захватываютъ одну куршину, и на башнѣ, близкой къ ней, водружаютъ Султанскія знамена, между 9 и 10 часами утра. Въ сію минушу Турки входяшь вдругъ чрезъ всѣ проломы и уничтожаютъ остальныхъ, еще защищавшихся воиновъ. Императоръ, видя съ негодованіемъ, какъ прочіе спасаются бѣгствомъ во внутренность города, бросается къ главному пролomu, сопровождаемый нѣсколькими знатными людьми и вѣрными спржани. Спущники его падаютъ другъ за другомъ. Оставшися однимъ, облитый кровью, и желая скорѣе смерти,

чтобы живому не попался въ руки Мусульманъ, онъ въ отчаяніи восклицаетъ: „Какъ! смерть не пощадитъ ни одного Христіанина, который могъ бы освободить меня отъ малаго остатка жизни!“ Въ сію минушу два Турка, не узнавшіе его (онъ былъ не въ Императорской одеждѣ), разсѣкли ему голову двумя сабельными ударами. Такъ умеръ со славою Государь, достойный лучшей участи. Онъ имѣлъ пятьдесятъ лѣтъ отъ рожденія, а царствовалъ немного долѣе прехъ съ половиною.

Со смертію Константина прекратились всѣ сопротивленія: сухопутное войско вступило въ городъ всеми вратами второй ограды; между тѣмъ какъ входилъ въ него флотъ, двѣ тысячи Христіанъ были положены на мѣсѣ въ пылу перваго преслѣдованія. Но скоро екупость восшоржествовала надъ жестокоцію. Константинополь былъ такъ обширенъ, что отдаленныя его кварталы нѣсколько времени не знали о постигшей его участи. Когда слухъ о томъ вездѣ разнесся, то жители толпами бросились въ храмъ Св. Софійи и завалили его двери, повѣривъ предсказанію одного фанатика, который говорилъ, что они тамъ спасутся и что Ангелъ явится тамъ въ ихъ защиту. Турки вбѣжали за ними въ церковь и множештво изъ нихъ побили. Но слѣдуя нѣкоторымъ Исшорикамъ, побѣдители удовольшвовались ихъ плѣненіемъ и взяли ихъ до шестидесяти тысячъ. Константинополь въ продолженіе прехъ дней переносилъ всѣ ужасы, которые обыкновенно бывающъ въ городѣ, взятомъ приступомъ. Могаммедъ, который хотѣлъ перенести въ него свое мѣшопребываніе, позволялъ все дѣлашь, только не зажигать его. Исшорики говорятъ несогласно объ убійствахъ въ семъ городѣ. Одни утверждающъ, что сорокъ тысячъ человекъ лишились жизни; другіе (и ихъ гораздо болѣе), напрошивъ того, увѣряющъ, что очень мало совершено убійствъ. Во всякомъ случаѣ то по

крайней мѣрѣ достоверно, что Могоаммедъ выкупилъ у солдатъ своихъ большую часть знаменитыхъ пѣтниковъ, и велѣлъ имъ отсѣчь головы. Одни свидѣльствуютъ, будто онъ ругался надъ шрупомъ Императора; другіе, что онъ велѣлъ похоронить его со всею почестью и возложилъ исполненіе сего священнаго долга на Христіанъ, Греческій Адмиралъ Ношара и два его сына были обезглавлены, потому что отецъ, говорящій, не согласился предать меньшаго преступнымъ желаніямъ Могоаммеда. Нѣкоторые утверждаютъ, что эту казнь онъ прицѣлъ за его покушеніе возстановить Греческую Имперію. Сына Францесова, пятнадцатилѣтъ отъ роду, Сулшанъ закололъ кинжаломъ изъ собственныхъ рукъ, потому что онъ не хотѣлъ собою пожертвовать гнуснымъ его наслажденіямъ. Органъ, внукъ Мусульманина, скрывавшійся подъ монашескою одеждою, былъ узятъ и убитъ камнями.

Сулшанъ, для сохраненія Констаншинополя, велѣлъ прекратить безпорядки, производимые солдатами въ продолженіе трехъ дней. Онъ освободилъ множество пѣнныхъ, когорыя велѣлъ возвратиться въ свои дома, и принудилъ тѣхъ, когорыя ушли изъ города до его осады или скрылись послѣ взятія его, снова поселиться въ немъ. Пять тысячъ семействъ изъ Наволіи и Романіи повиновались приказанію, данному подъ смертною угрозою, переправиться въ столицу. Черезъ нѣсколько лѣтъ Магоммедъ совершенно заселилъ его на сѣсть Трапезунта и множества другихъ городовъ. Чтобы удержать здѣсь жителей, онъ позволилъ, противъ уложенія Алкорана, свободно отправлять Христіанское богослуженіе. Церкви столицы были раздѣлены для обѣихъ религій. Св. Софія превращилась въ мечеть. Сей раздѣлъ продолжался болѣе шестидесяти лѣтъ. Патріарха, какъ прежде было, опредѣлили новый Констаншинопольскій Императоръ

Султанъ самъ вручилъ ему пастырскій посохъ и велѣлъ Визирямъ и Пашамъ сопровождать его пѣшимъ до назначенной для него церкви. Могомедъ вѣхалъ на лошади въ Св. Софію, и совершивъ на алтарѣ молитву, сіюя на колѣняхъ, велѣлъ попомъ его разрушить. Говорятъ, что онъ рѣшился на такую вѣзду во храмъ тогда, какъ узналъ, что и Христіане по же дѣлали. Дѣйствительно, въ царствованіе послѣднихъ Императоровъ, до того дошло безбожіе Грековъ, что знашныя особы вѣзжали въ Св. Софію на лошади или въ экипажѣ.

Генуезцы Галашскіе въ продолженіе осады упошребляли всѣ возможныя хитрости и измѣны. Они просили у Могомеда покровительсва передъ ошѣздомъ его изъ Адрианополя; Султанъ обѣщаль имъ оное, съ тѣмъ условіемъ, чтобы не давали никакого заступленія сподличному городу, на что они и согласились. Съ одной спороны они допустили Оштоманскій флотъ идти сушею, какъ выше было сказано, и нимало ему не воспрепятствовали; съ другой, прошивъ даннаго слова, тайно помогали осажденнымъ. Могомедъ узналъ это и шамль свое подозрѣніе. Но чрезъ пять дней послѣ взятія Коношаншинополя вошелъ въ Галапу; множесиво Генуезцовъ обратились въ бѣгство; онъ взялъ ихъ имущество, велѣлъ конфисковать ихъ, если они не возвращаются чрезъ три мѣсяца, и разрушилъ сѣны.

Такъ пала Коношаншинопольская Имперія; ея паденіе было причиною и какъ-бы знакомъ возстановленія искусствъ на Западѣ. Множество Грековъ, между копорыми были и ученые люди, нашли способъ скрыться. Между тѣмъ какъ грабежъ занималь побѣдителей, они ушли на пяти Генуезскихъ корабляхъ, стоявшихъ въ гавани, и пристали къ Италіи, гдѣ, вмѣстѣ съ языкомъ Греческимъ, водворили познанія, любовь

къ лишпературъ , давно уже павшей въ пренебреженіе на Западъ.

Взятіе Констаншинополя соспавляешъ важную эпоху въ новѣйшей Исторіи. Въ 1453 году, 23 Мая, сей городъ покорился власши Могаммеда, въ 2205 году отъ основанія Рима, въ 1123 году отъ перенесенія Констаншиномъ столицы Имперіи и въ 32 г. царствованія Карла VII, Короля Французскаго. Паденіе Южной Имперіи не было происшествіемъ внезапнымъ: оно приготовлялось и зрѣло съ вѣками. Можешъ бышь, оно скорѣ бы послѣдовало, еслибъ не междуособныя войны Арабовъ, копорыя, можешъ бышь, однѣ только предохранили все Христіанство отъ ихъ ига (*). Чудесныя дѣйствія Греческаго огня, шорговыя сношенія, поселеніе варваровъ на берегахъ Дуная, копорыя сдѣлались менѣ ужасными, когда получили осядлость, и даже соспавили оплошь противъ другихъ варваровъ, — суть также причины шого, что разрушеніе Имперіи замедлилось, между шѣмъ какъ все должно бы было ускорить его. Но намъ слѣдуетъ изложить ошальные обстоятельство, сопровождавшія сіе событіе.

Могаммедъ, ввѣривъ правленіе Констаншинополемъ одному изъ своихъ невольниковъ, именовъ Солиману, отсправился съ шріумфомъ въ Адрианополь, неся съ собою богатыя добычи, полученныя при побѣдѣ. По прибытіи шуда, онъ нашель множество Христіанскихъ Князей, копорыя пришли поздравлять его и изъявишь радость, копорую, по словамъ ихъ, чувствовали при видѣ его успѣховъ, приводившихъ ихъ въ ошчаяніе. Они сползи у подножія его шрона, съ

(*) Сіи народы наблюдали одинъ священныи обрядъ, копорый также долженъ былъ препятствовать успѣхамъ ихъ оружія. Они посвящали два мѣсяца, начиная отъ дѣянаго солнцеспольнія, отсправленію священныхъ обязанностей, и въ это время оружіе ихъ было безъ дѣла.

шрепешомъ ожидая, какъ прикажетъ поступашъ съ ними Султанъ. Всѣмъ имъ велѣно было заплашши ему пеню и воздашь почести. На сихъ условіяхъ Морей еще осмалась на семь лѣтъ подъ власшію деспотовъ Димитрія и Θомы, брашьевъ Константина: время сіе было періодомъ бѣдствій для сей несчастной страны. Деспоты разорили ее междоусобными войнами. Димитрій, на краю гибели, прибѣгнуль къ Султану, который согласился бышь его покровителемъ и вспунилъ въ Морей. Овладевъ Спаршою, онъ сказалъ своему союзнику: „Ты не въ силахъ удержишь сію мятежную провинцію; я женюсь на швоей дочери, и ты проведешь ошпашокъ жизни съ почестью и покойно.“ Димитрій, принужденный повиновашься, отдалъ свою дочь и земли, послѣдовалъ за шестемъ въ Адрианополь, и наконецъ посшригся въ монахи. Въ слѣдующемъ году прибыль къ Опшоманскому Двору Давидъ, послѣдняя ошрасль ошъ поколѣнія шого Давида Комнена, который, по взятіи Константинополя Латинцами, основалъ Имперію на берегахъ Чернаго моря. Могаммедъ, распросшраня свои побѣды до Ниполиа, окружилъ столицу Императора Давида, и предложилъ ему или ошказашься ошъ правленія, сохранивъ свои сокровища, или ошдашь и шо и другое вмѣстѣ съ жизнью. Ушрашенный Комненъ явился къ Султану съ поклономъ; его ошвели въ одинъ замокъ въ Романиі; но по маловажному подозрѣнію, или подъ предлогомъ, будто онъ сношится съ Царемъ Персидскимъ, умертвили со всѣмъ семействомъ (*). Брашь его ушелъ въ Ипалію и былъ принятъ въ Вашинганъ. Старшій сынъ его Андрей, носившій шолько шипуль наслѣдника Имперіи, продавалъ попеременно права

(*) Охотники до мѣлкихъ сближеній замѣчаютъ, что Римская Имперія основана Августомъ, Константинопольская Констаншиномъ, Трапезонцская Давидомъ Комненомъ, и всѣ три рушились при Государяхъ шого же имени.

свои Королямъ Французскимъ и Аррагонскимъ. Въ національной библіотекѣ Парижской, по свидѣтельству Гиббона, находится актъ отъ 6 Сентября 1494 г., по которому Андрей передалъ Карлу VIII Имперію Константинопольскую и Трапезундскую. Сему Государю, прибавляешь оный, пришла на минушу мысль присоединить къ своему Государству Восточную Имперію. Въ одно всенародное торжество оный облекся ширломъ Августа и пурпурною одеждой. Часомъ извлекали изъ забвенія ширла еще болѣе ничтожныя.

Могаммедъ повсюду распростеръ свои честолюбивыя виды. При Бѣлградѣ, защищаемомъ знаменитымъ Гунадомъ, оный получилъ неудачу. Рыцари Родосскіе согнали его съ своего острова. Но оный снова покорилъ Албанію, по смерти Скандерберга, проникнулъ съ оружіемъ до Триеста, угрожалъ Венеціи, устрашилъ всю Европу. Его полководцы взяли Ошраншъ и прошли въ Калабрію. Оный замышлялъ покорить Италію, и вѣроятно покорилъ бы также и древній Римъ, какъ новый, еслибъ смерть не пресѣкла его подвиговъ: она постигла его на пятьдесятъ первомъ году, среди смѣлыхъ предпріяцій. Никшо не замышлялъ обширнѣйшихъ; начиная съ Карломана, котораго, говорятъ, намѣревался соединить Парижъ, Римъ и Константинополь, и тогда подвергъ бы подъ свое владычество все, что заключася между западнымъ Океаномъ и Босфоромъ Фракійскимъ, отъ Бреста до Константинополя, и даже нѣсколько провинцій далѣе; мысль, которая при первомъ возрѣніи кажется исполнимою. Когда подумаешь, что владыкія Римлянъ были еще обширнѣе, то несбыточнымъ представляется сіе чудо въ Исторіи народовъ, сія масса владычества, которая, правда, скоро потрясена была, но послѣдніе остатки которой исчезли не ранѣе, какъ чрезъ двадцать два столѣтія послѣ основанія Рима.

В. Р.

*Отрывокъ изъ Franz Sternwald Wanderungen ,
соч. Вагенродера (Тика).*

„И такъ я увижу славнаго Луку Лейденскаго , о которомъ Дюреръ столь часто говорилъ мнѣ ! Какая разница между имъ и мною ! Съ дѣтства художникъ ; имя его въ шестнадцать лѣтъ уже было извѣстно . Я его услышу , увижу его шворенія ; могу сказать ему , сколь обожаю его . Но соберусь ли съ духомъ показаться передъ нимъ ? Нѣтъ , не осмѣлюсь выдавать себя художникомъ ; я ничего не значу .“

Такъ разсуждалъ про себя Францъ Стернвальдъ , приближаясь къ Лейдену : онъ боялся , а вмѣстѣ и жаждалъ видѣть знаменитаго живописца . При свѣтѣ мѣсяца онъ вошелъ въ городъ , и былъ пораженъ величиной его и мѣстоположеніемъ . Побродивъ нѣсколько по улицамъ , онъ вошелъ въ гостиницу , гдѣ , не смолпя на свою усталость , съ трудомъ заснулъ могъ . На другой день насилу могъ дождаться приличнаго часа для посѣщенія Луки . Пришедъ съ сильнымъ волненіемъ къ дверямъ дома , онъ позвонилъ въ колокольчикъ . Служанка отвѣчала , что господинъ ея занимается въ масперской ; Францъ просилъ ввести его въ оную .

Отворивъ дверь , онъ увидѣлъ небольшого челоука , еще довольно молодаго , съ лицомъ , выражающимъ добродушіе ; слуга сидѣлъ передъ картиной и прудился съ большимъ вниманіемъ . Ящики съ красками , ри-

сунки и образцы анатомическіе расплавлены были въ порядкѣ вокругъ него. Онъ вспалъ, чтобъ его принять. Впечатлѣніе, произведенное на Сперибальда присутствіемъ сего великаго живописца, было таково, что онъ нѣсколько минутъ не могъ ни слова выговорить; однако оправился опъ замѣшательства, назвалъ себя и произнесъ кой-какъ имя Албрехта Дюрера. Лука принялъ его очень ласково. Французъ разсказалъ ему вкратцѣ о своемъ спранспѣи и о пѣхъ видѣнныхъ имъ картинахъ, кои, по его мнѣнію, достойны замѣчанія. Въ продолженіе бесѣды онъ внимательнѣе разсматривалъ картину, надъ кошорой Лука прудился. Онъ нашель въ ней сходство съ манеромъ Албрехта; шу же рачительность въ подробностяхъ, шу же точность и опѣлку; но ему казалось, что рисунки Луки не имѣли той смѣлости: не смотря на то, онъ замѣшилъ шу же простоту въ сочиненіи (composition) и шу же истину въ выраженіи страстей. Разговоръ Луки опличался живостью и игривостью; глаза его были быстры, и измѣнчивость лица еще болѣе оживляла разговоръ его. Ф. представлялъ его себѣ высокимъ, важнымъ, и напрошивъ видѣлъ передъ собою маленькаго человека, съ безпрестанной улыбкой на лицѣ, и ко-его слова были оппечаткомъ веселаго и безпечнаго характера.

„Мнѣ очень пріятно васъ видѣть,“ сказалъ Лука; „но самымъ горячимъ желаніемъ моимъ всегда было — лично уз-“

нашь вашего наставника. Какое было бы счастье, если бы когда-либо я увидяль его входящимъ ко мнѣ! Никпо въ свѣтѣ не возбуждаешъ сполько моего любопытства; я почиаю его величайшимъ художникомъ нашего времени. Онъ долженъ бытъ очень дѣшеденъ?“

— Онъ занимается почти безъ отдыха. Величайшее наслаждение для него — упражняшся въ своемъ искусствѣ, такъ что это рвеніе часто заставляешъ его жертвовашъ здоровьемъ своей любимой спраспи. —

„Вѣрю, ни у кого нѣтъ такой рачительности въ произведеніяхъ; и не менѣе того какое ихъ множество! Я нахожу во всѣхъ его швореніяхъ что-то неизьяснимое, что особенно отличаетъ талантъ его — прелесть, которую ни гдѣ не встрѣшишь. Это отличнѣйшій человекъ; и я почиаю крайне счастливымъ того, кто имѣетъ его своимъ наставникомъ.“

Спернбальдъ всегда съ великимъ удовольствіемъ слышалъ похвалы своему учителю; но споль искрення похвала великаго художника швореніямъ Албрехша пронула его до глубины сердца. Онъ крѣпко пожалъ руку Луки, и, съ слезами на глазахъ, сказалъ ему: — Повѣрьте, я умѣю цѣнить свое счастье, и признаю себя блаженнѣйшимъ изъ людей съ той поры, какъ вошелъ въ домъ Албрехша. —

„Неизьяснима,“ продолжалъ Лука, „ша непрерывная пошребность шрудиться, ко-

порую я ощущаю въ себѣ! Съ самаго ранняго дѣтства я имѣлъ эту склонность; обыкновенныя ребяческія игры не плѣняли меня. Новая картина шакъ овладѣваетъ мною, что я шеряю сонъ и покой. Въ нѣсколько часовъ не могъ бы пересказать вамъ, какимъ образомъ я сдѣлался художникомъ, и какими пушями надѣюсь еще усовершенствоваться талантъ свой; — но позволше мнѣ продолжать работу мою, пока вы мнѣ будете сообщать замѣчанія ваши объ искусствѣ, а потомъ и ваши предположенія.“ Съ сими словами онъ началъ расширять свои краски.

Ф., ободренный привѣтливымъ добродушіемъ Луки, высказалъ ему откровенно все, что происходило у него на сердцѣ. Онъ говорилъ ему о своемъ энтузіазмѣ къ искусствамъ, и признался въ своей робости, несчастливой нерѣшимости въ выборѣ предметовъ, представляемыхъ ему воображеніемъ, въ шой недовѣрчивости собственнымъ силамъ, которая заставляла его опасаться, что не выразишь онъ того, что шакъ сильно чувствуешь, и шѣмъ осквернишь сіе возвышенное искусство, произведя что-либо недостойное онаго.

Лука положилъ палишру и внимательнo поглядѣлъ на молодаго художника, который споль былъ воспламененъ и занявъ своими мыслями, что и не примѣшилъ удивленія своего собесѣдника. „Любезный мой!“ сказалъ онъ ему наконецъ, „мнѣ кажется, воображеніе швое вводитъ шебя въ за-

баужденіе. Я понимаю по сосшеініе души, которое ты описываешь мнѣ съ такимъ жаромъ; но никогда отъ роду не ощущалъ онаго. Я никогда не колебался въ выборѣ предмета; и пока шружусь надъ какою нибудь картиной, по въ головѣ уже сосшавляю планъ другой: и вопшъ почему шакъ много произведеній моихъ, не смотря что я еще молодъ. При началъ своего поприща мнѣ часшо случалось мѣсколько разъ съизнова начинать одно и шо же, прежде нежели осшанешся доволенъ цѣлымъ и каждою подробностью ошдѣльно. Живописецъ искусной долженъ имѣть по меньшей мѣрѣ сполько же спокойствія и поспоянства въ исполненіи, сколько живости и фаншазіи при изобрѣшеніи и расположеніи предметовъ. Твоя нервшимость и робосшь, скажу даже, ашо благоговѣніе къ искусству нашему, которое засшавляетъ тебя думаешь, что никогда не произведешь ничего достойнаго, мнѣ кажущся совершенно *противухудожественными*; ибо, если кошъшь бытъ живописцемъ, шо должно писашъ, и что начашо — окончить.

То, что ты сказалъ мнѣ, предполагаешь въ тебѣ большія склонности къ поэзіи; но надобно, чтообъ и поэтъ занимался съ спокойствіемъ и благородною самоувѣренностію. — Позволь еще прибавишь одно замѣчаніе. Я никакъ не могъ понять въ художника нашихъ охоты богомольствовать въ Италію, какъ будто бы земля аша была Палестинной искусства; швъ мене я посши-

гаю ее въ себя. При раздражимости шю-
его воображенія, каждый новый предметъ
будеть себя служилъ новой причиною коле-
банія: чѣмъ болѣе увидишь, тѣмъ будешь
нерѣшимельнѣе въ выборѣ рода живописи;
ты спанешь вѣчно искашь, потому что ни-
когда не останешься доволенъ найденнымъ.
Не заключаю однако изъ сказаннаго мною,
чтобъ я не любилъ и не любилъ спра-
шно Итальянской школы; но я желалъ бы
единственно, чтобъ каждый народъ огра-
ничивался родомъ, ему свойственнымъ.
Сколько бы ты ни старался, не сдѣлаешься
Итальянцемъ. Повѣрь мнѣ, оставь свое
странствіе, и не покидай отчизны. Ну что
тебѣ дѣлать въ землѣ этой? Ты будешь
смотреть на образцовыя произведенія Ита-
льянской школы не иначе, какъ глазами Нѣм-
ца; столь же вѣрно, какъ и то, что не
найдешь ни одного художника Итальянскаго,
сколь бы онъ ни былъ превосходенъ, комо-
рый бы умѣлъ цѣнить силу кисти и красо-
ту швореній Албрехта Дюрера: это не в
природѣ вещей. Если ты предприемлешь
свое путешествіе съ тѣмъ, чтобъ вывезти
какой-либо новый родъ, то все таки не-
правъ, потому что перестанешь быть ху-
дникомъ опечествленнымъ, не сдѣлавшись
чрезъ это Итальянцемъ; и напоследокъ все-
го — ты останешься навсегда энтузіасмомъ,
мечтателемъ, и никогда не будешь живо-
писцемъ. Слова мои покажутся тебѣ, мо-
жетъ быть, жесткими; но я беру въ себя
участіе, и желалъ бы быть полезнымъ. По-

дѣръ мнѣ: человекъ съ шаланшомъ чего ни захочешь, все сдѣлаешь, лишь бы ревность и первіе его были неусыпны. Посмотри на Альбрехта! Не достигъ ли онъ высокой степени совершенства, никогда не бывши въ Италіи? — Ибо нечего считашь короткаго пребыванія его въ Венеціи. — И я думаю, что ты не имѣешь приписанія превзойти его. Въ древнемъ искусствѣ мы не смыслимъ; да и естественнѣе спарашь намъ изображать природу могущую и суровую, какую восхищаемся мы въ своемъ отечествѣ; намъ должно приучать кисть свою къ повпоренію ея смѣлыхъ очерковъ. Повѣрь мнѣ, другъ мой, природа Сѣвера заключаетъ въ себѣ болѣе поэзіи, способнѣе возбудишь вдохновеніе въ человекъ геніальномъ и возвыситъ душу сколько же, сколько природа южная ее изнѣживаешь и ослабляешь.

Ф. никогда не былъ шакъ смущенъ, какъ въ эту минушу. Онъ нимало не сомнѣвался, что Лука ошклонялъ его продолжать поприще искусства шолько потому, что не находилъ въ немъ никакихъ къ оному способностей. Единственное доспоинство, въ коемъ Ф. сознавался, состояло именно въ пламенномъ желаніи изучишь лучшія творенія первѣйшихъ художниковъ какъ старинныхъ, шакъ и новѣйшихъ, и въ шомъ чрезвычайномъ благоговѣніи къ самому искусству, неудобства коего предшавилъ живописецъ, внушавшій ему послѣ своего наставника наибольшее къ себѣ уваженіе.

„Можетъ быть, вы и правы,“ сказалъ онъ послѣ нѣсколькихъ минушъ молчанія; „я мнѣ самому кажется, что я никогда не сдѣлаюсь живописцемъ. Чѣмъ болѣе чувствую ваше превосходство, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь въ своей неспособности. Судьба жизни моей проиграна, неудалась. Враждебной жребій меня преслѣдуетъ, и производящъ то, что чистѣйшія намеренія, благороднѣйшія и, смѣю сказать, самыя возвышенныя чувства не ведутъ меня къ истинному счастью: все, что должно бы для меня быть источникомъ довольства и наслажденій, превращается въ горести и спраданія. Во мнѣ непрерывная борьба между племъ и душою, и силы мои вовсе не соразмѣрны съ благими моими намереніями.“

— Въ словахъ моихъ не заключалось ничего подобнаго, — прервалъ Лука, усмѣхаясь; — я замѣтилъ только, что въ тебѣ все носитъ оппечатокъ характера пламеннаго, чему ты представилъ еще новое доказательство. Человѣку трудно измѣнить свои врожденныя наклонности и характеръ; но пусть онъ старается смягчить ихъ, и первѣйшая его обязанность — приобрести столько крѣпости духа, чтобы возмогъ укротить буйства спрасней своихъ. Но успокойся, другъ мой: что я сказалъ тебѣ, не иное что, какъ мой образъ мыслей: я могу ошибаться, какъ и всякой другой. —

„Нѣтъ, вы ничего не дѣлаете, какъ другіе,“ оппѣчалъ Сперибальдъ. „Ахъ! за чѣмъ

вы не могли слышать, съ какимъ восшоргомъ учишель мой мнѣ говорилъ объ васъ, когда для васъ я намѣревался останоуишь-ся въ Лейденъ! за чѣмъ вы не могли замѣ-шишь, съ какимъ волненіемъ я вошелъ къ вамъ! Вамъ не извѣстно, сколь драгоцѣнно для меня каждое ваше слово. Кто не въ со-спояннн одушевишь-ся чувспвами подобны-ми мѣимъ въ бесѣдѣ вашей, шощъ не до-споиннъ днцмащъ вамъ.“

— Молодой человекъ! — возразилъ Лука, — Характеръ швой мнѣ нравилъ: мало лю-дей, кошорые бы споль живо чувспвовали, какъ мы: большая часнь изъ нихъ разма-приваюшъ искусство наше проспо какъ за-баву, и почиаюшъ насъ взрослыми ребя-шнами, кошорые съ важносшю занимаюшя пусняками. — Но станемъ говоришь о чѣмъ-либо другомъ; я усшалъ писашь.“

Они начали размапривашь новую гра-вировку Дюрера, кошорую онъ незадолго до шого получилъ; и возраспающее удивле-ннѣ Луки шаланшу сего великаго живописца возврашило Францу счастливое расположе-ннѣ духа и засшавило его на время поза-бышь собспвенныя горесшн. Вскоръ нѣ-сколькo друзей хозяина пришлц къ нему и остались опобѣдашь. Бесѣда была самая веселая; но о живописи не говорено ни слова; а всякой другой предметъ для Сперн-балда не имѣлъ никакой привлекашельности.

Онъ остшался въ Лейденъ долѣе, нежели предшлагалъ. Лука предложилъ ему напн-

еще нѣсколько поршрешовъ, и онъ въ угодность ему хотѣлъ ихъ окончить. Онъ чувствовалъ искреннюю привязанность къ сему художнику, хотя еще и не внушалъ никакого довѣрія, какъ возлюбленный его наставникъ. Различіе характеровъ и обращенія приводили Франца въ шагосиную принужденность; шумная веселость сего живописца болѣе смущала, нежели развлекала его. Часто говоровъ онъ былъ усумнившись въ превосходствѣ шаланша Луки, котораго онъ казался ему болѣе ремесленникомъ, нежели художникомъ; но какъ скоро онъ вспоминалъ многочисленныя его произведенія, его творческой гений и энтузіазмъ ко всему прекрасному, то спыдился несправедливости своихъ сужденій.

Удивленіе и радость Франца были неизъяснимы, когда онъ, войдя однажды упрямъ въ мастерскую Голландскаго художника, нашелъ въ ней своего возлюбленнаго наставника. Сначала не смѣлъ вѣрнись глазамъ своимъ; но Албрехтъ всмалъ и дружески прижалъ его въ своихъ объятіяхъ. Наши прія живописца съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлись другъ съ другомъ; вопросы и отвѣты пересѣкались безпрестанно, и живость Луки не допускала послѣдовательнаго разговора. Онъ не могъ удержаться отъ радости при видѣ своего новаго посвѣтителя; теръ себѣ руки, и на минушу не оставался въ покоѣ. — Онъ показалъ Дюреру одну изъ картинъ своихъ; и прежде нежели потъ имѣлъ время разсно-

прѣшь ее, онъ закидалъ его вопросами, на кои требовалъ ошвѣтовъ скорыхъ и рѣшительныхъ. Ф. наблюдалъ прошивуположность безпокойной и шумной радости живописца Голландскаго съ самодовольствомъ тихимъ и мирнымъ, коимъ, казалось, наслаждался его учитель. Сии прошиворѣчія шѣмъ болѣе поражали его, что въ ихъ чувстввахъ и пвореніяхъ находилъ онъ большое сходство, и никакого не было въ ихъ спанѣ и черпахъ. Дюреръ былъ высокъ и худощавъ; кудрявые волосы покрывали лобъ его; физиономія, почти неподвижная, выражала благородство и добродушіе.

Спернбальдъ впервые замѣпилъ разительное сходство его лица съ изображеніями Спасителя. Лука казался при Албрехтѣ еще ниже; волосы его были гладки; глаза имѣли болѣе живости, нежели выраженія, и лице его измѣнялось ежеминушно.

Албрехтъ рассказалъ имъ, что онъ былъ болѣнъ, и что по выздоровленіи ему присовѣтовали перемѣнить воздухъ и покинуть на время свои занятія и сидячую жизнь. „Желаніе васъ видѣть,“ продолжалъ онъ, относясь къ Лукѣ „побудило меня последовать совѣсу врача. Я не намѣренъ искашать личнаго знакомства другихъ живописцевъ земли этой; судя по ихъ картинамъ, мною видѣннымъ, я нахожу, особенно сравнивъ ихъ съ вами, что они не спюють труда эшаго.“

Лука былъ очень пронуть сими знаками уваженія, и не замедлилъ показать Дю-

реру своимъ важнѣйшія сочиненія, прося его сообщить ему свои замѣчанія.

— Какъ хошите, — сказалъ онъ, — но вы должны оспашься у меня подолѣе, и дашь мнѣ совѣщы въ шомъ, чшо особенно мени зашрудняешь. Никпо, какъ вы, не внушаеть мнѣ шполько довѣренности.“ Албрехшъ отвѣчалъ, чшо онъ ошпанешься шполько, сколько позволяшъ его дѣла и сумма, назначенная имъ для проѣзда. Объденной колокол прервалъ разговоръ. Молодая и приащной наружнощи женщина вошла въ мастерскую: шо была жена Луки. Она замѣшила мужу своему, чшо время повесши пошшишелей его въ шоловую. Супруга Дюрера приняла Франца ласково, и онъ никогда не видалъ ее шполь любезною. Путешествіе привело ее въ веселое расположе-ніе духа, чшо придавало ей особенную приащнощь. Во время обѣда Лука былъ совершенно въ своей сѣерь: его искреннощь и привѣпливощь къ собесѣдникамъ своимъ не имѣла ничего принужденнаго; онъ разсказывалъ женѣ Дюрера всякую всячину приащно и забавно. Эшощъ же былъ молчавѣе и менѣе развизенъ съ молодою и прекрасною супругою своего хозяина: его скромный нравъ приводилъ его въ замѣшашельштво; и если шушки не дѣялись сами собою, шо онъ считалъ бесполезнымъ и ушощительнымъ искашь ихъ.

Ф. расшерьался въ своихъ размышленіяхъ. Онъ собирался на другой день въ Амшверпенъ; и мысль, чшо: долженъ разъ

спасаться съ своимъ насщавникомъ, сильно его превозила.

„Вы позволите мнѣ, дорогой мой по-сѣпшитель, списать поршрешъ съ васъ,“ сказалъ Лука. „Мнѣ сильно хочешся имѣть его; и я постараюсь, сколько по будешъ ошъ меня зависѣшь, чшобъ онъ былъ схожъ и рачишельно написанъ.“

— Согласенъ; но съ условиемъ, чшо и я спишу съ васъ поршрешъ, и ошвезу его въ Нюренбергъ. —

„Знаеше ли, чшо намъ лучше всего сдѣлать? Вы и я напишемъ свои поршрешы. Такимъ образомъ будемъ имѣть обоюднo шруды свои.“

— И на это согласенъ. Но — благо, чшо говоримъ о живописи — скажише, какъ вы нашли время написать сполько каршинъ, кошорыя мы имѣемъ ошъ васъ? Съ виду вамъ нѣшь болѣе шридцати лѣшь. —

„Мнѣ шолько двадцать девяшь. Я занимался съ довольно рѣдкимъ рвениемъ, и въ корошкое время число моихъ гравировокъ сравнился съ вашими. Но я рано началъ; и вамъ, можешъ бышь, не извѣсно, чшо девяши лѣшь я уже былъ граверомъ.“

— Девяши лѣшь! — воскликнулъ Спернбалдь. — Я прежде полагалъ, чшо первую каршину свою вы написали лѣшь шесшь-надцати, но не въ девяшь. —

„Я рисовалъ съ напуры поршрешы, и все, чшо ни встрѣчалось, ивовымъ углемъ, прежде нежели умѣлъ говорить порядочно. Мнѣ казалось пошеряннымъ шо время, кошорое

я не посвящала живописи. Игры дѣтства наводили на меня скуку; товарищи мои надѣдали мнѣ. Они спали надо мною насмѣхались, и не иначе называли, какъ *старикомъ*. Величайшимъ удовольствіемъ моимъ было въ этомъ возрастѣ, если родные узнавали порицанія, коими я измарывался. Мнѣ хотѣлось знать, какъ гравировать. Нѣкто, очень поверхностно знавшій правила этаго искусства, далъ мнѣ въ ономъ начальныя наставленія. Такимъ образомъ я и дѣлалъ свою первую гравировку, которую тогда же и издалъ, и которая имѣла порядочной успѣхъ. Спусти нѣсколько, родители мои, склонившись на мою усердную просьбу, помѣстили меня къ *Енгельберпу*. Я занимался у него неутомимо; и въ шестнадцать лѣтъ имѣлъ удовольствіе видѣть, что картины мои пользовались нѣкоторою славой.“

Оба живописца вступили тогда въ разговоръ, безъ сомнѣнія слишкомъ ученый, чтобъ супругамъ ихъ онъ могъ быть занимательнъ; ибо жена *Луки* прервала его и просила окончить пренія, для нихъ непонятныя.

„Мы до крайности скучаемъ здѣсь,“ сказала она: „пощадите насъ; послѣ же обѣды вы можете объ живописи своей наговориться, сколько вамъ угодно.“ Послѣ того она обратилась къ *Дюреру*, прося его рассказать ей о томъ, что встрѣчалъ онъ въ своихъ странствіяхъ; попомъ стала разспрашивать его о нарядахъ различныхъ со-

словій въ Нюренбергъ, и изслѣдовала одежду жены его съ особеннымъ вниманіемъ.

„Милая моя!“ прервалъ ее Лука съ живостию, „тебѣ должно позволишь мнѣ поговорить съ Албрехтомъ. Мнѣ оспаешся еще сдѣлать ему множество вопроговъ; и я почель бы за совершенный грѣхъ житья шакого челоуька у себя и не бесѣдовать съ нимъ опкрышо, опъ чистаго сердца.“

— Я не мѣшаю тебѣ говорить, о чемъ хочешь, — опвѣчала ему жена его; — но что скажешь Г-жа Дюреръ, если ты не доспавишь ей никакого удовольствія? —

„О! что касается до меня,“ сказала съ сердцемъ жена Албрехта, „я привыкла къ подобнымъ преніямъ. Дома у себя не слышишь другаго разговора во время всего обѣда. Мужъ мой никогда не знаетъ никакихъ городскихъ новостей, развѣ если что опносятся къ Люшеру.“

— Дай Боже, чтобы мы никогда не охладѣвали къ подвигамъ сего великаго мужа! — съ жаромъ воскликнулъ Албрехтъ, — да продлится дни его на благо церкви и распротраненіе истинной вѣры! Друзья! выпьемъ за его здоровье. —

„Хоть это и значишь пить за здоровье нѣсколько раскольникче,“ сказалъ Лука улыбаясь и наливая свою рюмку; „но, если это доспавишь вамъ удовольствіе, то я не прочь; замѣшивъ развѣ, что намъ не избѣгнушь несчастій, прежде нежели новое ученіе ушвердится. Впрочемъ я ни сколько не смыслю въ дѣлахъ опихъ и предостав-

для споришь о шомъ богословямъ и ученымъ. Перейдемъ лучше къ любимому нашему предмету: для чего, скажите пожалуйста, вы не ошклонили своего воспитанника ошъ путешесствія въ Испалію? Ошавшись при васъ, онъ могъ бы достигнуть несравненно большей степени совершенства, ишшо того, чшобъ шеряшь ему свое время."

Ф. вышелъ изъ своей задумчивости, ожидая ошвѣща своего насшавника.

— Я не ошклонилъ его ошъ путешесствіи пошому, чшо, какъ видно, мы съ вами различныхъ мнѣній ошъ усовершенствованіи искусства. Мнѣ не безызвѣстно, что я не изъ послѣднихъ художниковъ; но безразсудно было бы изъ шого заключать, чшо ит уже ни чему не ошалось научиться. Уже ли вы не почиаете возможнымъ, чшобъ в грядущія времена искусство наше не было доведено до шаконъ степени совершенства, о шаконъ мы шеперь и шикакого понашія себѣ сосшавишь не можемъ?"

Лука покачалъ головою съ видомъ недовѣрчивымъ.

„Я въ шомъ убѣжденъ въ полной мѣрѣ," продолжалъ Дюреръ. „Учишель вашъ Енгельбершъ не умѣлъ писать шакъ какъ вы; почему же не надѣяшься, чшо и насъ в свою очередь превзойдушъ ученики наши?"

Вспали изъ за стола. Албрехтъ просилъ позволенія ошдохнуть; Лука возвратился въ свою мастерскую, а Шернбалдъ пошелъ прогуляшь по саду и ошвѣжишь себя чшшымъ воздухомъ. Вечеромъ разговоры о ми-

вописи возобновилась; и жеса ужина Франца проводилъ своего наставника до гостиницы. Разставанье ихъ было прогашельно. Мрачныя предчувствія возвыщали Албрехту, что онъ въ послѣдній разъ видится съ ученикомъ своимъ. Сей, благоговѣнно выслушавъ его совышы, расстался съ нимъ съ живѣйшею горестію.

ИСТОРИЯ КАЛАЧЕЙ.

Калачь, по опредѣленію Словаря Россійской Академіи, есть *родъ пеццаго бѣлаго хлѣба съ двумя согнутыми рожками*, изъ квашенаго или сдобнаго шѣста (1). Опредѣленіе ясно, шочно и полно. Мы съ своей споррны могли бы шолько прибавишь, что упоминашые *рожки калача* называюшся еще *его дужкою*.

Искусство и способъ печь *калачи* принадлежилъ къ обширной сѣрѣ познаній сѣрбниковъ и калачниковъ. Мы ограничимъ себя шолько поверхносшнымъ, шакъ скашашъ, *систематическимъ* раздѣленіемъ сео рода хлѣба, кажешся, древнѣйшаго предка нынѣшнихъ нашихъ *саекъ, булокъ, кренделей, витушекъ* и подобныхъ предшешовъ древней и новой гашпрономіи Русской.

Такимъ образомъ упоминаемъ мы, что *калачи* по качешву и сущешву своему

1) Смотр. слово *колачъ* во 2 Частш Словаря Россійск. Академ.

раздѣляюща: 1) на *обыкновенные калачи*, 2) *пруличатые*, и 3) *сдобные*. Такія названія существующъ въ наше время и по сей день извѣстности не требуютъ никакого объясненія. Но въ летописяхъ нашихъ встрѣчающа такія названія калачей, которыя безъ особеннаго объясненія не такъ хорошо понятны можно. На примѣръ, въ древнихъ произведеніяхъ опочесшвенной Словесности, что можно будетъ далье видѣть въ нашего сочиненія, знакомимся мы съ *калачами*: 1) *бѣлыми* и 2) *сѣбытными*. Я не говорю уже о *драгоценныхъ калачахъ* Курбскаго, который придалъ имъ сей эпитетъ, вѣроятно для того, чтобы иныя предсавились современникамъ и попомощи роскошь безпечныхъ Пановъ Короля Польскаго.

Бѣлые калачи, какъ должно полагать, имѣли самое лучшее достоинство между нами своими поварницами, а *сѣбытные* (вѣроятно такъ названные отъ *сѣбси*, прѣмѣси другой низшаго сорта муки) почти лхсь самыми худшими. Въ наше время изобрѣтательные иностранные торговцы, всегда умѣющіе со всею тонкостью искусства принаравливались къ характеру и привычкамъ Русскихъ, обратили вниманіе на *калачи*, какъ на родную, необходимую и шребность Русскаго желудка.

Они провѣдали, какую роль игралъ сей родъ хлѣба въ нашемъ Опочесствѣ и сѣдали сами *калачи*, дошолъ небывалое и несмыслимое на свѣтѣ Руск! — Это,

такъ сказать, только модели нашихъ калачей, это калачи бумажные! Что бы подумали о своемъ потомствѣ добрые предки наши, еслибъ они могли знать, что мы пошчьемъ нынѣ дорогихъ именинниковъ своихъ — бумагой? Но — *usus tuguilis*.

Главнѣйшій же и важнѣйшій предметъ, нашего сочиненія будутъ Историческія розысканія и изслѣдованія о калачахъ: показаніе ихъ происхожденія, начала въ нашемъ Ошечествѣ и введенія во всеобщее употребленіе.

Но прежде нежели займемся мы подобными изслѣдованіями, поговоримъ нѣсколько о самомъ названіи калача.

Здѣсь встрѣчается рѣшеніе немаловажнаго вопроса: какое изъ двухъ названій правильнѣе, — калачъ или колачъ? — Основываясь на употребленіи сего слова въ языкѣ нашемъ и справляясь съ Словаремъ Россійской Академіи, должно безусловно признавать калачъ названіемъ правильнѣйшимъ. Но перечисывая наши рукописи, однакоже не позже XVIII вѣка, мы вездѣ, гдѣ только упоминается о хлѣбѣ сего рода, видимъ его въ названіи колача. Впрочемъ различіе въ буквахъ о и а не приводитъ насъ ни въ малѣйшее затрудненіе. Извѣстно же, что въ многосложныхъ, или, лучше сказать, неодносложныхъ словахъ въ языкѣ нашемъ, въ которомъ находишься буква о, не имѣющая надъ собою ударенія и удерживая собственную, исполняющую свой выговоръ въ древнихъ памятникахъ нашей Словесно-

сти и языкѣ престопаародномъ , — вынѣ произносився нами за а. На примѣръ, предки наши говорили *кораблестроеніе* , а мы произносимъ теперь *караблестроеніе* и ш. и. Принявъ сіе правило непременною аксіомою , мы вѣрно уже не будемъ сомнѣваться въ точномъ , правильномъ , настоящемъ названіи , принявъ слово *калачь* древнею , а *калачь* новѣйшею формою въ языкѣ нашемъ.

Какъ бы что ни было , только *калачь* , какъ нѣкошорые полагають , слово Ташарское и значить *голодный* , что можно будетъ увидѣть изъ Исторіи *калачей* , которою мы теперь намѣрены занять нашихъ читателей.

Между прочимъ здѣсь , кажется , не будетъ излишнимъ замѣчаніе , что въ Словарѣ Россійской Академіи , гдѣ о всѣхъ иноспранныхъ словахъ , по какимъ-либо обстоятельствомъ зашедшихъ въ область нашей словесности , означено именно , изъ какого языка онѣ переселились къ намъ , а о словѣ *калачь* совсѣмъ не сказано , что оно Ташарское.

Впрочемъ , до сихъ поръ не находя никакихъ признаковъ , чтобы слово *калачь* было Русское , и соглашаясь съ П. П. Свиньинимъ (2) , мы убѣдимся , что оно дѣйствительно Ташарское , и обратимся къ историческимъ изслѣдованіямъ.

(2) *Отечественныя Записки* , изд. П. П. Свиньинимъ , 1825 , № 62 Іюль , стр. 347 и слѣд.

Происхожденіе *калачей* сокрыто отъ насъ подъ непроницаемою завесою неизвѣстности. Однакоже по мнѣнію одного изъ почтеннѣйшихъ нашихъ любителей и знатоковъ памятниковъ древности Русской, начало сего рода хлѣба должно относить ко временамъ самой отдаленной, самой глубокой древности. Ученый Археологъ утверждаетъ, весьма правдоподобно, что *калачь* первоначально былъ извѣстенъ на Востоку, приводя въ доказательство своего положенія слѣдующее историческое свидѣтельство. Огусъ - Ханъ, Монгольскій Государь, велѣлъ раздасть хлѣбъ шѣмъ изъ своихъ войскъ, когорые не успѣли прибыть въ Индію и прешеривали на пути своемъ голодъ, отъ чего они и названы были *калачами*, т. е. голодными, о чемъ уже сказано было выше (1). Издавъ *Отчественныхъ записокъ* сообщаетъ далѣе, что попомки упомянутыхъ войскъ еще и донынѣ находящіяся въ Хоресанѣ. Нынѣ нужды занимаешь насъ теперь крипическимъ изслѣдованіемъ: дѣйствительно ли существуютъ или нынѣ попомки войскъ Огусъ - Хана въ Хоресанѣ; въ существованіи *калачей* никто не можетъ сомнѣваться, и потому мы будемъ продолжать наши объ нихъ замѣчанія.

Объясняя истину, какимъ образомъ названіе *калача* перешло въ наше Отечество и почтимаю совершенно излишнимъ: вѣмъ уже извѣстно, какое вліяніе имѣли Таттары,

(1) Тамъ же.

во время владычества ихъ надъ Россією, на вашъ языкъ, и сколько словъ Татарскихъ, переселившись въ то время въ языкъ Русскій, приняли въ немъ жеозъемаемое право гражданства.

Не извѣстно, гдѣ именно Русскіе первоначально спали печь калачи. Но что въ Польшу калачи перешли уже изъ Россіи, — это не подлежишь, кажешся, никакому сомнѣнію. Извѣстнѣйшими нынѣ калачами почитаются въ Россіи: *Московскіе*, *Тверскіе*, *Муромскіе* и отчасти *Коломенскіе*. Первыми и донынѣ славятся древняя Спшлицкая маца, и еще очень недавно въ самомъ Пешербургѣ почитались они необходимою принадлежностію снола въ богатыхъ и знатныхъ домахъ. На преимущество калачей Московскихъ предъ всеми прочими обратил свое вниманіе современной намъ иностраннй писатель Делаво, въ указанной имъ книгѣ: *Guide du voyageur à Moscou*, въ которой онъ между прочимъ замѣчаетъ, что *Kalatch est le nom d'un pain blanc d'une forme et d'une espèce particulière, que l'on ne fait bien qu'à Moscou* (1). Муромскіе калачи не имѣютъ совою достоинства Московскихъ.

Хотя всемъ извѣстная пословица: *Вятинской чай, да Муромскій калачъ, подмичаетъ богачъ*, и доказываетъ, если не совершенство, то по крайней мѣрѣ древность калачей Муромскихъ, которые должны бы

(1) Сей книги въ *Resumé topographique et statistique de Moscou*, приложенной при II главѣ.

ам почитались лучшими, еще въ неизмѣннѣмъ Московскихъ. О Тверскихъ и говорить нечего, потому что они пѣже Московскіе и получили названіе свое отъ Тверской улицы (а не отъ города Твери, какъ полагають нѣкошорые, гдѣ и до сихъ поръ нѣшь корошихъ калачей), въ кошорой, вѣроятно, Русскіе прежде начали занимашься печеніемъ калачей.

Въ лѣпописяхъ нашихъ, безъ сомнѣній отъ весьма ограниченнаго употребленія *калачей*, съ самаго переселенія ихъ въ Россію, до временъ царствованія Василія Іоанновича, объ нихъ не говорятъ ни слова. Но что при семъ Государѣ *калачи* были уже извѣсны на Руси, въ семъ мнѣніи увѣряють насъ древнія лѣпописи. Любопытные охотники до памятниковъ старины Русской могутъ заглянуть въ Вивліюеику Новикова, если хошашь повѣрить наше положеніе. Между многими обрядами и церемоніями, бывшими на свадьбѣ Великаго Князя Василія Іоанновича подъ 1526 годомъ, тамъ находится слѣдующее распоряженіе, въ кошоромъ *калачи* занимають уже важное мѣсто: *а у мѣста поставити столъ и матерть наслати и калачи положить и гроч.* (1).

Прошу покорно! — Вошь въ какой чешши, въ какой славѣ тогда были *калачи* — пышные предки нынѣшняго крупичатаго ихъ

1) Древняя Россійская Вивліюенка, изд. Н. Новиковымъ, 1790, Часть XIII, стр. 6.

ношонства, котораго кругъ дѣйствія, никогда споль обширнѣйшій, такъ скажи инскія лакомства чужеземныя. O tempora! o mores!

Ежели же вы, любезные чашатели, не позыкинешь со мною вмѣстѣ перевернуть еще 5 страницъ послѣ 6 въ XIII часѣ Вивлиоэки, то удостоверитесь ошъ тшпаго сердца въ неоспоримомъ достоинствѣ и важности калачей въ сіе время. Эта одиннадцатая страница расскажетъ вамъ, что, по прошествіи шрехъ дней послѣ ичанья Великаго Князя — *оболоча стинилъ постельной заполами стыкались*, по обновенію, по *четыремъ угламъ стрѣлы*, а *на нихъ по сороку соболей*, или по одному соболю, какъ Князь велитъ, да по *лачу*. Вѣроятно, предки наши желали шккимъ образомъ выразитъ мысль о богатствѣ и изобиліи, котораго вѣрными признаками почитали *калачь* (1).

Нажешся, этого одного примѣра уже достаочно для того, чшобъ имѣть выгоннѣйшее мнѣніе о достоинствѣ калачей, уишдашь имъ цѣну благороднѣйшую и высокую. Но мы намѣрены предсавитъ доказательства еще убѣдительнѣйшія, и пошому, съ позволенія нашихъ чашателей, будемъ продолжать свои наблюденія и замѣчанія.

Въ царствованіе Іоанна Васильевича Грознаго, *калачи* могли, какъ кажешся, составлять не маловажный предметъ наро-

(1) Тамъ же стр. 11.

ной промышленности. Справедливости жакого предположенія доказываешься однимъ изустнымъ, впрочемъ едва ли не всѣмъ извѣстнымъ сказаніемъ. Кто изъ насъ Русскихъ не знаетъ, что при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ жилъ въ Москвѣ Василій Блаженный, Христа ради юродивый? Сей Святый мужъ, если вѣришь древнему преданію, имѣлъ обыкновеніе ходишь по улицамъ и брашь съ лопковъ *калачи*, изъ копорыхъ онъ одинъ употреблялъ въ пищу, а другіе бросалъ на землю, означая тѣмъ, что послѣдніе были испечены безъ молитвы. Хопише ли еще болѣе убѣдишься въ существованіи и употребленіи *калачей* въ сіе время? — Раскройше наши лѣтописи, и въ нихъ можеше найши доказательства моего положенія, болѣе основательныя и досто-вѣрнѣйшія.

Нурбскій, повѣснвуя о Королѣ Польскомъ и его Панахъ, копорыхъ дѣтши Девлешъ - Гирей шогда (въ 1558 году) грабили, и копорыя, проводя жизнь свою въ роскоши и безпечности, не умѣли зацципншь земель своихъ ошъ набѣговъ Азіяшцевъ, — предсавляешъ намъ образъ ихъ жизни и сообщашъ слѣдующія извѣстія: „Его Королевское Величество, говоришь онъ не къ шому „(не къ зацципншь земли) обращалося умошъ, „шо паче въ различныхъ цдасаніи и въ преиспещренныя *мошнары*, шакомъ и влашпели земли шов *драгоцѣнными* *колачи* „горшанъ и чрево напыкающе и проч. (1).“

(1) Исторія Государства Россійскаго. Карамзина. Томъ VIII, примѣч. 198.

... Чистая слова Курбскаго, не лзя не сдѣлать нѣкошорыхъ замѣчаній вразсужденіи *калачей*. Должно думать, что они или въ его время были очень рѣдки, или что мы пощеряли искусство ихъ печь; въ прошивномъ случаѣ къ чему бы Курбскому называть ихъ *драгоценными калачами*? — Впрочемъ, первое предположеніе вѣроятнѣе. Еще замѣшимъ ксташи, что здѣсь *калачи* высшавлены первымъ признакомъ жизни роскошной и безпечной. Упомянувъ о *драгоценныхъ калачахъ*, военачальникъ Русскій потомъ говоритъ уже и о вкусныхъ винахъ, кошорыми упивались въ его время Паны Польскіе, о ихъ пляскахъ и мягкихъ перинахъ, на кошорыхъ они проводили жизнь свою въ нѣгѣ и праздности.

Далѣе изъ бумагъ царствованія Федора Иоанновича 1597 года также замѣчаемъ мы, что калачи были употреблены и на роскошныхъ обѣдахъ Русскихъ. Перечисывая роспись сего времени, въ кошорой то всю точностію означено, *что послано къ послу (Австрійскому) отъ Государева стола бствы и питья*, мы узнаемъ, что къ упомянутому Послу отпускалось *свѣдѣннаго дворца: „хлѣбецъ крупчатой въ 5 калавей; перепечи крупчатая въ 5 калачей; калачъ крупчатой въ 5 калачей“* и проч. (1). Изъ сихъ вычисленій можно видѣть, въ какомъ уже употребленіи были

(8). Тамъ же, Томъ X, прим. 198.

калачи у насъ въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія.

Позволяя себѣ *просторѣе* разсуждать о *калачахъ*, какъ существенномъ предметѣ нашего *критико историческаго* изслѣдованія, мы здѣсь необходимо должны будемъ нѣсколько объ нихъ распространиться. Всякій, читая вышеприведенныя нами извѣстія, безъ сомнѣнія, заключитъ, что *калачи*, въ это время, такъ сказать, почти оспоривали давнопріобрѣтенную славу *перепечь* и другихъ родовъ хлѣба: потому что ихъ принимали уже за извѣстную, опредѣленную мѣру. Если намъ совершенно понятно, что значить *перепеча въ 5 калачей*, *хлѣбець крупчатой въ 5 калачей*, то что же это за *калачь въ 5 калачей*? — Искренно, смиренно сознавался въ ограниченности нашего разума, не дерзая просиравъ за предѣлы вѣроянія и правдоподобія нашихъ предположительныхъ догадокъ, мы просто скажемъ, что, совершенно не можемъ понять этого мудренаго *калача*, предославляя его на судъ читательскій, болѣе насъ опытныхъ и свѣдущихъ въ шаринѣ опеческвенной, въ памяшникахъ древности земли Русской.

Еще любопытнѣйшее и подробнѣйшее извѣстіе о калачахъ можно видѣть изъ другой росписи сего же времени, гдѣ со всею почтосію означено, что давано на *Мокѣ* корму поденнаго *Патріарху Іеремію* и *Московскому Митрополиту* и *Бласонскому Архіепископу* и *Архимандриту* и

смарцемъ и слугамъ. Въ сей росписи находимъ мы слѣдующее распределение: *Патріарху* колачъ крупичетой и на 10 блюдъ ѣствы, *Архидіакону Левонтыя*, да двумъ священникамъ, да черницу, казначею, келарю по три блюда ѣствы челоуѣку, да три калача смѣстныхъ двѣмъ челоуѣкамъ колачъ; толпацу да діакону по два блюда, да колачъ смѣстный, *Патріархскимъ* десяти служебникомъ по два блюда, 4 колача; *Митрополиту* полкалача бѣлаго, и проч. (1). Чипашели сами могутъ замѣшши здѣсь, что въ царствованіе *Евдодора Іоанновича* калачи были или очень рѣдки, или гораздо большаго количества противъ нынѣшнихъ; въ прошивномъ случаѣ подобное распределение намъ весьма покажется страннымъ.

Промъ лѣтописей еще въ древнихъ Россійскихъ стихотвореніяхъ упоминается о калачахъ (2). Въ одномъ изъ нихъ, кошорога Герой, споль славный *Дюкъ Степановичъ*, мы находимъ слѣдующее извѣстіе, въ кошорогѣ говорится о калачахъ. *Дюкъ* прѣхалъ въ гости ко *Владиміру*, *Стольному Нилію Нѣвскому*. Между тѣмъ какъ *Владиміръ* посадилъ его съ собою за единый столъ, догадливые повара, пошучу почеш-

(1) Тамъ же прим. 462.

(2) Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя *Киршею Даниловымъ* и вторично изданныя *К. Калайдовичемъ* съ прибавленіемъ 35 пѣсень и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ. М. 1818. Въ сказкѣ *Дюкъ Степановичъ*, стр. 26.

наго гостя яствами сахарными и пштыльми мѣдяными, клали передъ нимъ и калачики крупичатые. Дюкъ, откушавъ калачики крупичатые, верхнюю порочку отламываетъ, а нижнюю прочь откладываетъ. Молодой Чурило Пленковичъ, другой рыцарь того времени, который шакже пировалъ тогда у Владиміра, упрекаетъ прикомпливаго гостя въ яствѣ. Тотъ оговаривается, замѣчая, что у Владиміра не шакъ, какъ у него Дюка Степановича, у его Сударыни Матушки. По словамъ его, у нихъ были: пещки муравлены, подики мѣдныя; помѣлечко шелковое, обманивано въ сыту мѣделеную, и, что всего важнѣе, были шакіе калачи, что какъ калачикъ съѣшь, больше хочещя (1).

Въ стихотвореніи подѣ заглавіемъ: *Василій Бусласѣвъ*, читаемъ, что этому силачу, удалому молодцу, покорившись мужици Новгородскіе, пришли къ его мапушкѣ, прося уняшь ея чадо милое и обѣщаясь на весь годъ носить: *съ хлѣбниковъ — по хлѣбнику, съ калачниковъ — по калачику* (2).

Наконецъ въ пѣснѣ: *Кто травника не слыхивалъ*, упоминаешся, говоря въ насмѣшку о пряникахъ сладкихъ, сапогами печатныхъ и о калачахъ крупичатыхъ, сапогами толоченыхъ (3). Сіи толоченыя,

(1) Тамъ же стр. 27.

(2) Тамъ же *Василій Бусласѣвъ* стр. 82.

(3) Тамъ же. пѣсня: *Кто травника не слыхивалъ*, стр.

как, полученные калачи не оставимъ мы безъ вниманія и поговоримъ объ нихъ въ своемъ мѣстѣ.

Но водъ что можешь показаться довольно страннымъ и совершенно противорѣчушимъ нашему мнѣнію о всеобщемъ употребленіи калачей въ Россіи еще въ XVI вѣкѣ. Въ *Розметной книгѣ* 1700 года, въ которой означено, какія *вѣтвы* были опшускаемы для *Государева стола*, о калачахъ совѣтъ не упоминается. Въ ней читаемъ мы, что *съ хлѣбнаго двorca* опшускались: *недомѣрки, куличи, перепечи, кольца, баранки, лопатки, монастырскихъ сухарей, папошники, хлѣбы: большіе, бѣлые, Красносельскіе, зеленые, дворцоваго печеня, расхожіе скрои хлѣба монастырскаго, сайки, наряды сухарей, короваи, котки, тетерки, сгибни и ш. п.*, нигдѣ не встрѣчая калачей.

По этому, намъ должно опречъся ошъ нашего мнѣнія, должно замѣтить, что въ началѣ XVIII вѣка предки наши не кушали калачей, когда они и на придворныхъ столахъ не употреблялись? — Быть шакъ. Но ушъшимся. Для дни рожденія Государя Петра Алексѣевича опшущено гостямъ и гостинной сотни и Чернослободцамъ между прочими вѣспвами и 240 калачей толченыхъ (1)!! И шакъ во времена Петра Великаго калачи еще двѣшвовали на сто-

(1) Россійскій Магазинъ, современное изданіе Ф. Тулганскаго 1792, Ч. I, ошъ 424.

лахъ нашихъ предковъ, а только Богъ знаетъ почему, до сихъ поръ объ нихъ молчали въ размешной книгѣ. Но что же еще за толченые калачи? вѣроятно спроситъ насъ всѣ, кошорые только будущъ читають ихъ Исторію. Не смѣя подковашъ и переполковывашъ этого слова, какъ заблагоразсудится, мы гошовы лучше сознашъся, что не поспигаемъ значенія его, нежели объясняшъ оное недравильно. Оставаяа задачу сію рѣшимъ самымъ читашелдымъ, а замѣчу только, что въ одной свѣдомости сего же времени упоминаешъ и о мухъ толченой (1)! —

Далѣ въ свѣдомости о кормлѣ нищихъ, по комнатамъ прошлаго 207 (1699) года сказано, что съ хлѣбнаго дворца опнущено у Царицы Прасковьи Федоровны: 150 калачей, у Тащяны Михайловны 65 и Евдокіи Алексѣевны 100 (2). Еще новое и неоспоримое доказательство большаго употребленія калачей въ Россіи въ сіе время!

Въ другой предъидущей современной свѣдомости, въ кошорой показано, что и сколько, чего и для чего въ Московскіе, и другихъ разныхъ городовъ монастыря ежегодно отъ Государева дворца жаловано было по 207 (1699) годъ, также находяшся извѣстія о калачахъ.

Перечитывая свѣдомость сію, мы совершенно удостовѣряемъ въ достоинствѣ и

(1) Тамъ же.
(2) Тамъ же.

важности *калачей*, узнавъ, что они отпускались только въ монастыри, болѣе уважаемые и почитаемые нашими Государями. Такимъ образомъ изъ двадцати или болѣе монастырей, означенныхъ въ упомянутой ведомости, только въ нѣкоторыя, между прочими *свѣтлыми припасами*, были отпускаемы *калачи*, и то въ самомъ умеренномъ количествѣ, такъ что въ два монастыря — *Страстной* и *Никитской* — было послано только одинъ *калачь*, который должны были спарицы раздѣлить пополамъ (1).

Почти къ сему же времени относитсѣ известіе о *калачахъ*, находящихся въ *Исторіи* известнаго *Ваньки Каина*, въ которой нашъ Ринальдо, между прочимъ, сообщаетъ, что когда онъ содержался въ *каменномъ мѣшкѣ*, ш. е. въ шюркѣ, — пришелъ къ нему другъ его *Камчатка*, взявъ *калачей*, яко для подачи милостыни, и проч. (2). Также въ одной изъ пѣсень своихъ онъ упоминаетъ о *калачахъ*, говоря, что за Москвою за рѣкою — богачъ мужикъ живетъ, онъ хлѣба не свѣтъ, завсегда рожь продаетъ, онъ пшеницы не пшеть, все *калачики вѣтъ* (3).

Наконецъ, желая чиншателямъ нашимъ высказать все, что только гдѣ нибудь было писано о *калачахъ*, припомнимъ, что и

(1) Тамъ же.

(2) Исторія Ваньки Каина 25 стр.

(3) Тамъ же 129 стр.

самъ бессмертный. Повесть Федиды не забыть про нихъ, между прочимъ, сказать въ *Послании къ Евгению*:

— — — — шѣмъ съ *подиаскою калачь*.

А шѣмъ лекаршвица, въ подспорье (1),

Вошъ почти всѣ извѣстiя о *калачахъ*, сохранявшiяся въ древнихъ памятникѣхъ Истории Русской и Словесности, подтверждаютъ существованiе ихъ еще въ былые времена минувшей древности.

Вообще должно замѣтить, что *калачи* и прежде и въ наше время употреблялись не рѣдко при нѣкоторыхъ народныхъ обрядахъ и другихъ подобныхъ случаяхъ въ жизни нашихъ предковъ. Не говоря уже о *поминкахъ* (на которыхъ занимающъ всегда первое и почтеннѣйшее мѣсто за роскошными и смиренными столами нашихъ соотечественниковъ Русскiе блины, и гдѣ *калачи* также принимаютъ немаловажное участiе) — должно сказать, что *калачи* преимущественно употреблялись нашими предками въ *имянины*, какое-то обыкновенiе осталось и донныѣ. Русскiе, еще хранящiе древнiе обычаи своихъ предковъ, незнающiе выписныхъ *сюрпризовъ*, *предметовъ* и т. п. заморскихъ предметовъ, утонченной Европейской роскоши и вкуса, дарящъ, какъ водится, *дорогаго* своего *имянина* *калачемъ*, который въ такомъ случаѣ печется гораздо большою величиною и ко-

(1) Сочиненiя Державина 1808, Часть II, стр. 306
Жизнь Званская.

второй, кажется, в старину был обыкновенным.

Из истории *калачей* в наше время можно безспорно принадлежать еще существующее обыкновение — подавать милостыню в острогъ, в яму, смиришельные дома, богадельни и т. п. общественныя заведенія, именно *колачами*. Это остаток древняго Русскаго госпенримства, хлѣбосольтства и сострадательности!

Не смотря на такую бедность и историческихъ доказательствъ и письменныхъ памятникахъ о *калачахъ*, справедливость требуетъ сказать, что они всегда занимали не маловажное мѣсто в составѣ народнаго языка нашего Отечества. Сколько Русскихъ пословицъ, поговорокъ, сравненій и т. п. основаны на этомъ словѣ! — Некоторые изъ нихъ, болѣе извѣстнѣйшія, мы постараемся привести здѣсь для призора, не смѣя впрочемъ ласкать себя надеждою, подобно Богдановичу, что *нація увидитъ съ благоволеніемъ отрывокъ изъ собственнаго своего сочиненія* (1).

Желали ли предки наши выразить мысль, что нужда ведетъ къ трудамъ, а труды къ приобрѣтенію богатства и спокойствія въ нашей жизни, — они обыкновенно говорили: *нужда научитъ калачи ѣсть*. Это значить: трудись, и будешь въ состояніи жить богато — будешь ѣсть *калачи*. Хотѣли ли они убѣдить скупаго заимодавца в

(1) Собраніе Русскихъ пословицъ, изд. Богдановичемъ 1785.

справедливости своего обещанія, хотѣли ли они, чтобы онъ не отказалъ имъ въ займѣ, за которой они, при помощи Вожіей, надеялись вознаградишь его спорницею, — они прибавляли къ прозвѣ своей: *кинъ калачь за лѣсѣ, послѣ поди — найдешь*, т. е. деньги твои не пропадутъ за нами. Шумя надъ ушомишельною дородностію какого-либо полспяка, Русскіе довольно остроумно замѣтали, что *вокругъ него обойти — калачь свѣшь*. Отчаивались ли они въ возвращеніи чьей-либо довѣренности, благосклонности и дружбы, — эту неперемѣнность выражали они пословицей: *его (друга, знакомаго) и колачемъ не заманишь*. Собственно же они употребляли сію пословицу, говоря о человѣкѣ, имѣвшемъ въ чьемъ нибудь домѣ нѣкоторую неприязнность, и которій, какъ говоришся, *закался уже быль шамъ*; куда его шеперь *не заманишь и колачемъ*.

Что калачи въ старину считались не послѣднимъ кушаньемъ, и даже составляли нѣкоторымъ образомъ родъ лакомства, которымъ могли пользоваться одни только знатные, или по крайней мѣрѣ богатые люди, эту истину доказываетъ извѣстная пословица: *не рука крестьянскому сыну калачи бсть*, изъ которой вмѣстѣ выводится и нравоченіе назидательное: жить соответственно съ своимъ сословіемъ и званіемъ, не гонясь за приходами людей богатыхъ.

Человѣкъ, сдѣлавшій добро своему ближнему, которій впрочемъ не могъ чувство-

вашь его благодаренія, который заплашил ему даже неблагодарностию, — не осраешся въ убыткѣ: онъ на людей салачь купилъ, чѣмъ не понравился — самъ сбѣлъ. Онъ чувствуешь внутреннее удовольствіе, и самъ веселился добрымъ дѣломъ, котораго не умѣли цѣнить другіе.

Смотри на льстеца хитраго, двуязычнаго, который въ глаза всякому говоришь тысячу ласкъ и учтивостей, а за глаза первымъ гошовъ сдѣлашь неприязнисть, или даже обиду, какъ не подумаешь, какъ не скажешь, что эпошь человекъ, кормитъ салачьемъ, да въ спину кирпичемъ? Подобнаго содержанія есть другая Русская пословица: салачь въ руни, да камень въ зубы, еще сильнѣе выражающая мысль первой.

Напрасно радушный, но незажисочный хозяинъ, являющійся передъ гостями, которыхъ онъ принялъ ласково, да не могъ хорошо угостить, хотя и былъ имъ чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; они успокоиваютъ его, убѣждая въ истинѣ, что видъ хорошій — салача лучше, ш. е. не будь гостю опасенъ, да будь ему радъ. Лозою въ могилу не вгоняешь, а изъ могилы и салачомъ не выманяешь, — это одинъ изъ Русскихъ афоризмовъ, самыхъ простыхъ и самыхъ справедливыхъ, доказывающій между прочимъ и достоинство неоспоримое салачей.

Пословица, сыръ салача бѣлѣе, а мати мачихи милѣе, ясно доказываетъ несовершенство искусства древнихъ нашихъ ма-

лачниковъ, кошорыхъ калачи и жемчужины сыръ превосходятъ близною. Здѣсь вѣроятно рѣчь идетъ о калачѣ Муромскомъ; о кошоромъ уже сказано было выше.

Желая доказать кому нибудь истинную, нелицемѣрную любовь, предки наши говаривали шузя: *Я тебя люблю, калачъ куплю, — а самъ свѣмъ*; прибавили оспроумные и насмѣшливые ихъ попомки. Опшуская ласково присланнаго опъ кого нибудь слугу, предки наши никогда не имѣли обыкновенія оспавлять его съ пустыми руками, и давая ему деньги, говаривали: *Вотъ тебѣ на калачъ*.

Русскій, видя, что его хотятъ обманушь, или, какъ просто говорится, *провести за носъ*, и надѣясь на свою предосторожность и догадливость, разрушаетъ всѣ хитроссти и ковы своихъ соперниковъ, объявляя имъ шоржественно, что онъ *самъ третьей калачъ*, ш. е. его провествъ и обманушь будешь шрудно.

Не щадя времени, а болзе шершвннхъ почтеннѣйшихъ чиншателей, можно было бы привесшь еще нѣкоторыя примѣры, въ кошорыхъ увидѣли бы они, какую ролю играли всегда *калачи* въ народномъ языкѣ Русскомъ; но мы шеперь ограничимся приведенными пословицами; упоминашь о Русской поговоркѣ: *Захотѣлъ у калачника дрожжей покупать*; о пословицѣ — *самое дурное кушанье между дужкою и калачемъ*, о выраженнн — *калачемъ ножки сложить* и подобныхъ сему, имѣющихъ какое нибудь

отношеніе къ исторіи казачей, значило бы продолжатъ наше сочиненіе до безконечно-сти. И такъ здѣсь мы остановимся, — здѣсь будешь у насъ — *non plus ultra!*

П. Шереметевскій.

О ЖИЗНИ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА, СОЧ. ИРВИН-
ГА ВАШИНГТОНА 1828.

Жизнь Христофора Колумба, исполненная движенія, славы и горестей, соединяетъ исторію стараго свѣта съ исторіей новаго. Въ этомъ великомъ открытѣ изъ азіатскаго человѣчества все достойно вниманія. Здѣсь являющіяся чудеса, производимыя гениемъ; сила глубокаго убѣжденія, внушеннаго размышленіемъ и наукою, борьба мужества съ предрасудками неумѣстности, дѣйствительная неутомимость, всевозможно изгибающаяся для воспоржествованія надъ препятствіями, и великія услуги, награждаемыя неблагодарностію оныхъ сильныхъ земли. Какъ картина драматическая, она превосходитъ обширностію весь доселѣ извѣстный. Цѣлый міръ вручается Испаніи, или лучше Европѣ; перемѣняется судьба стараго свѣта, разрушаются всѣ соображенія древней политики, создается новая система финансовая, новыя выгоды открываются во взаимныхъ соотношеніяхъ націй, и отважность рыцарская идетъ пушями, невѣдомыми корыстолюбію: вотъ главные результаты достопамятнаго предпріятія Колумбова, и это суть эпизоды изъ жизни сего великаго мореходца.

Ея Исторія заманивала многихъ уже писателей; но, до Робертсона, находила только анализиковъ, и

въ швореніи сего знаменитаго Шотландца она въ первый разъ явилась облеченная всею важностію великихъ прошествій, съ нею связанныхъ, и обогащенная всею новостію картинъ, служащихъ ей дополненіемъ и необходимыми красками.

Но такой герой, главное лице въ *Исторіи Америки*, для себя одного требовалъ особаго живописца. Правда, онъ у Робертсона и занимаетъ первое мѣсто въ разсказѣ открытія; но хотѣлось - бы, чтобы около его одного расположены были всѣ прошествія и люди, его современники, — чтобы съ его судьбой было связано все случившееся. Желаетъ слѣдить за нимъ, съ самаго дѣйствія его до послѣднихъ дней, на театрѣ его славы и въ домашней жизни. Италіанцы нѣсколько разъ принимались писать похвалы ему, но похвалы на Италіанской вкусъ, въ звучныхъ фразахъ, въ выраженіяхъ гиперболическихъ; эшо не исторія, а одна исторія и достойна мужей великихъ: надлежало изобразить на широкомъ полотнѣ біографію Колумба. Приступая къ исполненію сего предпріятія, Ирв. Вашингтонъ не снхалъ ниже своего предмета. Ничто, относящееся къ его герою, не забыто; ни одно происшествіе, связанное съ открытіемъ Америки, не ускользнуло отъ его вниманія: лица вшороспеченныя искусно разспавлены вокругъ большаго изображенія Колумбова, и подробности ученія и мореходныя удачно вылишы въ разсказѣ, оживденномъ формами самыми живописными.

Авторъ исторіи Христофора Колумба, одинъ изъ писателей, наиболѣе принесшихъ чести Сѣверной Америкѣ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые ей наиболѣе способствовали приобрести литературную славу, былъ доселѣ извѣстенъ только своими созданіями для идеальнаго міра, гдѣ Sketch-book, Bracebridge-hall, Rip van Winkle, Dolop Heigliger, легенда Sleepy Hol-

low и сказки путешественника, иривая изобретения фантази, занимають высокую степень. Однако сіе остроумныя шворенія, полныя оригинальности, живописныхъ выражений и краснотъ поэтическихъ, далеко отстоятъ отъ историческихъ швореній. Удачнось, съ кошорою Ирв. Вашингтонъ переступилъ сіе обширное разстояніе, свидѣтельствуешь о гибкости его таланта.

Мы здѣсь только укажемъ на успѣхи Географіи и на ходъ наукъ, съ нею сдѣланныхъ, и разберемъ противорѣчащіе вопросы, кошорые породило открытіе новаго свѣта.

Слѣпыя панегирисмы думали возвысить славу знаменитаго мореплавателя, выдавши его за магика, кошорый предугадалъ существованіе Америки; но сие унижается онъ. Доспамотно одного познанія географическихъ документовъ сего времени, чтобы утѣрпѣться въ несправедливости такого предположенія. Колумбъ не имѣлъ и не могъ имѣть такой мысли. Онъ зналъ все, что знали ученѣйшіе люди его времени; онъ полагалъ, подобно Аришотелю, мореходцу Тирскому и нѣкошорымъ древнимъ, что берега Индіи должны бытъ довольно близки къ берегамъ Испанскимъ: Космографы средняго вѣка слѣдовали сему мнѣнію въ своихъ чертежахъ невѣрныхъ и показывавшихъ другую странную мысль, что должны существовать земля на противоположной сторонѣ земнаго шара, кошорыя бы дѣлали равновѣсіе съ извѣстнымъ материкомъ; они на удачу означали на своихъ картахъ земли и острова мнимые, кошорымъ дали названіе *Ante-Insulae*. Одна изъ нихъ носилъ имя *Antilia* на картахъ Біанко, Бедрато и Парешо. Ученый Буашъ старался доказать, что сія Аншилія есть ничто иное какъ одинъ изъ острововъ Асорскихъ. Онъ частію основывается на томъ, что она лежить весьма близко къ онымъ. Карта Біан-

ко могла утверждать въ семь мѣнѣй; но оно разрушается при первомъ взглядѣ на карту Парето, которая Французскому Географу была неизвѣстна. На сей послѣдней Аннилія далеко отсѣпана отъ Европы и лежитъ совсѣмъ на западной сторонѣ Атлантическаго океана. Во всякомъ случаѣ острова сіи не показывали новаго міра, но начало Азіи. Тосканелли, другъ Колумба, одинъ изъ знаменитѣйшихъ Космографовъ своего времени, полагалъ, что они относятся отъ Японіи или Ципанго не болѣе какъ на 225 миль; доказательства его основывались на распятии Азіи къ востоку, какъ то показывали карты, составленныя по понятіямъ Птоломея объ Азіи. Тамъ находились послѣднія открытія Марко Поло, Кишай, означенныя вслѣдъ за Индіей, съ довольно большимъ количествомъ прилежащихъ острововъ, между коими сей знаменитый Ципанго занималъ первое мѣсто. Извѣстія, сообщенныя Венеціанскимъ путешественникомъ, произвели также большое вліяніе на мысли Колумба; онъ часто упоминаетъ объ ономъ: онъ вѣрилъ положеніямъ, которыя онъ заключаетъ; и видно, изъ его перваго путешествія, что сіи-то острова передъ Азіатскимъ материкомъ искалъ онъ неутомимо. По его мнѣнію, не было никакой особенной земли между сею восточною оконечностію Азіи и берегами Европы; одинъ океанъ наполнял сей обширный промежутокъ.

Сіи - то неизвѣстныя воды хотѣлъ онъ перейти. Такое важное предпріятіе подкрѣплялось еще твердою увѣренностію въ шарообразности земли. Малше-Брюнъ приписываетъ это другой побудительной причинѣ: онъ предполагаетъ, что Колумбъ, путешествуя по сѣвернымъ морямъ около 1477 года; услышалъ нѣсколько извѣстій о Скандинавскихъ открытіяхъ средняго вѣка и о землѣ Винландъ, означенной на картѣ путешественника брата Зени подъ именемъ Estoti-land и Droceo или Drogeo. Никакое свидѣтельство не подтверждаетъ

сего мнѣнія; напротивъ, одно происшествіе рѣшительно разрушаетъ его. Въ своей перепискѣ съ Тосканелли, въ 1474, за три года до своего сѣвернаго морскаго путешествія, знаменитый Генузецъ уведомляетъ своего ученаго друга о предпріятіи своемъ, омысливъ берега Индіи западнымъ путемъ, и Тосканелли шлеть съ большимъ усиленіемъ подкрѣпляетъ его въ оное, что въ одномъ письмѣ, посланномъ къ нѣкому Маршинузу, священнику Лиссабонскому, онъ совѣщивалъ Королю Португальскому испытать, не льзя ли симъ же самымъ путемъ проникнуть въ страну, приносящую пряные коренья; сей совѣтъ онъ усматривалъ предложеніемъ *одной карты*, на которой были означены, только весьма ошибочно, вѣроятныя разстоянія, по сему пути, между берегами Европы, провинціями южнаго Китая и Индіею. Ободренія такого ученаго воспламенили въ Колумбѣ новое рвеніе; но то, что генію его представляется истинною доказанною, кажется пустымъ бредомъ правителей Государствъ современныхъ. Генуя, его отечество, и Венеція, отвергають даръ, который онъ предлагаетъ имъ въ безчисленныхъ сокровищахъ и земляхъ новыхъ. Король Португальскій старается удержать его въ бездѣйствіи и обмануть его довѣренность. Шестъ лѣтъ отказовъ ожидаютъ его въ Испаніи. Невѣжество министровъ и придворныхъ Фердинанда сильнѣе ихъ корыстолюбіи. Наконецъ онъ доходитъ до Государя; его слушаютъ, ничего не понимая, и отсылають въ собраніе математиковъ и астрономовъ, монаховъ, епископовъ, педагоговъ, докторовъ Богословія, физиковъ, которымъ поручено было рѣшить судьбу цѣлаго міра. Посланнымъ нѣсколько минутъ совѣщаніямъ, происходившимъ въ этомъ странномъ судилищѣ; онъ представляють споль характеристикическую картину нравовъ, образованности и предразсудковъ тогдашняго времени, что не льзя оставивъ ихъ безъ вниманія.

Въ монастырь Св. Стефана Доминиканцы города Саламанки собрались для менышанія Колумба. Великому мореходцу тамъ назначили жилье? и давали пищу. Это было еще въ первые дни возрожденія наукъ; всѣ знанія и религія находились еще въ рукахъ монаховъ и были заключены въ стѣнахъ монастыря: онъ одинъ замѣнялъ Профессорскіе Университеты; всѣ катедры были заняты людьми духовнаго званія; они царствовали при Дворѣ, правили въ городѣ; они спорили въ собраніяхъ и предводительствовали войсками; отъ нихъ зависѣлъ порядокъ гражданскій, и вліяніе ихъ еще болѣе было въ Испаніи, нежели въ другихъ странахъ католическихъ: Инквизиція усиливала оное своими жестокими дѣйствіями (argamens).

Ареопагъ, предъ коимъ явился Колумбъ, не совсѣмъ лишенъ былъ образованности, которая однако помрачалась предрасудками того времени, подозрѣніями духовенства и предубѣжденіями богословскими. Вообразите предъ Епископами, величающимися своимъ положеніемъ гражданскимъ, предъ старыми космографами, гордящимися своими заблужденіями, и конхъ мрачное невѣжество оскорблялось каждымъ нововведеніемъ, — вообразите предъ ними бѣднаго моряка, безъ имени, безъ извѣстности, не принадлежащаго никакому ученому обществу, никакому духовному сборищу, съ противорѣчіями на общепринятыя мнѣнія, съ новыми теоріями, не имѣющаго иной опоры, кромѣ силъ своихъ доводовъ и простоты своего краснорѣчія. Представьте важность экзаминаторовъ и скромность великаго мужа, и получите первое понятіе объ Юншѣ Саламанкской. Теперь вслушаемся въ странныя шамотныя рѣчи: Колумба называли искашелемъ приключеній, глупцомъ, мечтателемъ; его спрашивали, для чего онъ вздумалъ превращать порядокъ вещей на земномъ шарѣ и противо-

речить: сколько-нибудь мудрецы ученые? Не уже ли им больше их знаешь? говорили космографы. За ними следовали богословы, и севарились опровергнуть его шекстами из Ветхаго Завета, Евангелія, Св. Хризостома, Св. Иеронима и Св. Григорія; къ свидѣніямъ ученыхъ приплетали мнѣнія религіозныя. Колумбъ утверждалъ, что земля кругла; ему возражали, что объ ея фигурѣ сказано въ Псалмахъ, гдѣ написано, что небеса распростираются яко кожа; и что Св. Павелъ, въ посланіи къ Евреямъ, оравниваетъ сводъ небесный съ обширною палаткою, раскинутою надъ землею, а это есть несомнѣнное доказательство, что земля плоская. Мнѣніе Колумба о существованіи антиподовъ было опровергаемо вмѣстѣ и богословами и учеными. Кто будешь такъ глупъ, восклицали мудрецы собранія, съ Лакшанціемъ въ рукѣ, что повѣришь, будто есть люди, которые ходятъ вверхъ ногами и головою внизъ? Можешь ли быть такая земля, до которой дождь будто доходитъ какъ вода изъ фонтановъ, куда снѣгъ взлетаетъ, вмѣстѣ того чтобъ падать? Ученіе объ антиподахъ есть ученіе ереспическое; ибо, если существуютъ люди подъ нами, то они не попомки Адама: сіи послѣдніе не могли перейти Океанъ и туда достигнуть. Ты воображаешь, ему говорили они, что земля подобна шару: если такъ, то море должно до извѣснаго мѣста подыматься, потомъ опять сходить внизъ; а ты хочешь отправиться такъ далеко на западъ: какъ-же подынешься вверхъ по Океану, особенно если и въперъ не поможешь?

Чего не вынесъ великій мужъ въ сихъ долгихъ совѣщаніяхъ съ людьми ограниченнаго ума, предъ которыми долженъ былъ оказывать уваженіе, будучи не болѣе какъ просишелемъ. По крайней мѣрѣ что было ему нѣкоторымъ утѣщеніемъ, что хотя нѣсколько судей его поняли. Монахи Св. Стефана, болѣе другихъ

образованные, слушали внимательно его доказательств; и, изъ числа тѣхъ, которые увлечены были его краснорѣчьемъ, Діего де Деза, изъ Ордена Св. Доминика, въ послѣдствіи сдѣлавшійся Архіепископомъ Севильскимъ, оказался не хладнокровнымъ и робкимъ слушателемъ, но ревностнымъ помощникомъ. По его стараніямъ, Колумбъ примирился съ нѣкоторыми учеными; но большая часть ихъ осталась непоколебимыми въ своемъ невѣжествѣ, и обращеніе разошлось съ уверенностію, что планы Колумба или суть мечты помраченного разума, или неисполнимы.

Трудно было бы слѣдовать за Колумбомъ въ этой послѣдовательности обмануемыхъ надеждъ и унижительныхъ отказовъ, которые наполнили жизнь его, со времени собора Саламанкскаго до 1492 года. Король Французскій, къ которому онъ ошнесся съ просьбою, далъ ему отвѣтъ одобрителный. Онъ собирается въ Парижъ, чтобы изъ рукъ Монарха получить Французское знамя, которое обѣщаешь водрузишь въ странахъ неизвѣстныхъ; но своенравная судьба отказываетъ Франціи въ сей высокой славѣ. Любовь отеческая привлекаешь Колумба въ монастырь Рабадію; онъ хочешь еще разъ увидѣшь своего нѣжно любимаго сына, юнаго Діего, котораго ввѣрилъ попеченіямъ монаха Переца. Сему шарому духовнику Изабеллы удаешь замедлить отъѣздъ его; онъ стараешь склонишь Королеву, чтобы подала помощь его другу въ исполненіи предпріяній: она удовлетворяешь просьбамъ монаха; и, въ радости ошъ взятія Гренады и изгнанія Мауровъ, онова призывають мореходца ко Двору, договаривающія въ его услугахъ, даюшь ему шипло Адмирала и при вѣхія барки съ девятыюдесятыю челоуѣками. Кому не извѣстно, что послѣ бунша въ экипажѣ, когда онъ едва не рѣшился возвратишь въ Европу, небольшой свѣтъ, замѣченный ночью, уда-

заль знаменитому мореплавателю новую землю; что отъ 1492 до 1498 онъ открылъ архипелагъ Антильскій; что въ семь послѣднемъ году достигъ даже до швердой земля, до устья Ориноко, и что въ 1502 г. изслѣдовалъ берега материка отъ мыса Граціасъ - а-Діосъ до приспани Порто - Белло? Также всѣмъ извѣстно, что онъ испылъ полную чашу неблагодарности. Новый материкъ не носитъ его имени, и эпомъ великій мужъ былъ первый Европеецъ, перешедшій въ оковахъ сей Океанъ, по волнамъ копорого онъ первый пронесся.

При извѣстїи о семь неожиданномъ успѣхѣ, во всѣхъ воспламенилось честолюбїе; Америка представляется богатою добычей, странною, приносящею золото и славу; толпа искашелей приключеній и другихъ мореплавателей въ нее отправляется. Ихъ корыстолюбїе составляетъ яркую противоположность съ великодушными и безкорыстными видами Колумба. Ирвингъ Вашингтонъ не оставилъ безъ вниманія сію ошлительную черту въ характерѣ своего героя.

Во время своего плаванія въ 1502 г. онъ не останавливается на многихъ мѣстахъ материка; золото, предлагаемое ему пуземцами, не обольщаетъ его; онъ ищетъ пролива для входа въ страны прѣтныхъ корней. Въ послѣднее, такъ какъ и въ первое путешествїе, одна и та же мысль его занимаетъ. Десятилетнїя открытія не вывели его изъ заблужденія. Страна Сигуара, копорую часно выхваляютъ ему Индїйцы, была, вѣроятно, ничто иное какъ Мексика; Колумбъ думаетъ, что это непременно земля Великаго Хана; говоритъ ему о рѣкѣ, на десяшь дней за Сигуарою: это, по его мнѣнію, Гангесъ; онъ принимаетъ южный берегъ Кубы за часть Азіатскаго материка, и осмается увѣреннымъ, что географы ошиблись въ объятности земли, и что она менше нежели какъ полагающъ: онъ

даже несколько перемѣняетъ понятія о фигурѣ земли, и должно признаться, что мысли его были вѣрнѣе тогда, какъ онъ находился передъ экзаминаторами Саламанкскими: пеперь считаешь землю грушеобразною, да и въ этомъ не совсѣмъ увѣренъ. Четвертое путешествіе онъ предпринялъ почти противъ своей воли. Пробывши девять мѣсяцевъ въ Гренадѣ, онъ обдумалъ, подъ аркадами Алгамбры и въ пущынныхъ дворцахъ Царей Маврипанскихъ, крестовый походъ на Мусульманъ; онъ хотѣлъ выгнать ихъ изъ Іерусалима и освободить гробъ Господень. Разсужденіе, въ которомъ онъ описываетъ сіе предпріятіе, еще страннѣе по формѣ, нежели по содержанію; видно изъ него, что онъ былъ въ изступленіи и почти лишился ума отъ размышленій о предметахъ духовныхъ: онъ, въ свою очередь, ссылается на Священное Писаніе и книги Св. оццевъ; объявляетъ, что онъ назначенъ вѣчностію для совершенія сего святаго дѣла, равно какъ почиталъ себя назначеннымъ для открытія новаго свѣта и обращенія язычниковъ. Видно, что онъ упражнялся чтеніемъ Пророчествъ и всѣхъ мистическихъ книгъ того времени. Пожалѣемъ о Колумбѣ и не осудимъ его. Онъ былъ обремененъ тогда горестными размышленіями; цѣпи, которыя влачилъ онъ, еще тяготѣли на немъ; онъ видѣлъ, какъ разсѣялись его мечты о славѣ и счастіи, испыталъ измѣны дружбы и подвергся гнѣву Государя. Религія должна была овладѣть сею разспросенною душой и всю ее занять собою. Къ счастію, Фердинандъ и Изабелла, помышляя болѣе о сокровищахъ новаго свѣта, нежели объ освобожденіи Святаго гроба, перенесли мысли Колумба опять на пепель его истинной славы; онъ снова явился въ Мексиканскомъ заливѣ.

Морскія путешествія его сотоварищей, Ойедовъ, Пинзонъ, Алонзо, Баспюдовъ и многихъ другихъ,

шакъ лѣсно связанъ съ собственными его трудами и съ исторіею наукъ, что не авя было пренебречь или біографу сего великаго мужа; даже слѣдовало бы предсказать объ нихъ разсказъ подробнѣйшій. Желательнѣе было, чтобы мѣста, посвященныя семи послѣдними, были лучше совокуплены, и чтобы часть, принадлежащая каждому изъ нихъ, была лучше обозначена. Эпизъ трудъ еще предсказать совершить.

До сихъ поръ было довольно общеою мыслию, что Америко - Веспуччіо соперничествовалъ Колумбу. Полагающъ, что, завидуя славъ знаменишаго Генуезца, мореходецъ Флореншинскій рѣшился на все, чтобы шолько дать свое имя новому свѣшу и похишишь шакимъ образомъ славу у ошкрывшаго оный. Напрошивъ, между людьми, коимъ Колумбъ поручалъ дѣлать разныя возраженія, при Дворѣ въ 1505 году, когда Изабеллы не было уже на свѣстѣ, Америко занимаешь первое мѣсто. Колумбъ въряешь ему защиту своихъ выгодъ, или лучше, своихъ правъ; говоришь объ немъ, какъ о чловѣкѣ для него любезномъ, какъ о чловѣкѣ, кошорого достоинства не умѣющъ цѣнить и шоль же дурно вознаграждающъ, какъ и его. Колумбъ, по мнѣнію Г - на Ирвинга, ссылался предъ Правительствомъ Испанскимъ на свидѣтельство Америко въ томъ, что онъ (Колумбъ) во время своего пушешествія ошкрылъ богатѣйшіе берега новаго свѣша, берега, кошорые Америко долженъ знать очень хорошо, пошому что изслѣдовалъ ихъ послѣ (deruis) вмѣстѣ съ одеждою. Въ эпизомъ словѣ *posuit* ешь неправильность. Во время четвершаго своего пушешествія Колумбъ ошкрылъ именно берега между мысомъ Граціасъ-а-Діосъ и Поршо-Белло; а мѣста, изслѣдованныя ошъ Америко, вмѣстѣ съ одеждою, должно искать ошъ устья Оренока до залива Гонды, на сѣверозападъ ошъ залива Венецуельскаго. И шакъ не о сихъ послѣднихъ ошкрытіяхъ Колумбъ требовалъ свидѣтельства Веспуч-

лію. Мнѣ кажется вѣроятнѣе, что онъ чешковости своего друга хотѣлъ принудить клевещниковъ къ молчанію. Они преслѣдовали его съ шѣхъ шоръ и приписывали Веспуччіо первое открытіе швердой земли; между шѣхъ какъ онъ постигъ ее уже въ 1499 году, чрезъ годъ послѣ Колумба, и руководствуемый своими собственными картами... Должно согласиться; что Америко не принималъ никакого участія въ оныхъ козняхъ противъ истиннаго открытія новаго свѣта.

(Изъ *An. des voyages.*)

КЛИМАТЪ, КАЧЕСТВО ЗЕМЛИ, ПРОИЗВЕДЕНІЯ И ТОРГОВЛЯ МОНГОЛИИ.

Монголію, по естественному ея положенію, можно раздѣлить на три великія полосы: южную, среднюю и сѣверную.

Южная полоса заключается между Великою сѣвною и Шамо (Гѣби) во всю ея длину отъ Ляо до Эцзинся. Лежитъ въ умѣренномъ климатѣ, и хотя зимою бывають въ ней небольшіе снѣги, но скоро пропадаютъ. Она изобилуетъ водами, лѣсомъ; и хотя гориста, но содержитъ въ себѣ множество долинъ, имѣешь плодородную почву, и представляешь довольно удобной для осѣдой жизни. Кишайцы по условію съ владѣтелями и частію сами Монголы завели въ нѣкопорохъ мѣстахъ хлѣбопашество и садоводство, и продолжаютъ оныя съ хорошимъ успѣхомъ. На ней родятся почти всякіе хлѣбы, плоды и овощи, свойственные Сѣверному Кишаю. Но садоводствомъ и посѣвомъ овощей болѣе занимаются Кишайцы. Впрочемъ

сіе можно сказашь шолько о земляхъ, лежащихъ вдоль Великой стѣны отъ Ляо-до Шандугола, и о Хуху-Хотаскомъ Тумошъ. Чахаренія земли имѣють грунтъ пыловатый, почву хрищеватую съ тонкимъ слоемъ чернозема; но совершенно безлѣсны и заняты Китайскими казенными шабунами, Ордосъ песчанъ, Заордосъ болошистъ. Горные хребты, въ восточной и западной части лежащіе, покрыты лѣсами, и безъ сомнѣнія содержатъ въ своихъ нѣдрахъ какіе-либо благородные металлы, минералы и дорогіе каменья; но сіи источники естественнаго богатства здѣсь остаются въ совершенномъ истребленіи. Верблюды, лошади, рогатой скотъ, овцы, частію ослы, лошаки и козы составляютъ обыкновенный домашній скотъ. Свиной и домашнюю живность разводятъ одни Китайцы; потому что Монголы свинины, такъ какъ и рыбы, не употребляютъ въ пищу. Дикіе звѣри, водящіеся въ горахъ, пограничныхъ съ Китаемъ, шъ же самыя, когорыя и въ Сѣверномъ Китаѣ. Зимой ошселъ привозятъ въ Пекинъ оленей, дикихъ козь, степныхъ зайцовъ, множество фазановъ, красныхъ куропашокъ, перепеловъ и въ небольшомъ количествѣ дудаковъ, шурпановъ и желтыхъ дикихъ утокъ. Карциньскіе копченые кабаны уважаются въ самомъ Пекинѣ. Безъ сомнѣнія царство растений и животныхъ заключаетъ въ себѣ нѣкогорыя виды для насъ новыя; но не будучи самовидцемъ, ничего сказашь объ нихъ не могу. Только изъ Жэ-Хэ привозятъ въ Китай великое множество самыхъ крупныхъ и прекрасныхъ бабочекъ, употребляемыхъ на женскіе головные уборы. Сіи бабочки покрыты густо-темно-зеленымъ пушкомъ съ золотистымъ опливомъ (*).

Среднюю полосу Монголіи составляетъ Да-цзи и Шамо; но сіи двѣ песчаныя степи принадлежатъ ча-

(*) Сказываютъ, что сіихъ бабочекъ разводятъ въ домахъ.

снью къ Южной, частію къ Сѣверной Монголіи, и въ количественномъ раздѣленіи сами по себѣ не составляютъ особой страны. Онѣ простираются съ востока отъ Бойръ-нора и Даль-нора, къ западу до границъ Хуху-нора, восточнаго Туркисстана и Баркюля. На семь великомъ пространствѣ почва естественна не можетъ быть одинакова. На восточной половинѣ, ш. е. въ Шамо, исключая каменныхъ грядъ, остальная поверхность земли покрыта кремнистыми камнями, хрищемъ съ сунесью и солончаками; самый же грунтъ состоитъ изъ швердой пыловатой земли, мѣстами изъ сплошнаго камня; переносныхъ песковъ очень мало. Напротивъ западная степь состоитъ изъ болотистыхъ равнинъ, а наиболѣе изъ переносныхъ глубокихъ песковъ, особенно отъ Халмилла къ востоку и къ сѣверозападу. Вообще о сей полость можно сказать, что она представляетъ возвышенную плоскость, изрѣзанную беспорядочными, взаимно пресѣкающимися грядами зернистаго гранита, или переносныхъ песковъ. Атмосфера и лѣтомъ довольно прохладна, что надобно приписать чрезмѣрному возвышенію сей полосы. Та же должна быть причина ея безводія, а безводіе причиною ея безплодности. Нѣтъ здѣсь ни рѣчекъ, ни ключей; озеръ также очень мало, да и шѣ болшею частію соленыя, или сухія, или производящія самосадочную соль. Нѣтъ никакихъ деревъ и растеній, исключая дикихъ абрякосовъ, золошарника и лѣкошорыхъ другихъ приземистыхъ или спелющихся кустарниковъ, кошорые изрѣдка расшуютъ, и даже на сженіе не годятся. Число травъ также очень ограничено. Со всѣмъ шѣмъ не можно сіи мѣста называть безтравными. Трава повсюду расшеть, но рѣдка. Съ весны до лѣта, пока не выпадуть дожди, земля представляется совершенно изсохшею и наводнитъ на путешественника ужасъ и уныніе. Впрочемъ, если сія полоса по сухости и без-

плодію почвы не способна къ земледѣлію, но въ сѣвѣнну серо имѣеть въ нѣкопрыхъ мѣстахъ долины и равнины, на коихъ содержатъ изрядное скотоводство. Для водоная находяцца при спойбицахъ колодцы, коихъ имѣють ошь двухъ до 15 футовъ глубины и содержатъ прѣсную воду. Верблюды, лошади, рогатый скотъ, овцы и козы соошавляютъ обиховенный домашній скотъ. Хищныхъ звѣрей, какъ вредныхъ для скотоводства, стараются общими силами истреблять. Водяцца дикіе верблюды, дикіе мулы, дикіе ослы, тарпаны и дикіе козы, но болѣе въ западной степи. Изъ птицъ во всю нашу дорогу чрезъ Шаму попадацца шолько журавли, шурпаны, крохали, вороны, каменные шрясогузки и степные жауронки, но рѣдко и приномъ весьма въ маломъ количествѣ. Здѣсь шакже, какъ и въ двухъ другихъ полосахъ, по кочевьямъ вовсе нѣтъ шѣхъ дикихъ птицъ, коихъ исключительно прилѣцились къ общежитію человѣческому (*).

Сѣверная полоса лежитъ между песчаными степями и границею Россійскою; на воспокъ начинаеть ошь Аргуни, просшираеться къ западу до казачей границы. Сія полоса, объемяющая и Халху и Чжунгарію, изобилуетъ краснымъ и чернымъ лѣсомъ, имѣеть довольно рѣкъ и обширныхъ озеръ. Пѣчва земли въ шѣхъ мѣстахъ, чрезъ коихъ мы проѣхали, болѣе состояеть изъ пыловашой земли съ хрящемъ и шонкимъ слоемъ чернозема на поверхности. Судя по множеству произрацаемыхъ ею травъ, съ перваго вида важеться годною не для одного скотоводства, но и для земледѣлія. Даже климатъ ея, судя по степенямъ широты, долженъ бытъ не слишкомъ суровъ, и снѣги выпадають не очень глубокіе. Не смотря на сіе, зимы здѣсь бывають чрезмѣрно жестокіи, да и лѣто не очень шеклое.

(*) Какъ шо: воробьи, гадки, сороки и проч.

Вообще земля Азии чѣмъ восточнѣе отъ Европы, тѣмъ холоднѣе провинцы западныхъ земель, подъ одними и теми же широтами ширины лежащихъ. Въ Кяхтѣ съюта хлѣбъ болѣе на высокахъ, а на низменныхъ мѣстахъ посѣянный иногда не созрѣваетъ до жневы (*) и морозовъ; впрочемъ здѣсь мѣстами изрядно родится огородный овощъ, иногда вырѣзываютъ даже арбузы и дыни; напротивъ въ Ургѣ, которая гораздо южнѣе Кяхты, и то и другое, по причинѣ холодной атмосферы, худо вознаграждаетъ труды. Здѣсь посѣвомъ овоща занимаются одни Китайцы при своихъ торговыхъ мѣстечкахъ. Монголы съюта только пшеницу, просо и ячмень, и то весьма въ маломъ количествѣ. Напрямикъ въ Чжунгарію, по водвореніи Китайскихъ крестьянъ, ссильныхъ и военнопоселянъ, земледѣліе въ послѣдней половинѣ прошедшаго столѣтія значительно распространилось, къ чему много способствовало постепенное нѣмнѣніе князя и непосредственный надзоръ правительства. На сей полость водился весь скотъ, находящійся на средней полости Монголіи, и вся почти звѣря, свойственная юго-восточной Сибири. Въ Халхѣ плодовыя деревья, также какъ и въ Сибири, весьма нѣмъ, исключая дикахъ, какъ то: Черемухи, Сибирской яблони, смородины, черники и проч. — Я уже не говорю о разведеніи домашней живности и овоща; ибо оно не совмѣстно съ кочевой жизнью. Но въ Чжунгарію, по водвореніи Китайцевъ на сѣверной сторонѣ сѣверныхъ горъ, введено садоводство и продолжается съ хорошими успѣхами. Горы сѣверной Монголіи должны изобиловать ртутными металлами и минералами; но кочевныя рудокопство совершенно не извѣстно! Добываніе металловъ въ небольшомъ количествѣ не для считая отраслю промышленности; и посему

(*) По Сибирскому выраженію: не узрѣли еще жневы и морозовъ.

экономическое и частное земледельство составляющих главную часть занятий обитателей. Правда, около Урги много разводятся Тибетских буйлов, но совершенно быдлах не видно; и потому волос их не составляешь торговой статьи.

Монголы вообще думают мало об улучшении породы рогатого скота, овец и лошадей; и потому их волы не из лучших. По крепости и рослости и овцы имеют шерсть грубую; лошади, хотя и ловки, крепки и спашны, но более среднего роста. Монголы славятся дворовыми собаками, которых, по неимению оград, служат здесь живыми оградами, защищающими скот от зверей. Монгольские гончие собаки, приводимы в Пекин, высоки и имеют хорошую шерсть.

В отношении к земледелию естественных произведений южной полосы должно замечать, что много населенный и скудный земледельцы. Китай нуждается во многих выходящих из сей полосы вещах. Сверх сего жители средней полосы, не имея ничего кроме скота и нуждаясь во всех вещах, потребных для жизни, все получают из южной или через южную Монголию. И так южная полоса имеет все пособия для промышленности и производящей, и обрабатывающей, и продающей. И если бы жители ее решились перейти кочевую жизнь на оседлую, то, обменивая долины и проникнуть в недра гор, создали бы богатейший и сильнейший народ. Киданский двор еще в X столетии обратил внимание на сей предмет, и множество городов, основанных изъ въ восточной Монголии, свидетельствуют о его предприимчивости и силе. Но последующие политические перемещения испорчили все плоды предприимчивости и трудолюбия жителей. Нынче хотя и нет запрещения на хлебопашество в сей полосе; но от долговременности кочевой жизни и податного разд-

ления земле превзошли права и несомнѣнно, особенно въ удобности земледѣлія. Владѣтель, желающій превратить свои пашбища въ поля, долженъ получить согласіе не то еще прочіяхъ, а именно съ нѣмъ почтовыхъ владѣтелей, и послѣ сего просить Китайское правительство о утвержденіи. Сіе условіе прѣдшественныя хоша и не заключаетъ въ себя никакого смысла, но разнородность выгодъ очень мало можетъ надеждѣ и на возможное (*).

Сѣверная полоса хотя граничитъ съ Россією, но торговлю съ нею, равно какъ и съ Среднею и Южною волостями, смотря по нѣкоторымъ произведеніямъ и потребностямъ обитателей, одни только Китайцы могутъ производить съ удобностію и выгодною. У Монголовъ киричный чай съ подбавкою поджареннаго нѣкогда составлялъ обыкновенную пищу; для однихъ они имѣють нужду въ кипайкахъ, шелковыхъ матеріяхъ и сукнахъ, для обуви въ кожахъ, для пицеваренія въ котлахъ и жаровняхъ. Прочія ихъ потребности маловажны. Чай, кипайки и шелковыя матеріи исключительно идуть изъ Китая и притомъ въ самомъ большомъ количествѣ. Только сукна и юфшъ приходятъ изъ Россіи. Въ Монголіи, по неупотребительности ходячей монеты, вся торговля, даже самая дробная, производится посредствомъ мѣны. Только въ Ургѣ и Кяшѣ

(*) Въ 1800 году Китайское правительство, по предложенію князя Карлоскихъ Князей, дозволило 2,550 Китайскимъ семействомъ распашать въ Карлоскомъ Аймакѣ 2,678 цзянъ (цзянъ содержитъ 2,449 Россійскихъ квадратныхъ сажней) пашбищныхъ земель подъ посѣвъ хлѣба, но съ такимъ ограниченіемъ, чтобы Карлоскіе Князья послѣ сего не смѣли болѣе ни принимать Китайцевъ, ни земель вновь распашивать; въ противномъ случаѣ судимъ будущу какъ за переманиваніе людей, такъ и возмездно распашивать, себѣ.

Смотр. Улом. Паданы финансовъ Готр. XVIII, августъ 19.

ны землеман, что киргизский чай служилъ цѣннымъ знакомъ вещей. И такъ Монголія за все, получаемое ею отъ другихъ народовъ, платитъ своими произведеніями, какъ то: домашнимъ скотомъ, дикими звѣрями, коровинымъ масломъ, овчинами и проч. Китай нуждается въ сихъ вещахъ и потому Китайцы охотно берутъ оныя на оборотъ за свои товары. Юго-Восточная Сибирь, сама изобилуетъ и скотомъ и звѣрями, ни мало не имѣешь нужды въ произведеніяхъ Монголіи; равно и сообщая ей ничего не можешь, кромѣ небольшого количества хорошихъ лисецъ, юфшей, желѣзныхъ вѣдѣлій и сукояъ болышею частію шпанскихъ. Монголы, по всегдашней и жившой своей связи съ Китаемъ, укоренили у себя употребленіе Китайскихъ вещей (*). Съ сей точки скоро можно опредѣлить выгоды, которыя Россія могла бы получать отъ посредствующей торговли съ Монголією.

О КРЫМСКИХЪ ПЕЩЕРАХЪ.

Дополненіе къ описанію Туакской пещеры.

29 Апрѣля с. г. мнѣ наконецъ удалось самому побывать въ *Туакской пещерѣ*, о коей, по письму пок. Г-жи Полковницы *Штеге*, уже въ 1821 г. напечатано было извѣстіе (**). — Описаніе сіе совершенно основательно. Изъ тогдашнихъ соучастниковъ Г-жи *Штеге* славившійся некогда даромъ усноком-

(*) Въ Иркутской Губерніи, особенно въ Забайкальской степи, не только киргизы, но и Русскіе укоренили у себя употребленіе киргизскаго чая, дабы, китайки и полумелковидъ Китайскихъ. Дабы, по Кит. *да-бу*, есть грубый холстъ изъ хлопчатой бумаги.

(**) Въ XVI Частн Трудовъ Высочайше утвержденнаго Вольнаго Общества Любим. Росс. Словесности, въ С. Петербургѣ.

вашъ меришвецъ, престарѣлый Ташаринъ *Висъ*, самъ уже переселился въ царство мертвыхъ. Мулла *Джамаль* отправился въ Москву, а Грекъ *Азулъ* (Тат. *Юзулъ* значитъ Юсифъ) куда дѣвался — не знаю. Старый Иванъ же покоится подъ бѣлыми крестомъ, на крутомъ берегу моря. — На сей разъ вожаемъ былъ Туакскій Ташаринъ *Калафатъ Смакъ* (корабельщикъ Измакъ).

Въ $\frac{1}{2}$ часа мы прибыли изъ Кучукъ-Узень (*) въ Туакъ. — Отсюда по Ускушской дорогѣ вѣли берегомъ рѣчки, которая у устья именуется *Ускутъ-Узень*, далѣе *Гагра* (Навга), потомъ *Алагуъ-Узень* и наконецъ *Олгунъ* или *Хунъ-Су*. — Отѣхавъ 20 минутъ, мы съ Ускушской дороги повернули влѣво, и мимо урочища *Алагуъ*, (**), отправились къ мѣсту, именуемому *Хунъ* (*Хукъ-Кал*, ш. е. утѣсь *Хунъ*, съ коего течетъ в *Хунъ-Су*, ш. е. вода *Хунъ*), Туакъ мы

(*) Букву: у, Ташари произносятъ какъ Французское и или Нѣмецкое u.

(**) Названіе *Алагуъ*, или по здѣшнему произношенію *Алагуъ*, можетъ быть, происходить отъ слова *Алагуъ* кеспрій, разнообразій. — Такъ называются пастбища, лежащія ниже *Яйлы*, ш. е. Альновъ или вершинъ горъ, покрытыхъ въ лѣтнее время зеленью, гдѣ Чабанъ (пастухъ) со стадами своими проводитъ самое знойное время года. Много есть мѣстъ, называемыхъ *Алагуа*. — Не рѣдко это небольшія долины или поросшія правую равнину, среди лѣса или каменистыхъ горъ. — Высота Таврическаго хребта именуется *Яйлою* (*Яйла*); утѣсь называется *Кал*, гора, покрытая лѣсомъ (*Saltus*, и самый лѣсъ); *Дагъ*, (*Даям*) — это то же, что Сербское *Планина* (*der Bergvald*, *mons silvovus*). Забѣвши при семъ случаѣ можно, что какъ назъ *Чатыр-дагъ* именовался некогда *Трилезною горю* (*Сказо* VII, 309), такъ и въ Сербіи поныѣ одна изъ горъ называется *Столова Планина* (см. Даница Вука Стеф. Жирадича 1827, с. 32). — Высоко лежащія равнины именуемыя здѣсь *Ова*, на пр. *Байдаръ - Ова*, *Байдарская* долина.

осветили, около половины 9 го часа, и въ пещере были (пшкони, ибо должны были сойти съ лошадей), въ половине 12 го, преодолѣвъ всѣ затрудненія, означенныя уже Г-жею Штеге.

Послѣ кратковременнаго отдыха у стоящаго предъ входомъ въ пещеру буковаго дерева, мы предприняли подземное наше шествіе, укрѣпивъ сперва канаты и выстрѣливъ дважды въ пещеру. Одинъ изъ насъ шелъ впередъ со свѣчею, прикрѣпленною къ длинному шесту, другой слѣдовалъ съ фонаремъ, 3-й натягивалъ канаты, 4-й несъ компасъ, 5-й велъ журналъ походовъ, прочіе 6-й, 7-й и 8-й, подобно предшествующимъ своимъ, несли свѣчи (а факелы были оставлены у входа). — Спустившись внизъ сажени на три, по направленію къ NNO, мы вошли въ просторную кругловатую пещеру, длиною аршинъ въ 16, а вышиною сажени въ 3; — ходомъ, заваленнымъ камнями, мы вѣбрались въ другую меньшую камеру продолговатую, длиною сажени въ 3 или 4, а вышиною сажени въ 2. — Третья пещера, къ коей ведетъ щель весьма шѣсная, чрезвычайно высока (безъ сомнѣнія болѣе 10 саж.). Отъ сей просторной пещеры одинъ ходъ, ведущій къ верху, весьма крушой, лежитъ на SW. — Туть на значительной уже высотѣ въ 9 саженахъ отъ входа въ пещеру примѣтны настилы въ камнѣ для лазки (*). — Другой, на SO распространяющійся ходъ, ведетъ къ 4-й пещерѣ, которая лежитъ почти на сажень ниже сего хода, и въ которую по канату спускался нашъ проводникъ. До сего спуска отъ перваго входа съ небольшимъ 30 саженахъ. Довольствуясь шѣмъ, что видѣли, мы предприняли обратный путь изъ пещеры, въ коей пробывли равно часъ — Туть замѣтили мы не только шѣ веры черной, а во-

(*). Довольно, что не оную лазку въ верѣ нечаянно
испустили — декого.

изъ собраннаго Г-на Шпеге; но еще доситка два дру-
гикъ, кои все были безъ нижнихъ челюстей. — Дыш-
скихъ головъ мы не находили, другихъ же костей бы-
ло очень мало, и нѣкоторыя изъ нихъ казались отры-
женными.

Воздухъ въ Первой пещерѣ былъ нѣсколько смрад-
ливъ; — въ дальнихъ же, особливо въ 3-й, очень чистъ,
и температура здѣсь конечно была не ниже 12 гра-
дусовъ тепла (по Реомюр. термом.). Капельнику по-
чти вовсе не было; койгдѣ только слыны слыли по-
прывашья спалакитиновыми ребрами. Грунтъ былъ
болѣе глинистый, весь же Таврической хребтъ, какъ
здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ, состоитъ изъ из-
вестковыхъ горъ. Капли падаютъ не слишкомъ часто.

Изъ взятыхъ съ собою череповъ одинъ, по мнѣнью
бывшаго съ нами искуснаго Медика, долженъ быть
женскій. — Въ 5-мъ часу по полудни мы возвращились
домой, гдѣ добрый хозяинъ, Н. Е. Шпеге, между про-
чимъ угостилъ насъ жаренымъ павлиномъ — вкусомъ
сходствовавшимъ съ Индѣйскимъ пѣтухомъ.

Упомянувъ о *Туакской* или *Штеговской* пещерѣ,
которую по мѣстоположенію можно бы назвать и *Хун-*
скою, не скрою, что для Таврическихъ путешествен-
никовъ, особливо для Русскихъ, не посѣщавшихъ еще
спалакитиновыхъ пещеръ, каменья, любознательнѣе побу-
вать въ пещерѣ называемой *Кызыль-Коба* (красная пеще-
ра), которая находится при деревнѣ того же имени, вер-
стахъ въ 2 отъ станціи *Билъ-Чакке*, лежащей по Алуш-
тинскому тракту. Вудучи въ ней (6 Окт. 1827 г.), я за-
мѣтилъ, что пещера сія имѣетъ пять камеръ, кои все вмѣ-
стѣ простираются на 170 шаговъ (иногда весьма малыхъ),
або шумъ на рѣдко болѣе слышенъ, нежели идешь, иногда
же перебираешься и чрезъ большіе камни. — 4я или
предпоследняя камера раздѣлена на двѣ части спалакити-
новыми столбами, составившими шумъ родъ есте-
ственной прекрасной перегородки. — Въ 3 пещерѣ

замѣнить еще ходъ затѣе, подъ кони, Угорляты, слыш-
на пустоша. — Не въ дальнемъ разстояніи отъ сей
пещеры находится и другая, болыная же, мною, по
сырости, не посѣщенная. Сказываютъ, что есть еще
глубокая пещера, находящаяся якобы около Карадага
или *Каратау* (горы, гдѣ находишься и ледяная яма) —
отъ Улу-узени (*). на сѣверо-востокъ, ш. е. къ Кара-
субазарской спорти.

Упоминаю о сихъ пещерахъ пошому только, что
оня, кажется, не были еще извѣстны славному Палла-
су (**), коего Путешествіе въ подуденныя Губерніи
Россіи, къ сожалѣнію, понынѣ еще не переведено на
Росс. языкъ.

П. Кеппель.

Симферополь. 5 Мая 1828.

(*) На прекрасной Мухомской картѣ 1817 г. означеніе сіе на-
звано Вѣжъ - узень.

(**) Извѣстныя Палласу пещеры начислены въ Трудяхъ
Вольн. Общ. Люб. Росс. Слов. Ч. XVI.

Изданіемъ сихъ двухъ номеровъ окончивая исполненіе
обязанности, мною на себя принятой, долгомъ поставлю за-
свидѣтельствовать усердную мою благодарность штиъ Им-
ператорамъ, которые помогли мнѣ въ моемъ трудѣ, и по-
просили извиненія у читателей въ неоправданности, вправ-
данныхъ въ изданіе. Настоящій издатель, по выздоровленіи
своемъ, надѣюсь, вознаградитъ Публику за то удоволь-
ствіе, котораго она лишилась при его арестованіи, держа-
вшемся чужаго плана съ своими ередсѣвами.

Съ своей стороны я починаю себя счастливымъ, что
иметь снѣ показашъ на дѣлѣ мое уваженіе къ К. Ф. Калей-
дову, оказавшему столько благожелательности и полезности
услугъ древней нашей Исторіи и Филологіи. Желаю, чтобъ
Публика раздѣлила со мною мой восторганіи.

1828

Іюль 28 дня:

М. Погодинъ.

МЕДАЛЬ

на рожденеі

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

РУССКИЙ ЗРИТЕЛЬ.

№ VII и VIII.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

ИСТОРИЧЕСКИЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОПЫТЪ

О ТОРГОВЛѢ И СНОШЕНІЯХЪ АРАВОВЪ
И ПЕРСОВЪ СЪ РОССІЕЮ И СКАНДИ-
НАВІЕЮ ВЪ СРЕДНЕМЪ ВѢКѢ Г.
РАСМУССЕНА (1).

В В Е Д Е Н І Е.

Изъ числа величайшихъ Монархій, ос-
нованныхъ завоевателями, можешь быть,
нѣтъ ни одной, болѣе замѣчательной по сво-

(1) Предлагаемое нами разсужденіе было первоначально
написано на языкѣ Датскомъ И. А. Расмуссеномъ,
Профессоромъ восточныхъ языковъ въ Копенгаген-
скомъ Университетѣ, и напечатано во второй Ча-
сти Журнала подъ названіемъ: *Lømm*, въ 1814. Вско-
рѣ появился переводъ оной на языкѣ Шведскомъ въ
Стокгольмѣ; въ 1817 году, а Англійскій переводъ въ
1818 и 1819 въ Журналъ, издаваемый Г. Блаквудомъ,
подъ названіемъ: *Edinburgh Magazine*. Съ сего-то
языка передается онъ теперь. Мы думаемъ пере-
водомъ сей статьи доставить удовольствіе нашимъ
читателямъ. Г. Френъ въ книгѣ, изданной имъ въ
1823 году подъ заглавіемъ: *Ibn Forzlan's and ande-
rer Araber Berichte über die Russen älterer Zeit*, испра-
вилъ многія погрѣшности, вкравшіяся въ сочиненіе
Ч. II. No VII и VIII. 10

ему преемствованію, болѣе значительной по занимаемому ею пространству, какъ пра, которая была утверждена на слѣдника Могамеда и получила названіе Халифата. Арабы, надремле славыя мужествомъ своимъ и необузданнымъ характеромъ, еще соединены не были. Ихъ поколѣнія, не имѣя никакаго истолкованія сношеній между собою, пребывали въ независимости. Давидъ былъ человекъ, котораго бы честолюбіе, высше духовное и политическое, ужило собою и въ одинъ народъ сія разсѣяныя семейства, вмѣстѣ наружу необильную силу, въ нихъ доселѣ таившуюся, и возвести характеры въ уравнианіе съ имаконіемъ воображеній. Сей человекъ былъ Могамедъ. Благородное вдохновеніе; твердая увѣренность въ истиннѣ и божественности происхожденія новой вѣры, а въ сладчайше оной — чудесное мужество и непоколебимая твердость, одушевлявшая пророка и его слѣдниковъ. Жалость, во всемъ ихъ предпріятіяхъ; ошущствіе силъ и всякаго благоустроеннаго правленія у народовъ, соприснословенныхъ Аравіи, вообще мало размѣренныхъ; природная склонность Арабовъ къ войнѣ и подвигамъ опаснымъ; помощеца самое ученіе Корана, — высочайшаго идеала

Г. Расмуссена или у его Англійскаго переводчика при передачѣ нѣкоторыхъ Арабскихъ текстовъ. Мы воспользуемся примѣчаніями Г. Френа, но во всякомъ случаѣ не отвѣчаемъ за мнѣнія Г-на Расмуссена, сколь ни сильное довѣріе возбуждающъ въ насъ его дарованія и ученость. С. С.

-жесть и красноречие, умъ, и познание
 -ще распространить и въ мечтательное и
 -соблюдать обаяние, и прочее обреша. По-
 -ударство. Арабы же: изъ върѣ, и днѣ днѣ
 -вѣны, и рѣше показанъ едно сиратикъ
 -въ пророка; и днѣ показанъ одинъ Амаан-
 -нического. Оказанъ же Индѣ и единъ Османъ
 -Индійскаго и тварей. Арабы же Францѣск
 -Среднеаго моря, же Массѣ Авинъ, Ерванъ
 -и Насѣкские моря. Наука началъ предъ-
 -ставилъ посредѣ Арабовъ въ царствованіи Аб-
 -басидовъ, и преимущественно чрезъ посред-
 -ствъ своихъ и помощниковъ умовъ Гаруда Фа-
 -лида и Мадунъ сына его. Умъ же, и обиде-
 -вольствованъ умъ, и подобно оцѣмъ предъ-
 -камъ, занимаясь одною: наукою: всѣхъ ихъ
 -часными ирученіемъ (наука); они твари
 -управлялись въ науку: математическую,
 -Философю, Исторію и Географію. Обшир-
 -ный завоеваніи, обшиная дуща и вселен-
 -ногда обширнаго міра, и содѣйствованіи
 -обогащеніи ограниченными сферами, сир-
 -рия они днѣмъ живанъ, и сіи сферами: не
 -преставали увеличивались: днѣ и моремъ,
 -ногда инокоромъ изъ восторженныя на-
 -роды сиратикъ же Халдеевъ и сиратикъ и
 -восточными Государствами: ибо оноемъ
 -народовъ весьма рѣдко оныя того бранъ, со-
 -вершено прерываемы.

И такъ не будемъ вѣдѣ удивляться
 тому, что обязаны поимъ совершенныя од-
 -нѣ Арабы нашими почтительными свидѣ-
 -ніями о положеніи сиратикъ, силъ въ сред-
 -немъ вѣкѣ. Арабы впрочемъ не всегда били

тѣхъ и дрѣгѣхъ областехъ: Персія, Балія, Кане-
ванія: въ началу его царствования, соверше-
но побѣди: императора Исмаила Государства, (из-
давна иррациональній царь) въ кавказѣхъ: (Бас-
сидіи), была убита въ Мору, по предѣ-
ламъ: области, въ 656 году, казначею: одно-
временно: и вѣнчикъ: модданскій. Въ 714 году: Та-
ларъ: владѣлецъ, изъ города: Фригарды, завое-
валъ: Грузію, - оное: имя: въ: по: краѣ, воз-
ра) воевалъ: Кавказа: в дошедша: и востановилъ
императоръ: востановилъ: востановилъ: въ: царствование
персійскаго: Аббасидова, (онъ: обоедалъ: востан-
овилъ, монахи: таблица: моря: Персійскаго,
море: Грузію, Персасію, Армасію, Пер-
сію, Хоразану, Аббасидовъ: и: сирію:
и: востановилъ: востановилъ: Дингуца: и
Сигуца (Ома: и: Исмаила: драгунъ), и: востан-
овилъ: Арабамъ: Матеріалскаго: и: с. сирію:
и: востановилъ: по: по: сторону: рѣкы:

Вскоре: послѣ: смерти: Гаруна: Ам-Раши-
да (въ: 808 году: по: Р. Х.): области: сѣв: сверган-
ны: Халифомъ. Споры: болотоцкіе, распри-
насъ: для: шакъ: и: адуши: Государства, дѣла-
ны: быстро: ослаблѣн: дѣлашы, кощору: они
дѣла: востановилъ: Возникли: новыя: поко-
лѣнія: для: него, чтобы: снова: ужасна: и: ус-
пѣшны: и: нова: другимъ: дѣла: с: споль-
ны) востановилъ: Первак: дѣл: числа
востановилъ: въ: обширныхъ: владѣніяхъ: Ха-
лифа: была: дѣла: Тагеридовъ, осно-
вляющъ: въ: Хоразанѣ: Тагеромъ: въ: 840 году:
Христианской: Эры, въ: царствование: Маму-
да; она: продолжалась: только: 45: лѣтъ, и:
лишилась: предъ: Сосаридами. Учреждена:

Сим дикашии, преимущественно, давали
 честию имъ на спранжъ, лежащихъ на юге
 и на востоке: сѣтъ моря Насидйскаго, Дру-
 гиа для знаменитыхъ походовъ: но должны
 были полагаться на одно крѣпкое, въ 999
 багровыхъ, даршавлавице мѣтъ, спранжю, ле-
 жащую на юго-западѣ, сѣтъ моря Насидйска-
 го: это были Дилемини и Бунди. Парана
 владычества имъ (ошъ) до моря Дил-
 емони, Дилемонъ, Друилю, Табарисенъ,
 ванъ и берегами моря Насидйскаго; на сѣ-
 верѣ были подараны, съ одной стороны
 Вассивалии, съ другой Бунди; кою
 разже они считали были союзными. Бунди
 считались вольны независимыми въ 933, въ ка-
 ковре черки: ошъ имъ воеваніе, владѣннн
 по дѣлу: подданыи обладатели многихъ об-
 ластей. Мухъ Насовъ воевалъ противъ Амиръ
 ол Омера до того времени, когда Тогрулъ
 Бегъ, основатель дикашии Саиддукидовъ,
 заняла ихъ въ 1106 году.

Хотя спранжъ, лежащій на юге сѣтъ мо-
 ря Насидйскаго, служилъ сообщеніемъ съ
 восточными странами, былъ пакимъ образомъ
 подтвержденъ: безпримѣннымъ перевозомъ
 и весьма назва, видяи: повеленіемъ, но
 они не видяи по приключило большаго
 вреда торговле. Сим преимущественно был
 очень обыкновененъ на Востоке, и если же
 начало было непредвидѣнно, но в развязка
 была столь же басовра. Впрочемъ необходи-
 мость и преимущественно собственными
 видами побуждавъ всегда новыхъ повелѣн-
 лей, къ конку: имъ одинъ не была дѣлани:

иногда въ Барбаронъ, и въпрямую къ Сабданъ
и Горгола; какъ сіе дѣлаютъ и въ предшест-
венники. При всемъ этомъ единственно для
се предполагаютъ, что онъ торговля: дѣломъ
служила: вѣроятно приривалась, и въ спе-
циальности ихъ, которая вѣроятно была заре-
ванами. Изъ числа сихъ приваловъ одна
проходила восточнѣе и въ сѣверо-восточ-
ной части Индия чрезъ Тингарію до реки
Джигуна или Окса (Oxus). Другіе, вѣроятно
изъ Индіи, доходили чрезъ Мадрасъ до
той же самой реки; вѣроятно, вѣроятно
и въ Каспійское, доходили чрезъ Ріонъ или
Фазъ и Черное море до Кавказскаго моря.
Сихъ же вѣроятно служили: вѣроятно
Фрѣкъ, или дѣше Вонціане и Герусанъ;
получали шовры, добавлявшие въ Индію и
Индію. Торговля, вѣроятно, вѣроятно, вѣроятно
редко производилась сухими путями: вѣроятно
рѣзке изъ южныхъ областей Азии въ сѣвер-
нымъ моря Каспійскаго. Сихъ торговля бы-
ла во восточнѣе городовъ, вѣроятно въ сѣверо-
восточнѣе и юго-западнѣе берегахъ сѣверо-восточ-
ной, и производилась моремъ; вѣроятно и вѣроятно
не оной долженствовало вѣроятно вѣроятно
образомъ вѣроятно вѣроятно вѣроятно вѣроятно
кормилолюбавихъ вѣроятно вѣроятно вѣроятно
лей, вѣроятно снотъ вѣроятно другъ-ва дру-
гомъ следовалъ въ обладаніи. Сихъ вѣроятно.
Между сихъ торговля городовъ вѣроятно
вѣроятно упоминается о вѣроятно вѣроятно вѣроятно
вѣроятно городъ *Дербандъ*. Арабы назы-
ваютъ оный *Вабъ* (дверь, входъ); онъ на-
ходится въ Дагестанъ, области, вѣроятно

дженской: Ширвану, и: получить Ислам на-
 славилъ: оныя: и: войскамъ, : подъ: командою: хосей-
 реска, : образованной: однимъ: отрядами: Хавка-
 скихъ: горъ: и: горныхъ: Положеніи: аю: оныи:
 снхъ: аю: периславъ: на: мекка: бывъ: благо-
 дрявнио. Окружающій: меккохосейманъ: сира-
 ванъ: Дагеснака: и: преимущественно: Шир-
 ванъ, : арцаводичина: въ: изобилии: все: роды:
 вереса: и: маювъ, : оны: были, : конь: оны: и:
 шапера: аю, : средобочіи: для: всахъ: сиравъ,
 аю: аю: на: конь: и: аю: оны: конь: Ка-
 ласкихъ. Абуларда: подтверждающъ: сію: же:
 мнѣю: слѣдующими: словами: „Бабъ-оа-Абу-
 забъ, : аю: сборное: мѣсто: и: портище: для:
 аю: концовъ, : привозающа: конь: Табар-
 сина, : Грузин, : Дайана (Гилана) : и: для: при-
 водающа: конь: Альсера (Ширвана), : Хаза-
 рин: и: другихъ: сиравъ, : обитавшихъ: невѣр-
 ными. Въ: семъ: только: городѣ: находились:
 помолочныя: фабрики, : конорыхъ: вовсе: нѣтъ:
 аю: аю: вышеупомянутыхъ: обласныхъ:
 Здѣсь: же: можно: найти: шаеравъ, : и: сюда:
 привозятся: шаю: меккохосейманъ, : купленные:
 на: аю. Дербендъ: былъ: построенъ: вели-
 кимъ: Монархомъ: Персим: Хозру - Анушрва-
 номъ (умершимъ: въ: 579: году), : съ: цѣлю: на-
 кареніемъ, : чтобы: оны: аю: своего: Го-
 сударства: земелъ: сиравскихъ: Хазаръ; : сверхъ:
 шаю: провезъ: оны: снху: неимоварной: дѣ-
 ны: и: доставилъ: шаю: сиравей, : дабы: оны:
 защищали: его: оны: набѣговъ: Хаазаръ, : Турокъ
 и: другихъ: невѣрныхъ: народовъ.“

Хозру, по мнѣнію Эдриси, доставилъ
 шаю: *Сабранъ*, и: городъ *Наркару*, на бе-

рогати Кавказскою горною Фид. обитавъ
 доо городово на горы, Алабаба, и воево
 рогъ: *Вабъ*, *Алабаба*, *Алабаба*, *Алабаба*, на, при
 ханъ *Мазаринъ*, воевономъ вродо *Виландаръ*,
Саладаръ и *Алабаба* и *Виландаръ* воевономъ:
Дербендъ владующее и *Вабъ* и *Алабаба*
 лежалъ на озеръ: *Вабъ*, *Вабъ*, *Вабъ*,
 воевономъ *Ануширванъ*, на море *Алаба*
 (*Каспийское море*), воевономъ садитъ
 множествомъ воево. Вдѣсь-же нахр
 он гавань *Мазаринъ* и воевономъ друг
 народовъ, когда ихъ воевономъ прихр
 съ своимъ воевономъ. Съ гавань *Вилан*
 вѣтъ одного: край до другого края, и
 средствовомъ воево воево воево, воево
 заблаговосудити, воевономъ въ оную гав
 и воево: *Алабаба* — воевономъ воево и
Кавказскія горы, воевономъ древнѣ хр
 называють горами *Алабаба* — горами воево
 етѣ, воевономъ по воево воево, воево
 только лежитъ единствомъ воево, но в
 воево воево воево воево воево воево
 воево: Тамъ нахр воево воево воево
 каковы суть: *Вабъ-Сула*, *Вабъ-Алаба* (в
 та *Алаба*), *Вабъ-Алаба*, *Вабъ-Алаба*
 воево, *Вабъ-Сейсанъ*, *Вабъ-Сейсанъ-Алаба*
 воево (врата воевономъ воево), *Вабъ*
Филанъ-Шахъ и проч. Разсказываютъ, что
 когда *Персы* овладѣли оною страномъ, и
 построили города *Виланъ*, *Босдагъ* и *Сабъ*
Алаба, чтобы держали оную въ воево
 ствѣ. *Ануширванъ* построилъ герба *Сабъ*
ранъ, *Каркаратъ*, *Вабъ* и *Алабаба*, м
 того, чтобы воевономъ воево надъ гора

Ассараромъ, именованной Шахъ Албанакъ. Онъ
 прабавляеши имя 360 вѣтковъ на границѣ
 земанъ Хазарской. Ануширванъ назначилъ
 мѣсто: престоломъ. Изъ своего собственнаго
 народа, военная была обязанъ защищать
 границы в селенияхъ въ горахъ. Его мѣсто-
 пребываніе, именованное въ Пѣрсии, было
 названо Ассараромъ (престоломъ); сямъ же
 правитель носилъ титулъ обладателя пре-
 столомъ. Сей титулъ происходилъ, по сло-
 вамъ Евзвигія, отъ того, что онъ имѣлъ
 за собой престолъ, украшенный драгоценными
 камнями; на работу кою употреблено
 было двѣсти лѣтъ. Когда Греки (Алрузъ)
 завладѣли сего страной, пренъ сей оспал-
 ся на своей мѣстѣ, в находящей тамъ да-
 же и понынь. Сіе Королевство, основанное
 Хозроемъ, сохранилось до эпохи Музульман-
 ской — времени, в которое Царь и всѣ его
 подданные обратились къ Христіанству.

Якутъ упоминаетъ еще о двухъ дру-
 гихъ городахъ; одинъ называется онъ Ка-
 балатъ, и считаешь его старымъ городомъ
 вблизи Дербенда, или лучше Албаба и Алаб-
 ваба, и заключающимъ осьмь областей Арменіи.
 Другой именуешь онъ Филаномъ, и гово-
 ритъ, что сей городъ, равно какъ и его
 окружныя земли; находятся вблизи Бабъ-
 Алабаба и какъ бы заключены въ страны,
 принадлежащія Хазарамъ. Царь сего края
 называется Филанъ-Шахъ; жители исповѣ-
 дуютъ Христіанскую вѣру и имѣютъ свой
 особенный языкъ. Масуди утверждаетъ,
 что Филанъ-Шахъ есть титулъ Царя Ас-

савуръ, и что это гора... называлась: Понто-
ну, что Филанъ есть дма. савуръ. Ас-
саръ.“

И гора была два соединительные пути
между южными и северными сторонами Кас-
пійскаго моря, какъ то море и на трехъ
Кавказскія горы. Сія два соединитель-
ные пути пребудутъ более южного, означенна.
Гора Кавказъ сзвующимъ, образомъ названъ
на Якушомъ въ Словарь его: „Кавказъ есть
гора, ограничивающая земли Бабъ-Аль-Аб-
ба и страны Алакозъ, что сзвучитъ край-
нимъ предломъ Арменіи. Ибнъ-Аль-Батта
ушверждаетъ, что на Кавказъ довершеть на
72-хъ языкахъ, гакъ что здесь, что на ю-
жномъ бваретъ переводчикъ между двумя язы-
ми жиделей. Длинну сей горы поддвигаетъ
въ 500 парсанговъ; ибо она простирается
съ одной стороны съ Государства Армена,
а съ другой до предломъ Хазаръ и Алакъ.
Почитаютъ Кавказъ цѣною горъ, часть ко-
шорыхъ соснавляетъ гора Адракъ, находя-
щаяся между Меккою и Медикою; сей хре-
беть простирается въ Сирію до соедине-
нія своего съ горою Ливаномъ, въ земли
Гемовъ (идеть) на пути къ Дамаску. По-
номъ соединяется онъ съ горами Антиохіи
и Самосаши и принимаетъ имя названію
Аллакама. Отшоль простирается онъ въ
Малашію, Самсашію, Калкалу и до Кас-
пійскаго моря, гдѣ основанъ Бабъ-Аль-Аб-
вабъ.“

Назвину въ сшачь своей о Бабъ и
Алабабъ выражается гакимъ образомъ ка-

самбѣльно сей горы: „Гора Алѣашагъ, о которой мы уже говорили, весьма длинна и очень высока. Абуль-Гассанъ-Алмасуди полагаетъ, что она заключаетъ въ себя 800 округовъ, коихъ жители говорятъ весьма различными языками. Алгаукали рассказываютъ и Анкаръ утверждаетъ, что во глубинѣ сихъ горъ находящяся многія Государства. Между прочими говоритъ онъ о владѣніяхъ Шаха Ширванскаго, копорыя состоятъ изъ многихъ городовъ, деревень и округовъ, прекрасно устроенныхъ; упоминаетъ о Королевствѣ Алкааръ, копорое заключаетъ въ себя многія селы и обработанная земля, и населена народомъ невернымъ, могущественнымъ и независимымъ. Онъ присоединяетъ еще къ нимъ Королевства Шаха Аледана, Альмуниага, Аррудейнага (когого обихатели сущь презрительнѣйшіе изъ всѣхъ народовъ); Королевства Табустана, Гидана, Ашика, Даднаквана, Алгандека (къ коему, какъ говорятъ, принадлежатъ 1200 селъ); Алланія, Алангахъ, Алкадригъ, Алсача (обихаемыя народомъ могущественнымъ, жестокимъ и независимымъ); Алджаригъ, Шаки, находящіяся на краю сихъ горъ; Алсагалкъ, и наконецъ Королевство Начакъ. Нигдѣ не въя найши мужины и женщины одаренныхъ столь совершенною красотою, какъ въ омы краю, ни дѣвъ болѣе очаровательныхъ.“

Прежде нежели мы совершенно оставимъ Кавказъ, должны собрать въскольکو одробностей о народѣ столь замѣчатель-

номъ , каковы Алане (Alans), кошорый въ эпоху нами разсматриваемую обиталъ на сѣверъ и на сѣверо-западъ оныя сей горы, близъ источниковъ Кура; теперъ тамъ никакихъ слѣдовъ оного не видно. Якутъ въ Географическомъ Словарѣ своемъ говорятъ о нихъ слѣдующее подъ словомъ Алане: „Алане занимають обширную землю и суть народъ могущественный. Они простираются до Даринаша, на Кавказъ, впрочемъ не имѣють никакого знаменитаго города. Одна часть Аланъ исповѣдуетъ Исламизмъ; но большее число Христіане. Они не имѣють одного общаго для всѣхъ Государя; но каждое поколѣніе имѣеть своего Эмира, человека жестокаго и немилосердаго. Бенъ-кади-Валаникъ разсказывалъ мнѣ, что одинъ изъ ихъ главныхъ начальниковъ сдѣлался однажды нездоровъ; спросили у человека, путь находящагося, объ его болѣзни. Исторія повѣствуетъ, что сія болѣзнь была нпохондрія, и что, желая судить о причинѣ оной собиравшими глазами, онъ взрѣзалъ самъ себя бока, вынулъ свою селезенку, и разсмотрѣлъ ее; но вскорѣ умеръ, стараясь вложить ее въ прежнее мѣсто. Короли Алановъ приняли Христіанскую вѣру со времени распространенія Исламизма въ эпоху Аббасидовъ; съ того времени они были идолопоклонники, и въ шакомъ же состояніи невѣжеслива какъ Арабы до Могамеда (فی الجاهلیة); но спустя 320 лѣтъ, они османили Христіанство, и преслѣдовали Епископовъ и священниковъ, кошорыхъ Греческіе

Императоры къ нимъ посылали. Между Королевствомъ Аланъ и Кавказскими горами есть крепость и мостъ, переброшенный черезъ широкую рѣку. Крепость называется зѣмлемъ вранъ Аланіи; она была построена однимъ изъ древнихъ Царей Персіи, который именовался Сендобадъ, сынъ Берхшасева, сына Лорасева. Я видѣлъ въ семь мѣстѣ гарнизонъ, назначенный для защиты Кавказа отъ набѣговъ Аланъ. Путь черезъ мостъ имъ также воспрещенъ; ибо крепость владычествуетъ надъ онымъ, и можетъ быть взята только осадою. Источникъ свѣжей воды бѣшетъ изъ самой возвышенной части утеса, на которомъ стоитъ сія крепость, которая можетъ считаться одною изъ славнѣйшихъ въ цѣломъ мѣрѣ. Саламъ - бекъ - Абдольмелекъ явился передъ нею; овладѣлъ оною и оставилъ тамъ нѣсколькихъ Арабовъ для охраненія. Сѣвѣрные припасы доставлялись сюда изъ Тифлиса. Между сею крепостью и Танансомъ (Таврисъ?) перевзъдъ заключаешся въ нѣсколькихъ дняхъ. Одинъ рѣшишельный человекъ можетъ воспретившисъ всякъ Царю земли овладѣть ею; она какъ бы виситъ на воздухѣ и повелѣваетъ надъ дорогою, мостомъ и рѣкою.“

То, что повѣстивуетъ Назвини, весьма важно: „Страна Аллановъ плодоносна и весьма обширна. Вардахъ самый значительный у нихъ городъ, и все предметы, необходимые для жизни, находятся тамъ въ изобиліи. Тамъ земля самая обработаннѣйшійя

въ цѣломъ мѣрѣ. Тамъ дворцы, сады, прекраснѣйшія мѣстоположенія; плоды всякаго рода; финики, орѣхи, кашшаны, превосходятъ какъ въ изобиліи, такъ и въ качествѣ все, что вообразить только можно. Сія плоды перевозятъ на востокъ и даже на западъ. Въ семъ мѣстѣ находятъ также азияганъ, родъ липаря, выше всякаго сравненія. Сей городъ, основанный на рѣкѣ Нуръ, имѣетъ ворота, называемыя Алакра, и шоржице Алкараки, заключающее болѣе шрехъ мѣлъ въ длину.

По всемъ симъ свидѣтельствамъ очевидно, что Кавказъ и земли, его окружающія, были хорошо населены, воздѣланы, наполнены городами и крѣпостями. Болѣе нежели вѣроятно, что жители сихъ странъ вели внутреннюю и весьма значительную торговлю посредствомъ рѣкъ Нура и Рюна южными плодами, кашшанами, воскомъ, виномъ, серебромъ и низшими металлами, дичью, также домашними и дикими животными. При всемъ томъ однакожь не возможно рѣшительно утверждать, проходили ли караваны край сей оныя юга къ северу, или въ противоположномъ направленіи, чтобы перевозить шовармъ какъ съ юга Азіи, такъ къ Азіи полуденной (что конечно уже нынѣ не дѣлается). Многія причины заставляютъ въ этомъ сомнѣваться: во первыхъ дорога черезъ горы была слишкомъ усложнена и преисполнена затрудненій; потомъ караваны были бы такъ весьма часто подвержены грабительству

Горцевъ. Кроме того, путешествіе чрезъ маленькія владѣнія безчисленныя и говорящія различными нарѣчіями, представляло многешество неудобствъ. Наконецъ путь Каспійскимъ моремъ долженствовалъ быть гораздо предпочтительнѣе. Ипожъ касался до торговли между странами востока и запада, она была огромная съ первыхъ столѣтій, и до того времени, пока путь чрезъ Великій Океанъ считался извѣстнымъ. Въ древнѣйшія времена сія торговля принадлежала Грекамъ, въ средніе вѣка Византійцамъ, и во время ихъ владычества въ Крыму Генуезцамъ, которые даже разрабатывали серебряныя рудники на Кавказѣ, гдѣ и понынѣ еще замѣтны шруды ихны. Сіа торговля даже не совсѣмъ прекратилась и въ нѣвѣйшія времена, ибо и теперь еще существуетъ мѣна произведеній со странами внутренними. Она выходитъ чрезъ Ріонъ (Фазъ), до береговъ Чернаго моря.

Другой путь, весьма посѣщаемый, шель чрезъ Каспійское море, выходя изъ Дербенда и другихъ приморскихъ городовъ; служащихъ мѣстомъ складки и находящихся на южномъ берегу. Сіе море чрезвычайно замѣчательно доломненіемъ своимъ среди обширныхъ странъ, коихъ смощеніе оно весьма облегчаетъ, какъ равно и по тому особенному общошладству, что, не взирая на свое великое прошиженіе, оно не имѣетъ исхода для спуска водъ своихъ. Многіе Географы почли себя въ правѣ заключить изъ всего, что, по примѣру другихъ морей,

Каспійское море сообщается или съ Чернымъ или съ Сѣвернымъ и Восточнымъ Океанами. Казвини предполагалъ, что Каспійское море соединилось посредствомъ какого-либо подземнаго канала съ Чернымъ. „Море Алхазръ,“ говоритъ онъ, „не беретъ начало свое ни изъ Океана, ни изъ какого другаго моря (по ешь, оно не заливъ); но втекаетъ въ Океанъ Конспаншннопольскимъ проливомъ. Сіе море чрезвычайно широко, ибо оно омываетъ Хазарію, Дайламъ (Гиланъ), Табаристанъ, Грузію и пустыню, именуемую Сіагъ - Кургъ.“ Далѣе, повѣствуя о моряхъ вообще, онъ говоритъ: „Море Грузіи и Дайлама (море Хазарское) отдѣлено отъ всѣхъ другихъ, и не имѣетъ сообщенія ни съ однимъ изъ нихъ, о которыхъ мы сей часъ упоминали. Великія рѣки, источники никогда не изсыхающіе, впадаютъ въ него. Алгаукали говорятъ, что дно сего моря черное и что оно подземельнымъ каналомъ сообщается съ Чернымъ моремъ. Къ западу у него Азербиджанъ, къ югу Табаристанъ, къ востоку Алкарія, а къ сѣверу Хазарія. Длина онаго шестидесяти миль; ширина отъ Грузіи до рѣки Айлъ 550. Къ сѣверу у сего моря Амелъ (1), (Ра у Грековъ и Волга у новѣйшихъ); это большая рѣка Хазаріи, которая не уступаетъ въ величинѣ Тигру. Источники свои беретъ она въ землѣ Русскихъ и Болгаровъ и впадаетъ въ море Хазарское. Люди

(1) Или лучше Ишилъ. Силвестръ де Сасъ.

свѣдущіе утверждають, что сія рѣка раздѣляется на 75 вѣзвей, изъ коихъ каждая образуешь сама по себѣ большую рѣку. По причинѣ великой длины ея и большаго числа рѣкъ въ нее втекающихъ, никогда не льзя замѣнить ни перекаты, ни уменьшенія въ объемѣ ея водъ. При впаденіи въ море теченіе ея замѣтно еще въ продолженіе двухъ дней, послѣ чего она совершенно съ нимъ сливается. Воды сей рѣки свѣжи и замерзають зимою. Якутъ, въ Географическомъ Словарѣ своемъ, описываютъ слѣдующимъ образомъ теченіе Ашела: „Не льзя никакъ сомнѣваться ни въ величинѣ Ашела, ни въ длинѣ его теченія.^а Онъ вытекаетъ изъ границъ Юга (1), проходитъ Болгарію, Россію, Хазарію и впадаетъ въ море *Мерганъ* (2). Нунцы восходятъ до ней весьма далеко, даже до Вайсу (3); они привозятъ оттуда для продажи куницъ, горностаевъ и бѣлокъ. Рассказываютъ, что Ашелъ выходитъ изъ земли Наркиръ (4) и что протекаетъ между странами Наймаковъ и Гоццовъ, опредѣляетъ ихъ взаимныя границы. Пономъ стремится онъ на западъ къ Бугаріи; описалъ беретъ проливу-

(1) Вѣроятно здѣсь ошибка, югъ вмѣсто сѣвера. Сильв. де Саск..

(2) Думаю, что читашь должно *Муганъ* موغان

(3) По весьма правдоподобнымъ догадкамъ Г. Френа, здѣсь должно подразумѣвать Бѣлое море. С. де С.

(4) Или лучше Киркизь или Киргизъ.

положное направление (на востокъ или лучше на юго - востокъ) къ Вершау и къ Хаваріи. Утверждаютъ, что десяти рэкъ упадають въ Ашелъ.“ (Особенная часть описанія совершенно согласна съ повѣствованіемъ Маскини.) Сія великая река безъ сомнѣнія значительно облегчала сношенія обширныхъ странъ, въ которыхъ она протекала; и это такъ очевидно, что даже безполезно будетъ сіе доказывать.

И такъ, лишь только путешественники достигали сѣвернаго берега Каспійскаго моря, что было не трудно, мадобно было дожидаться попутнаго вѣтра, который и теченіи цѣлаго мѣсяца дуешь намъ: постоянно, но они уже находились въ странѣ Хаваріи. Тамъ обывали они свои товары, которые заключались въ финикахъ и ягодахъ южныхъ областей Персіи, или въ пряностяхъ и благовоніяхъ Индіи, въ пресмыкающихся винахъ, въ шелковыхъ, бумажныхъ и шелковыхъ тканяхъ, въ украшенияхъ изъ жемчуга и драгоценныхъ камней и наконецъ и въ другихъ предметахъ торговли, которые счастливцы области Персіи или производили, или обрабатывали. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что торговля путешественниками чрезъ Каспійское море была многочисленна и значительна, не только въ наше время; и сія истина утверждена свидѣтельствами Эдрикъ и Ибнъ-Габляла. Сверхъ того многія обстоятельство придають еще болѣе вѣсу сему предположенію, ибо подъ владычествомъ Хамъ

фовъ. были весьма обширныя сношенія и чрезвычайна дѣшечная торговля между Музульманами и народами Сѣвера.

Татарскія орды, лежащія во множествѣ къ востоку, западу и сѣверу. отъ Каопійскаго моря, были съ давняго времени обращены къ Исламизму. Назвини, въ главѣ своей о знаменитыхъ рѣкахъ, упоминаетъ о посольствѣ, отправленномъ Арабскимъ Халифомъ Мокшиадиромъ къ Королю Болгаровъ, котораго было въѣрено. Ахмедъ-бенъ-Фозлану. Фарабъ, въ Тарихаріи, былъ опочизною египетца и славнаго музыканта Абу-Назръ Могамедъ-бенъ-Ахмедъ Тархана, шего самаго, который былъ убитъ разбойниками въ Сиріи отъ Р. Х. въ 956 (отъ Египта въ 345). Упоминающъ также еще о двухъ знаменитыхъ мужахъ, рожденныхъ въ странахъ Монголовъ и переселившихся потомъ къ Арабамъ. Назвини уверяетъ насъ, что Халифъ Адвашек-биллагъ (умершій въ 847 году, въ 234 Египта) послалъ переводчика, по имени Саама, говорящаго на сорока языкахъ, въ землю Яджуджъ (Jadjudj) и Маджуджъ (Madjudj), или Югорию (1), чтобы собрать свѣдѣнія о характерѣ и состояніи се-

(1) Г. Френъ предполагаетъ, что страна, Арабами называемая Яджуджъ и Маджуджъ

یا جوج ویا جوجъ весьма легко можетъ быти та, которую называютъ Югрією или Югориєю, и которую Бакуи, кажется, понимаютъ подъ именемъ Юры یوری. Сл. де С.

го удивительнаго народа и осѣдомилъсь ночью о знаменитой свѣтъ, носящей его названіе. (Переводчикъ принесъ ему желѣзныя свѣдѣнія; но весьма сомнительно, чтобы онъ были даже правдоподобны. Въ слѣдующихъ листкахъ и помѣщу рассказъ вѣнжъ, какъ онъ дошелъ до насъ въ рукописи.)

Наконецъ и еще одно обстоятельство заслуживаетъ особенное вниманіе: новѣйшіе путешественники всѣ говорятъ о великомъ числѣ древностей и медалей Арабскихъ, находимыхъ въ Россіи; Шпраленбергъ (въ своемъ *Описаніи Россійской Имперіи* на Немецкомъ языкѣ, стр. 316) упоминаетъ объ одной медалѣ съ легендою на древнемъ куенческомъ, кошорал найдена была у Осиковъ, подлѣ Саварова (Savagoff, Саранова?). В Насимовѣ, близъ Оки, между развалинами одной мечети, на кладбищѣ, видѣны мавзолей съ Арабскою надписью. Въ Чердынѣ, въ древнемъ торговомъ городѣ въ Біармиландіи, отыскаютъ часто Арабскія монеты (Шпраленбергъ стр. 103). Паласъ рассказываетъ, что недалеко отъ Симбирска, на лѣвомъ берегу Волги, тамъ, гдѣ некогда была столица и главное мѣсто торговли Болгаръ, находилось, еще и въ наше время, довольно значительное число гробницъ и серебряныхъ монетъ съ куенческими надписями или съ начертаніями новыхъ Арабскихъ именъ. Всѣмъ извѣстно также, о чемъ и я въ послѣдствіи буду говорить гораздо подробнѣе, что въ нашихъ сѣверныхъ степяхъ весьма часто находили подобныя означенныя времена древнихъ.

Въ северу и северо-западу оны Наспійскаго моря обитали въ среднемъ вѣкѣ Хазары. Сей народъ былъ столь достоинъ замѣчанія и могущественъ, что Арабы не иначе называли Наспійское море, какъ именемъ моря *Хазарскаго*. Весьма правдоподобно, что Хазары, вышедъ изъ восточна, основались въ семь краевъ въ перьяхъ степей нашей Эры, и что, свергнувъ попомъ яро Гунновъ, распространились до земель, окружающихъ Наспійское море, и до Крыма, чрезъ что самое образовались сношенія между ними и Константинопольскими Императорами. Если мы повѣримъ разсказу Иорнанда (Iordanes), то Хазары, по его свидѣтельству, проникали даже въ Россію и въ Польшу; и въ 6 столѣтіи воевали съ Фрадомъ, Королемъ Дашскимъ. Мы не можемъ ручаться за истину сего показанія, ибо Арабскіе писатели ни о чемъ подобномъ нигдѣ не упоминають; но если бы сіе дѣйствительно было доказано, то изъ сего можнобы было заключить, что Скандинавцы и южные Россіане имѣли между собою сношенія съ весьма древняго времени. Въ томъ же столѣтіи, какъ мы упоминали выше, Хозру Ануширванъ построилъ многоисленные крепости на Кавказѣ; онъ поставилъ Вице-Короля въ Ширванъ, чтобы ограждать сію страну отъ набеговъ Хазаръ; изъ чего должно предполагать, что страна, обитаемая Хазарами, простиралась до Дербенда и Ширвана; въ VII, VIII и IX столѣтіяхъ Хазары достигли высшей спе-

леми своего благосостоянія. Ихъ силы были слабы, что весьма часто было они в состоянии вспомоществовать Греческимъ Императорамъ противу ихъ непріятелей. Сіи же, съ своей стороны, обратили многихъ изъ нихъ къ Христіанству. Хазари начали было также воевать съ Халифомъ Абд-Алмедомъ; но поелику война сія была для нихъ неблагоприятна, то многие принуждены были принять Исламизмъ. Назирая на сіе, въ разные времена и при различныхъ обстоятельствахъ, весьма часто, какъ союзники Императоровъ Греческихъ, они продолжали воевать съ Халифами, врагами, столь же опасными для нихъ какъ и для Грековъ. Въ VIII столѣтіи одинъ изъ Царей ихъ по имени Бела и большое число его подданныхъ приняли иудовскую вѣру. Сіе происшествіе однакожь подтверждается только однимъ свидѣтельствомъ баснословной книги, подъ заглавіемъ: *Libre Sami*, издавшой Буксторфомъ. Могущество Хазаръ мало по малу упало послѣ X вѣка, и наконецъ Монголы въ XIII столѣтіи содѣлались повелителями ихъ края.

Спрана, лежащая по обомъ берегамъ Волги и граничащая съ Болгарією, Каспійскимъ моремъ и землями, принадлежащими Дербенду, получила отъ Арабскихъ географовъ имя Алхазръ (Хазарія). По мнѣнію нѣхъ же самыхъ писателей, народъ, ея населяющій, происхожденія Турецкаго. Якушь (1), если мы положимся на словъ

(1) Здѣсь должно поставитъ Бакуи вмѣсто Якута. С. дѣ С.

дѣлился, говоря, что сія страна обитается двумя народами; изъ коихъ одинъ блѣднѣйшій, а другой блѣднѣйшій или краснѣйшій (1). У нихъ есть; говорятъ онъ, шоржища и бани. Они живутъ на берегахъ Ашеда, и между ними есть Мусульмане, Жиды, Христіане и язычники. Ибнъ-Гаукаль говоритъ, что царь и главнѣйшіе чиновники его суть Жиды; но что Жидовъ весьма немного между жителями. Ихъ столицею, по свѣдѣтельству того же самаго писателя, былъ Самандеръ, — городъ прекрасный, некогда великій и копораго окрестности изобиловали виноградниками; нынѣ оный разоренъ, бывъ первоначально опустошенъ Русскими. Самандеръ состоитъ на чешмѣ вѣднѣе дня пуши отъ многихъ весьма людныхъ городовъ, на 24 мили отъ Дербенда и на 12 дней отъ приморскаго и торговаго города Ашеда, что нынѣ Аспраханъ. Едриси называетъ Ашеда столицею; онъ говоритъ, что она состоитъ изъ двухъ весьма населенныхъ городовъ, построенныхъ на обоихъ берегахъ рѣки, которая получила названіе свое отъ самаго города. Король обитаетъ на западномъ берегу; купцы и народъ жительствующій на противополож-

1) Здѣсь есть описка или у Автора сего разсужденія, или у его Англійскаго переводчика. Въ извлеченіи Г-на Дегниа написано: „они суть двухъ родовъ, изъ коихъ одинъ блѣднѣйшій, другой же русый или рышій.“

номъ. Городъ имѣеть въ длину около трехъ миль. Назвѣни говоришь въ своемъ Предисловіи, что Ашель есть имя одного древняго поколѣнія, которое безъ сомнѣнія получило сіе названіе отъ рѣки, омывающей сію страну, впадающей въ это море (Насійское море); городъ также называется Ашеломъ. Сей народъ недоснашочесивуетъ въ способахъ къ продовольствію своему, и ведетъ жизнь весьма бѣдную (по причинѣ безплодія своей почвы). Сія маленькая область находится между Хазарією, Албашіакигъ (1) и Дербендомъ. Въ слѣдующемъ за симъ описаніи сочинитель прибавляетъ, что большая часть ихъ домовъ состоятъ изъ подвижныхъ войлочныхъ шалашей (кибитокъ), изъ чего можно заключить, что Хазары жили такимъ же образомъ, какъ живутъ нынѣ Ташарскіа поколѣнія въ Россіи, и что ихъ жилища были подобны и теперь употребляемымъ кочевыми народами, Нагайцами, Башкирами и другими; поному не должно удивляться, что городъ Ашель или Аспраханъ имѣлъ до 3 хъ миль въ длину. Торговля въ насшоціа времена сдѣлала изъ Аспрахана городъ красивой и правильнѣй, и Ташары Аспраханскіе, равно какъ и Казанскіе, переспали уже обиташь юрты (2). Они строили правильные дома каменные

(1) Сіе имя есть испорченное названіе Печенеговъ или Пачинасовъ. С. де С.

(2) Скорѣе кибитки, ибо между Ташарами юрты, иначе землянки, не употребительны.

или деревянные. Ибнъ - Гаукаль рассказываетъ, что баявъ Ашега находилось весьма большое число палатокъ, и что въ прилежащихъ странахъ было очень мало земляныхъ домовъ, каковы на примѣръ базары (площади) и бани. Король жилъ въ каменномъ домѣ; но сей домъ былъ единственныи въ цѣлой странѣ.

Валаугаръ, другой городъ, также какъ Самандаръ и многіе иные, былъ построень въ древніа времена Хозроемъ, и лежалъ подѣ 85° 20" долготы и 46° 3" широты; но наблицамъ Нассиреддина Тускаго, въ немъ находилась столица Королей Хазарскихъ. *Сарай* былъ большой торговый городъ на Волгѣ; онъ былъ преимущественно избираемъ Турецкими купцами для продажи невольниковъ. Сей городъ лежалъ къ северу въ разстояніи двухъ дней отъ Каспійскаго моря и имѣлъ сіе море съ юговосточной стороны. Сарай былъ мѣстопробываніемъ Хановъ Узбекскихъ Ташаръ (1).

Ибнъ Гаукаль упоминаеть о городѣ Азнудъ, въ которомъ было столько садовъ, что вся страна отъ Дербенда до Сарира была покрыта увеселительными мѣстами, завѣщими отъ сего города. Число ихъ полагали до десяти тысячъ. Во многихъ изъ сихъ садовъ воздѣлывали виноградныя лозы. Сей же самый городъ имѣлъ весьма много Мусульманъ между своими мншеля-

(1) Здѣсь скорѣе должно понимать Хановъ Ташаръ Кипчакскихъ, нежели Узбекскихъ.

ми. Въ немъ находилась мечеть, и дома были деревянные. Царемъ былъ у нихъ Жидъ, который жилъ въ согласіи съ Хазарами и Ниязьями Сарира. Расстояніе между сямъ городомъ и Сариромъ полагали въ два парсаги. (Онъ долженъ былъ дѣйствительно находиться на сѣверъ отъ Дербенда.)

Абд - Аррашидъ - Якутъ (1) упоминаетъ равномерно о городѣ Саксинъ (Sakina); онъ описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „Оно обширный городъ Хазаріи, подъ 86° 30" долготы и 43° 5" широты. Жители онаго по большей части Музулмане, разделены на сорокъ коленъ; они путешествуютъ и занимаются торговлею. Холодъ у нихъ чрезвычайно суровъ. Ихъ дома покрыты еловымъ деревомъ. Рѣка, тамъ протекающая, шире Тигра, и въ ней ловятъ рыбу, между коими находящаяся совершенно особенныя, которыя въсомъ равняются верблюду, и изъ коихъ извлекается весьма большое количество жира, употребляемаго въ лампадахъ; сей родъ рыбы очень вкусенъ. Рѣка сія зимою замерзаетъ и по ней можно ходить безъ всякой опасности.

Тотъ же писатель упоминаетъ еще о другой части Хазаріи, лежащей при берегахъ Волги и которая называлась Боркаозъ (2). „Жители оной Могаммедане; они имѣютъ свой особенный языкъ, что самое означенъ ихъ отъ всѣхъ другихъ народовъ.

(1) Читатель долженъ Бакузъ см. Якутъ. С. де С.
(2) Или лучше Берпась. С. де С.

Дома у нихъ деревянные; они удаляются въ нихъ на зиму; но во время лѣта разсѣваются по степямъ и пашбищамъ. Въ ихъ краю находящяся красковыя лисицы и красковыя куницы, коихъ мѣхъ употребляется за одежду. Ночи въ лѣтнее время весьма коротки; онѣ продолжаются не болѣе часа.“ Назвини говоритъ также объ одной области Казарян, которая простиралась вдоль ю Волгѣ; онѣ называлась *Борчасъ* и писывалась оную такимъ образомъ: „Борчасъ есть страна, длиною простирающаяся на пятнадцать дней; жители ея суть Тамины (обитатели береговъ), Хазаре (1). Жителямъ служили для нихъ подвижные юлочные шалаши (кибики).“

„Рѣка Порчасъ выходитъ отъ Альбогазъ (2) и на обоихъ берегахъ ея находится много мѣстъ, обитаемыхъ и воздланыхъ. Изъ страны Борчасъ вывозятъ кожи черныхъ лисицъ, получившихъ отъ сей земли свое названіе. Машуй удословляетъ, что ихъ вывозятъ отсюда на тысячу дин-

1) Въ Аравіи называютъ именовъ *тегама* всѣ низменныя страны, лежащія по берегамъ Краснаго моря, и примѣняясь къ этому способу выраженія, Назвини говоритъ, что жители страны, именуемой *Верчасъ*, суть *Тегамиты* Хазари.

2) Въсшо *Богазгазъ* читается также *Тагазгазъ*, и Г. Френъ думаетъ, что сіе имя есть испорченное изъ слова *Тунгусъ*. С. де.С.

Ч. II. No VII и VIII.

нарий; онъ прибавляешь въ концѣ, что в Хазаріи находишься гора, именуемая Базракъ, которая имѣешь направленіе отъ юга къ сѣверу, и что сія гора содержитъ серебряныя и мѣдныя рудники.“ Наконецъ Нассаръ-Еддинъ упоминаешь, какъ о мѣстахъ складки поваровъ, объ одномъ городѣ, по имени Абеесунъ, подѣ 80° 30' долгошы и 37° 15' широты и въ четвертомъ климатѣ.

Опредѣлишь въ почности мѣста сихъ городовъ, было бы самымъ труднѣйшимъ предпріятіемъ и можешь быть почти неудовольствительнымъ. Одна орда, часно нагонимъ другую; нѣкошорыя по различнымъ причинамъ добровольно перемѣняли жилища, и потому шѣ же самыя мѣста получали новыя названія. Города вообще шполь же были подвижны, какъ и орды, въ нихъ обитающія. Сія народы разбирали по часнямъ своихъ лочныя палатки; если же имъ должно было сохранить ихъ въ цѣлости, чѣобы имъ убижище, то они спавиди ихъ на шельги и переносили съ собою. Такимъ образомъ городъ исчезалъ. По эшому весьма не легко найти положеніе мѣстечекъ шакого рода; сіе возможно шолько въ шомъ случаѣ, когда какой-либо памятникъ письменный сохранилъ бы означеніе мѣста, нѣкогда имъ занимаемаго, или бы привело къ шому открытію значительныхъ развалинъ и останковъ древностей. Такимъ образомъ двѣ орды воколвнїа Финскаго, Біармы и Сиріанїи занимавшіе западный берегъ Урала въ великой Пермїи, оставили въ 1372 году мѣста

занимаемых ими въ семь умѣренномъ климатѣ, спрашась, чшобы Епископъ Стефанъ не возымѣлъ намѣренія обращать ихъ къ своей вѣрѣ; они удалились въ одну изъ холодныхъ странъ съвера къ рѣкѣ Оби. Сіи Біармы, Береміане, или древніе Пермьки и Сиріянці, въ по время, какъ находились въ Пермѣ, были извѣстны по торговлѣ своей съ Персидскою Имперіею и съ Государствомъ Великаго Могола. Товары, идя вверхъ по рѣкамъ Волгѣ и Камѣ, были перевозимы изъ Булгаріи въ Чердынъ, древній торговый городъ на рѣкѣ Кольѣ. Біармы возили какъ произведенія полуденной Азіи, такъ и собственнй земли своей въ Течору и на Ледовиное море; они получали въ замѣнъ мѣха для шпелей полуденной Азіи. Тамъ они находили Скандинавцевъ, которые сплывали въ Біармландію, ш. е. Фирмію, въ ту страну, гдѣ нынѣ Архангельскъ. Развалины городовъ, нѣкогда существовавшихъ въ сихъ сѣверныхъ краяхъ, свѣдѣтельствуютъ о цвѣтущемъ состояніи своихъ древнихъ обитателей. Вездѣ въ Губерніяхъ Аспраханской, Казанской, Оренбургской, Уральской и Тобольской, наконецъ вездѣ, гдѣ обитають народы поколѣнія Татарскаго, можно видѣть остатки рвовъ, стѣнъ, большихъ или маленькихъ городовъ, нѣкогда существовавшихъ, замковъ и укрѣпленныхъ шановъ; такъ на примѣръ въ Камюмовѣ, на Окѣ, близъ Аспрахани и выше, близъ Царицына или на западномъ берегу Волги видны стѣны и развалины большаго

города, копорой, можешь бышь, назывался Сарай. Развалины двухъ городовъ Булгаріи, и знаменишаго города Маужара, близъ Кавказа, не совсѣмъ изгладились; а въ Уѣѣ еще находишься кладбище, гдѣ видны надгробные камни и самыя гробницы, выложенны изъ камня. Нынѣшніе жишели приписываютъ ихъ народу, обивавшему сей край гораздо прежде завоеванія онаго Русскими, и копорый совершенно различествовалъ отъ Вашкирь. Видны также вблизи Уѣѣ двѣ мечети, построеныя изъ кирпича, и многіе надгробные камни съ Арабскими надписями; тамъ находящіяся также большія стѣны и ошашки укрѣпленій. (Путешествіе Палласа. Часть II, стр. 10.) Наконецъ значительныя развалины какъ городовъ, такъ и кладбищъ были найдены при Иршѣтѣ, близъ Тобольска, въ Барабѣ, при устьѣ Урала и въ особенности въ степи Киргизцевъ.

На воспокъ отъ Хазаръ Географы Арабскіе полагаютъ мѣстопребываніе Узон (Uzzes) (1), коихъ страна, по мнѣнію Назвини, находицца между страной Хазаръ (къ западу), Хазалгихъ (къ востоку), Булгарією (къ сѣверо-западу) и Наймаломъ کیمال
Я не могу сказать, что за страна была сія послѣдняя (Наймаль); но безъ всякаго сомнѣнія должно читашь Наймакъ کیماک

(1) Это народъ, иначе называемый Гоцц الغز. С. де С.

хотя Казвини и выше сего приводишь сіе имя, но никакого описанія сей страны не сообщаемъ. Страна Наймакъ долженствовала бытъ весьма обширною, поелику Эдризъ говоришь (седьмая часть шестого климата), что восточная вѣлвь рѣки Апела вышекаешь изъ страны Кармиръ (1) между странами Наймаковъ и Гозовъ, отдѣляя ихъ аулы отъ другой. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоришь: „Каймакъ граничишь къ югу Багаргаромъ, къ сѣверу Назалгихомъ, къ западу Калакишами и къ востоку мрачнымъ моремъ (Океаномъ).“ И такъ страна сія должнаствовала простираеться отъ Волги, Камы къ востоку и заключаешь въ себя всю Сибирь до Океана. Сіе огромное прошиженіе теряетъ однакожъ свою важность, если мы разсудимъ, что Арабы не имѣли никакихъ свѣдѣній о всемъ сѣверо-востоку Азіи и что они никогда не плавали по морю, копорымъ она граничишь; следовательно они опредѣляли сему морю мѣсто, принадлежащее внутреннему матеріку Азіи. Это весьма легко замѣшишь можно изъ выражений, употребленныхъ Якушомъ въ предисловіи къ его Географическому Словарю, гдѣ онъ говоришь: „На краю страны Булгаровъ море спремится къ востоку и между берегами онаго и самую отдаленною частію края, обитаемою Турками, находятся страны и горы вовсе неизвѣстныя, ибо онѣ безлюдны и совершенно безплодны.“ Митніе Ка-

(*) Скорѣе *Киргизъ*. С. де С.

вѣсти въ его Введеніи, гдѣ, говоря о границахъ Дайлама, онъ полагаетъ, что сія обласшь смежна съ спраною Наймаковъ, не очень согласуется съ положеніемъ сей спраны, которое мы сей часъ шолько обозначили; но можно предполагать, что сіе последнее извѣстіе было заимствовано имъ у какого-либо писателя, прежде бывшаго: ибо, ознакомьсь съ изученіемъ географовъ Арабскихъ, мы узнаемъ, что способъ, обыкновенно ими употребляемый для большей полноты въ описаніяхъ земель, заключался въ томъ, чтобы переписать снова все, что говорено было объ нихъ предшественниками какъ древними, такъ и новѣйшими, не принимая въ разсужденіе, относятся ли сіе или нѣтъ къ времени, въ которое они писали. Впрочемъ, мы можемъ предполагать, что часть народонаселенія (можетъ быть нынѣшніе Калушкы) отдѣлилась отъ своего поколѣнія въ весьма отдаленное время и переселилась въ сію землю. Но обратимся къ Узамъ.

Сей народъ происходилъ отъ Гунновъ, равно какъ Турки, Хазары и Туркоманы. Сначала населяли они, вѣроятно, землю Намыковъ, а потомъ заняли горы, находящіяся между Малою Бухарією и спранами, лежащими по ту сторону рѣки Окса (Охузъ), соединясь въ послѣдствіи съ Хазарами, какъ увѣряютъ насъ Визаншійскіе писатели, они изгнали Печенѣговъ (Patsipases) изъ спранъ, орошаемыхъ Яикомъ и Волгою, и сами тамъ поселились. Узы сушь

о же, что Кузи (Khouzu) (1) Арабовъ. Они раничили къ западу землею Хазарь, къ востоку Яикомъ, и простирались къ югу, южешъ бышь, до Каспійскаго моря, а къ северо-западу до Булгарин; они безъ сонныхъ доходили весьма далеко къ сѣверу, и трудно будешъ сказать что-либо определенное по сему предмету. Около двадцатаго столѣтія они должны были оставить страны, лежащія между Волгою и Яикомъ, или, продолжая занимать ихъ, въ то же время распространились къ Дону еще далье къ западу; ибо находимъ ихъ еще тамъ въ семь вѣкъ. Къ концу шнадцатаго столѣтія они утратили свое политическое существованіе какъ народъ, подверглись игу Монголовъ; не взирая однакожь на сіе, весьма вѣроятно, что они не совершенно исчезли, ибо Гюльденшtedтъ имаетъ, что Оссены, небольшое покореніе на горѣ Кавказской, къ югу отъ большой Кабарды, суть остатки Узовъ или оловцевъ, удалившіеся въ край сей послѣ совершеннаго ихъ разбитія Русскими въ 10 году.

Вотъ описаніе страны, занимаемой нами, дѣлаемое Казвиніемъ. „Страна Узовъ,“ говоритъ онъ, „лежитъ на западѣ отъ земли آلادکش Алодокошей (des Alodcosch). Она весьма обширна, и соудствуетъ къ востоку, сѣверу и западу къ землямъ обработан-

(1) Надобно было написать Гоцы или Гуцы. С. де С.

ными. Она содержишь въ себѣ весьма крупныя горы, на кошорыхъ находящяся многія крѣпости. Одна рѣка, вытекающая изъ горы Морганъ (одна изъ горъ Уральскихъ), печешъ по странѣ ихъ, выходя оупъ съвера. Въ сей рѣкѣ часпо находящъ въ большомъ количествѣ золошой песокъ и со дна ея достпашоуъ *лаписъ-лазури* (голубой сафиръ); въ лѣсахъ весьма много попадаешся чистаго золоша (1) и лисицъ желтаго, золопистаго цвѣта, изъ коихъ мѣха носящъ на себѣ Цари сего края; мѣха сѣя весьма дорого цѣнящяся. Вывозъ оныхъ строго запрещенъ, и всякое нарушеніе по сему случаю, если оно опкроещяся, наказываешся весьма жестко. Такимъ образомъ описываешъ ихъ Назвини. Едризи (осьмая часшь пшага климаша) говоришь почти по же самое, но съ большими подробностями. Онъ повѣснвуешъ, между прочимъ, о мѣспакъ Гіамъ (d'Hyam) и Джаганъ (Djagan), лежащихъ при судоходной рѣкѣ Рудгъ (Roudha), кошорая печешъ оупъ востока, прибавляя, что въ лѣсахъ находящяся весьма много бобровъ, коихъ мѣхъ прекрасенъ и волосъ весьма по-

(1) Сочинишель сего разсужденія замѣчаешъ, что вмѣсто *чистаго золота* должно вѣрояшно поставишь *бобровъ*, и что въ этомъ мѣспѣ вѣрояшно ошибся переписчикъ, написавъ *تبر* золошо *بیر* боберъ. Сія поправка принята и Г. Френомъ, и пошому ее можно приняшь за дѣйствительную необходимую. С. де Саси.

нокъ. Сія живошная весьма высоко цѣняш-ся; ихъ наловили во множествѣ и пере-правили черезъ Каспійское море въ страны Румъ и Арменію.

По положенію, приписываемому странѣ Узовъ, не лзя сомнѣваться, чшобъ сей на-родъ не обиталъ почти шамъ, гдѣ мы на-ходимъ нынѣ Башкировъ, ш. е. въ Губерніи Оренбургской, въ окрестностяхъ рѣки Бѣ-лой (Balaya), между Камою, Волгою и Ура-ломъ, въ южной части цѣпи Уральскихъ горъ. Сія часть земли извѣсна и въ на-ше время изобиліемъ своимъ въ лѣсъ, ме-шалахъ, рыбахъ, шочно шакъ какъ Арабы описывали страну древнихъ Узовъ; это самое, кажется, подтверждается слѣдующимъ замѣчательнымъ обстоятельствомъ, что Эдризъ (седьмая часть седьмого климата) говоритъ о странѣ, называемой имъ *Басгиретъ* (Basghiret), странѣ, кошорая, по его мнѣнію, простиралась далеко на сѣверъ, и была отдѣлена отъ земли Узовъ снѣжны-ми вершинами *Моргана* (или, какъ онъ го-воритъ, *Моргара*), въ швѣ хребта Ураль-скихъ горъ, о кошорой упоминали мы выше. Онъ прибавляетъ, что въ самой отдален-ной части страны, называемой *Басгиретъ*, находяшся два маленькіе города, *Мазира* и *Назира*, кошорыхъ купцы почти никогда не посѣщаютъ, потому что жилили оныхъ умерщвляютъ чужестранцевъ. Сія два го-рода лежатъ на одной рѣкѣ, втекающей въ *Атиль*.

Къ востоку отъ Узвѣ , Арабскіе географы помѣщаютъ особенный родъ людей, называемыхъ Алодкошъ (1) , которые , по мнѣнію Навинія , были изъ рода Турокъ , но естъ изъ опрасли , носящей имя Турокъ или Ташаръ . Они имѣли широкія лица , большую голову , маленькіе глаза , густые волосы ; ихъ страна далеко простирается въ длину и въ ширину ; она пользуется многими преимуществами , и способы къ существованію шамъ весьма изобильны ; къ западу граничитъ она страной Узвѣ . Тамъ находятъ значительное множество четвероногихъ , лошадей , коровъ и овецъ и большое количество молока и меда . Если кто-либо убьетъ барана , то иногда съ трудомъ найдешь гостей для съденія онаго ;

(1) Въмѣсто *Алодкошъ* *الادكوش* , или отишь членъ Арабскій *Одкошъ* *لاكوش* , Г. Френъ нашелъ въ другомъ мѣстѣ *انكش* или *انكى* , и онъ думаетъ , что сіе испорченное имя естъ ничто иное какъ *O—nie* , Хана Турецкаго Гоеика , царствовавшего надъ симъ народомъ съ 846 года нашей эры , до 848 . Онъ даже удивляется , что Дегинъ , признавшій Турковъ Гоеика въ народѣ , именующемъ *Одкошъ* географами Арабскими , не замѣтилъ пождесива въ именахъ *O—nie* и *Одкошъ* . Ни мало не отвергая возможности сего остроумнаго сближенія , сознаемся однакожъ , что оно подлежитъ сомнѣнію . С. де С.

лошадиное мясо ихъ предпочтительная пища, а кобылье молоко составляетъ главное пище.

Изъ всего предыдущаго весьма можно заключить, что сія орда должна была, подобно буйнымъ и воинственнымъ Киргизамъ, обитавшимъ нынѣ восточную степь рѣки Урала, составлять племя кочующее, и которое, безъ сомнѣнія, столь же мало упражнялось въ земледѣліи, сколько занимаются имъ сіи послѣдніе. Древніе жили и питались преимущественно лошадинымъ мясомъ; Киргизы питаются бараньимъ мясомъ; но любимое пище древнихъ и новыхъ жителей было кобылье молоко или *кумысъ*, какъ называютъ его Таттары, пище весьма уважаемое, сдѣланное изъ кобыльаго молока окисленнаго, варенаго или сыраго; сіе пище, когда оно окислено, столь питательно, столь пріятно вкусомъ и въ то же время столь крѣпко, что съ одной спорной оно придаетъ наружный видъ здоровья и свѣжести и укрѣпляетъ слабое телосложеніе, тогда какъ съ другой приводитъ въ упреніе, если бываетъ употреблено съ излишествомъ. Сія степь, какъ описываютъ ее Рускіе путешественники, есть безпредѣльная равнина, открытая, безплодная, гдѣ находятся обширныя печаныя полосы; удобной земли весьма мало, того менѣе еще лѣса; въ ней нѣтъ даже воды прѣсной, способной къ пищю, но она заключаетъ великое множество озеръ, оихъ вода солоновата; земля слѣдовательно

но осматривая шамъ безъ всякаго обрабошыванія; но лошади, рогатый скотъ, бараны и въ нѣкоторыхъ часпяхъ верблюды пасущся шамъ безчисленными стадами. Сближеніе, дѣлаемое нами спраны *Алодкошей* (Alodkosch) съ степью Киргизцевъ, предлагаешь однако же одно затрудненіе, которое едва ли опспранишь можно. Назвини и Эдризиди оба упоминають о большомъ морѣ, или озерѣ, называемомъ Тегамъ (Téham), котораго окружность полагають они въ двѣсти пятьдесятъ миль, и котораго вода, по ихъ мнѣнію, была темнозеленаго цвѣса, хорошаго запаха и приятна для пишья; въ семъ морѣ находилось весьма много плоскихъ рыбъ, которыя Турки (Ташары) ѣли съ большою гладносцію, ибо почитали ихъ самымъ сильнымъ возбуждающимъ средствомъ (aphrodisiaque). Хотя озеро дѣйствительно находится въ южной часпидей спраны; но ни на Киргизской степи, ни въ соседствѣ оной, мы не видимъ на географическихъ картахъ нашихъ моря, имѣющаго двѣсти пятьдесятъ миль въ окружности, около девяноста прехъ нашихъ миль (1), или чешырсста семнадцать миль Англійскихъ; мы находимъ только шамъ нѣсколько соленыхъ озеръ различнаго пропшяженія, но весьма малозначительныхъ. Посему мы и не будемъ спарашься опредѣлить положеніе сего моря.

(1) Не должно забывать, что сочинитель сей спашь Дашчанинъ.

СТРАНСТВОВАНИЕ КЪ СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ ІЕРО- ДІАКОНА ЗОСИМЫ.

Инокъ Зосима, діаконъ Троицко-Сергіевой Лавры, находился въ Кіевѣ и пошомъ (какъ говоришь самъ), желая видѣть Святыя мѣста на Воспокъ, съ купцы и вельможами великими отправился въ Царьградъ. Отсюда онъ ѣздилъ въ монастыри Аѳонской горы, посѣтилъ городъ Солунь и, въ 6928 или 1420 году, на Спращной недѣль, прибылъ въ Іерусалимъ. Нашъ странствовашель хвалился, что никшо лучше его не видалъ Святаго града и тамошнихъ окрестностей; опровергаешь неосновашельные рассказы, слышанные имъ, безъ сомнѣнія, у себя дома. Въ нѣкоторыхъ Палестинскихъ мѣста онъ сопровождалъ Іерусалимскаго Паптріарха Теофила. Упомяная о Царьградскомъ (женскомъ) монастырѣ *Лилеси* (του λίβου (*)), іеродіаконъ Зосима сказываешь между прочимъ: *туть лежить Царица Руская Англъ (ч. Анна), дочь Московскаго Вел. Князя Василія Дмитревскаго, внука Вел. Князя Александра Литовскаго, зоваемаго Витовта. Далѣе: Вся сподобихся видѣти (въ Царьградѣ) якоже прежде бѣхъ коли съ Княжною, въ царство благочестиваго Царя киръ Мануила, и въ то время вѣнча сына своего старѣйшаго, Калулна, на царство Греческое, состарѣвшуся ему.* Изъ сего справедливо заключить можно, что онъ находился въ свитѣ Княжны Анны Василіевны, когда она (въ 1411 или 1414 году) прибыла въ Царьградъ, для бракосочетанія съ сыномъ Имперашора Мануила, Іоанномъ (или Кало-Іоанномъ) Палеологомъ. Это извѣстіе весьма важно; ибо ошносительно сей родшвенной связи Государя Московскаго съ Имперашорскимъ Византійскимъ домомъ (и времени

(*) λίβ, родш. λίβου, значить камень водоточный.

оной) цзвѣстія нашихъ Лѣтописцевъ и Историковъ темны и сбивчивы (*). — Записки Зосимы не были еще напечатаны. Онѣ находящіяся въ одной рукописи (средны XVI вѣка), принадлежащей драгоценной библиотекѣ Е. С. Графа Ѳ. А. Толстаго (въ Опдѣл. II. No 393, л. 72 — 92), подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Книга, глаголемая Ксенохъ (ч. Ксенохъ), сирѣчь Странникъ, Зосимы дѣякона, о пути Іерусалимскомъ, до Цараграда и до Іерусалима.* Я списалъ сію спашью и здѣсь напечаталъ съ буквальной точностію, исправивъ только правописаніе и (весьма немногія) явныя описки.

Іюля 16, 1828.

П. Строды.

Хоженіе и бышье грѣшнаго инокъ Зосимы, дѣякона Сергіева монастыря. Повеже глаголешъ Писаніе: шайну Цареву храниши добро ешь, а дѣла Божія проповѣдаши преславно ешь; да еже не храниши Царевы шайны неправедно и блазнено, а еже молчаши дѣла Божія, шо бѣду наносишь души своей. Тѣмже и азъ боюся дѣла Божія шайши, вспоминая муку раба оного, прикишаго шалацшъ Господень, въ земли скръшнаго, а прикупа имъ несошворша. И ни кшоже ми не вѣруешъ ошъ васъ, Рускіи сынове, слышавше написаніе; не мнишеже мене гордяща о хоженіи семъ. Аще ли сущъ

(*) См. *Никонов. Лѣтол.* Ч. V. стран. 41. *Софійск. Временникъ* Ч. I. стран. 446. *Карам. Истор.* Ч. V. стран. 224, 277 и прик. 231. *Смирнш. Истор.* Ч. III. стр. 108 и род. *Роск. I. сшен.* 17. *Memoriae populor.* Ч. II. стран. 1033. — Кн. Щербатовъ (*Истор.* Т. IV. Ч. I. стр. 262 и 280) изъ одной Книжки Анны сдѣлалъ двухъ.

смерк, чшуще книги сія, и высошь и сло-
 веси моему дѣлающе и не хощаще врова-
 ши, буди имъ милоснть Божія: ни бо, не-
 мощь челоувческу помышляюще, непріят-
 но нами живоряшъ, гаяголемаа еже о хоже-
 нїе и о бышнїи моемъ; шо уже подобаентъ ми
 начашн. — Ошъ Рускіа спраны и ошольна
 града Москвы, изъ великіа Лавры преподоб-
 наго Игумена Сергіа, пошщакса носшигнущн
 славный градъ Кїевъ, иже бѣ мати осблѣ
 ерадомъ Рускимъ (*): и пребыхъ въ Лаврѣ, еже
 воешея Кїевская пещера, у гроба преподоб-
 наго Амфонїа Игумена и Феодосїа; полъ дѣ-
 ша, возмыслихъ и хощѣхъ видѣши Свяшная мѣ-
 ста, идѣже Хрншошь своими спонами по-
 коди, и свяшнїи Апосшолн послѣдоваху Ему,
 и свяшнїи. Ошци пакж идѣже спасахуса. И
 идохъ ошъ Кїева съ купци и съ вельможа-
 ми съ великими, и идохъ 30 миль (а ми-
 ли по 5 верснѣ), и обрѣшохъ рѣку вели-
 ку, въ Одольской земли, еже зовешся Богъ; и
 шу спояще градъ Бряславъ, и шу спояхомъ
 ледѣлю. И поидохомъ въ поле Ташарское,
 и идохомъ 50 миль дорогою Ташарскою,
 еже зовешся на Великій Долъ; и обрѣшо-
 сомъ рѣку велику, подѣ Мишеревыми Кыши-
 гамн, еже зовешся Нѣспрѣ. Тушъ баше
 перевозъ и порубежье Воложское: обѣ ону
 шрану Волохове перевозъ емлюшъ, а о сю
 шрану Великаго Кнзя Вишовшovy; и шам-
 у емлюшъ, и шѣмъ ся обон дѣлашъ. И ош-

*) Эшо напоминаентъ слова Олеготы, по взятїи имъ
 Кїева. См. Карамз. *Истор.* Ч. I. стр. 125 и прим. 296.

шолъ 3 дни до Бѣлграда, по Воложской
спранъ, и пребыхомъ въ Бѣлградъ двѣ не-
дѣли; отшпуду 9 верстѣ до моря. На се-
момъ устьѣ Нѣспра сполнъ спешитъ, еже
зовешся Фонарь, и шу бѣше приспанъ кор-
бленая. И наидокомъ себѣ корабль, иде-
комъ на море, и быхомъ на морѣ 3 недѣли,
егда съ нужею доидокомъ устья Цареград-
скаго: тогда бываешъ еушрина великая и
вадове спрашникъ, предъ Филиповымъ за-
вѣщанъ. И доидокомъ Царскаго-града, и
быхомъ во Царьградъ 10 недѣль, и обходи-
комъ вся святая мѣста. Первое поклонишъ
свяшой великой церкви Софи, идѣже Папрі-
архъ живешъ; и цѣловавъ образъ Господъ
нашего. Иуса Христа, иже предъ нимъ
грѣхи своя исповѣдаюшъ, иже срама ради не-
мощно исповѣдаши духовнику; еже зовеш-
ся: Спасъ - Исповѣдникъ. И образъ Пречи-
стныя, иже во Иерусалимѣ, иже бесѣдовавъ
къ Маріи Египтяныни; и святаго Арсени
мощи Папріарха; и гробъ Кирика шриль-
наго; и камень, во олшари, иже съ Самаря-
нынею на кладези Іаковли бесѣдова; и шре-
пезу Авраамову, на нейже Авраамъ учреди
свяшую Троицу, подъ дубомъ Маврійскимъ;
и одръ желѣзный, на немъ же мученикъ
святшыи мучили, и до нынѣ знаши кровъ
мученическаго на немъ; и посохъ Злато-
ушнаго Іоана вверху сполнъ, въ спешени
враша великая церковная; и Носѣвъ ков-
чегъ шуе близъ святшыя Софи; и мона-
шнырь Одѣгипрія, въ немъ же чудо Пре-
чистая шворишъ во всякій до шпорникъ.

Близъ того монастыря два монастыря: Лаваръ четвероденевный, и въ немъ мощи его запечатлѣны въ сполць, и сестра его Марія; и другой Лаваръ, Епископъ Галасійскій. Туже близъ женскій монастырь и прочая, шу глава Іоана Злапоустаго. Близъ же того другій монастырь, свяшій Кипреанъ вохвъ во своемъ шьль; и инъ монастырь, свяшій Андрей уродивый Христа ради, иже и донынъ бьсныхъ исцѣляетъ. Тамже, близъ свяшмя Соѣи, монастырь женскій Панакранъ; да шушь глава Василья Кесарійскаго, и спопы свяшаго Апостола Павла на камени воображени добръ. Близъ же свяшмя Соѣи, Христось-Милоспивый, монастырь женскій: вода еспь свяшая въ немъ подь церковью, въ песокъ ноги копающе прокаженни и боляци исцѣленье приемлють безчисленно. Близъ же того монастыря женски монастырь Панданасый, и шушь часть ошь спрасшей Христовыхъ, и ошь ризь, и ошь крови, и ошь власовъ Пречиспья. И шуже великій монастырь Юрья Монгана, въ немъ же многи мощи свяшыхъ. Предь двермиже свяшмя Соѣи сполць стоишь, на немъ же Царь Успіанъ стоишь на кони: конь мѣдянь, и самъ мѣдянь вылишь, правуюже руку держишь распроспершу, а зришь на воспокъ, хвалища на Сороцинскіе Цари; и Сороцинскіе Цари прошивъ ему стоишь, болваны мѣдяны, держашъ въ рукахъ своихъ дань и глаголашь ему: не хвалися на насъ, Господине; мы ся шебъ ради, прошивиши начнемъ; въ друзь же рущь

держишь яко яблокъ златъ , а на яблочѣ
 крестъ . А ошшуду ешь , яко сирѣловиче,
 мѣсто зовешся Подорожье , урыстаніе кон-
 еское: и шущъ столпъ на спѣ , сощъ ешь чело-
 вѣки съ 3 ѳысота его , на спѣ шомъ лоды-
 ги 4 ираморены , а на лодыгахъ штъ
 посшавленъ столпъ; ѳысота его бо сажень,
 а ширина его 3 сажени, единъ камень безъ
 сшавя . И шы , человекѣ , не могли . шому
 подивилися : кто шо ешь сшавилъ , какіе
 се былъ люди? И возлѣ сшопишь столпъ , при
 главы аспидовы мѣдяны сшлѣпены вмѣсто,
 а въ нихъ запечашанъ ядъ змиинъ: шо , кого
 ухапиль змиа внупръ града , сїи прикасають
 и исцѣлевають; аще ли внѣ града , шо нѣшь
 исцѣленья . Пovyшеже Подромы сшопишь
 столпъ , и вверху крестъ , гдѣ былъ дворъ
 Царя Костяншина , и въ немъ запечашан-
 ны акрухи Хрисшovy 12 ; и Ноева ковчегъ
 сѣкѣра , чѣмъ Ной ковчегъ дѣлалъ ; и камень,
 иже изъ него Моисей воду исшочи . И ешь
 столпъ , идучи къ Сшудійскому монастырю,
 весь подписанъ , что на сѣлѣ ешь ; сїи
 столпъ посшавилъ Царь Аркадей и на пи-
 миль свою . Во сшлѣшѣй же Апостольсшій
 церкви сшопишь столпецъ , у него же Жидове
 Хрисша вязали ; а другой сшолпецъ , у него
 же плакася Петръ Апостоль , коли ошмер-
 ся Хрисша . Въ шой же церкви великій
 Спиридоней и сшлѣшій мученикъ Поліекш
 лежишь ; и гробъ Царя Костяншина , и и-
 шери его Елены , и многіхъ Царевъ право-
 вѣрныхъ ; и образъ Господа нашего Исуса
 Хрисша , емуже исповѣдася мнихъ , ашар

во блудъ (иже въ Пашерицѣ писанъ), иже предъ образомъ исцвѣдася и паки въ блудъ впася. И предъ вратами великими церковными спойшъ, спойшъ велики высокъ, а на спойшъ спойшъ Ангель спрашенъ великъ и держишъ въ руцѣ скипетръ Царя града; и прошивъ ему спойшъ Царь Коспандицъ, держишъ въ рукахъ своихъ Царьградъ и даешъ его на соблюдение пому Ангелу. Монашпырь же великій Пандракрацовъ, еже зовещся по Руски Вседержитель, въ немъ же спойшъ доска, на ней же Христа несли ко гробу; на ней же слезы Богородицы Маріа и домыль знаши, бѣлы яко млеко. Тушъ же главы Фрола и Лавра, и Якова Перскаго, и Стефана Новаго рука, и предодобный Новый Михайлъ; и судно шогдо олтари, еже Хришошь воду въ вино претвори, въ Нана Галилейской. И въ споронъ шого монашпыря, съ два переспрълища, зовещся монашпырь Аполикапши; предъ вратами монашпыря шого лежишъ жаба каменна: сія жаба, при Цари при Львъ Премудрошь, по улицамъ ходя, смеліе жерла, а мешлы мели; и восстанушъ людіе порядку, а улицы чистыи. Ту естъ монашпырь Филаспропось, въ немъ же мощи святаго Клименша Ангирьскаго, и Феванія Царя Льва Премудраго. Монашпырь Сехаришоменишъ: шу лежишъ Іоанъ Дамаскинъ. Въ Лахеритъ же церкви лежишъ чесная риза и поясъ свящыи Богородица Маріа, и мощи свящаго Пошанія. Въ монашпырь же Перепшъ рука Іоана Предшечи, коею Христа крестилъ;

и глава Григорья Богослова; и цопъ Григорей Никомидійскій; и глава Ташьяны мученици; мощи святыхъ Мученикъ многихъ шуже. Того монастыря близъ достъмы: болвана каменны, велики; сеже былъ при Львъ Царь Премудромъ правосудьи. Монастырь шуже стоишь: Подромшу: и шу стьятъ спраси Христова, и риза Спасои; и копье, чъмъ его проболѣ; и шпросъ, и чемъ шо было копье насажено; и губа, чъмъ его напоми опцеша и желчи; и кров Христова, кою икону Жидове проболѣ ю градъ Верушь; и хлѣбець, кой на вечери хлѣбець яде со ученики своими Господь, во свяшомъ Сионѣ; камень, кой клалъ Жидове подъ главу Христову; и власи Пречистыя Богородици и млеко. Монастырь женскій: шущъ лежатъ мученици Козма и Дамьянъ; шу лежить преподобная Елисавета; и блаженная Сомаида посъчена отъ свикра, иже въ Патерицѣ писано: иже на была рыболова, мужъ ея пошелъ и рыбу, ошець его восхошь съ нею ишпися въ блудъ, онаже бѣ мудра и богобоязлива, не дасъся ему, онъ же разярився похотию плашкою посъче ея и яросшью; и дасъ ей Богъ исцѣленья, шому брань плашкая приходишь, и пришакаюшь, и поклоняюшся гробу ея, и абѣ шходишь брань молишвами ея. Монастырь Вергешись: шущъ лежить Феодосія дьяк. Монастырь женскій Липеси: шущъ лежатъ свяшый Стефанъ и Царици Ирина; Царица Руская Анча, дочь Московскаго Великаго Ки

зя Василья Дмипреевича, внука Великаго Ннзя Александра Лишовскаго, зовамаго Вишовша. Монастырь же Герамаршасъ: шу лежишь Марія Кдеопова и Иванъ Воиникъ. Монастырь женскій: Повасильясъ: шу лежишь овящая Калія бѣлица; мужъ ея былъ болащъ и госшилъ по морю 3 льша, онаже мудра и богобоязица и милоспива, и раздая имѣніе безъ мужа все, мужъ же ея пришедь и замучи ю, онъ шворишь, что въ дикое дѣло подая; и дастъ ей Господь исцѣленье, хроміи и болніи гробу ея бьюшь челомъ и исцѣляюшя. Монастырь великій Сшудійскій: шушь лежишь Еуѡимей Папріархъ; и муро Дмипреево въ раць споишь, близъ вратъ Сшудійскихъ; и внѣ града зовеця Ниги, шамъ вода ешь свѣшая Пречисшыя, исцѣленье подаешъ много боляцимъ. И шуже, близъ монастыря, церковь свѣшый Пророкъ Даниль; и гробъ, внушь во церкви, возлѣ спѣну, на дву львахъ. Царьградъ споишь на 3 углы, двѣ спѣны ошь моря, а 3-я ошь западу, приступъ рашныхъ. Въ первомъ углѣ, ошь Бѣлого моря, Сшудійскій монастырь. Во 2-мъ углѣ свѣаго Юрья монастырь Монганъ; сей бяше первое градецъ былъ малъ, зовешя Визанши, напрошивъ Скушаря. Зовеця Скушарь мѣсто, на оной странѣ моря, шорговище: съзжаюшя Турчане, а съ сея шраны Греки и Фризове, и шоргуюць межъ собою. Въ 3-мъ углѣ споишь церковь Лахерна. Ошь Лименія повыше мало Царева полаша; а за Лименемъ споишь Фрижской градъ, красенъ и хорошь доб-

рь. Сіѣже ѣся сподобихся видѣти, и поклонихся спрасшею его и свѣпшю его угодникомъ, якоже прѣже бѣхъ, коли со Княжною, во царство благочестиваго Царя кирь Мануила; и въ то время вѣнча сына своего старѣйшаго Калюяна на царство Греческое, сосшарѣвшуся ему. Имѣше убо Царь Мануилъ 6 сыновъ: 1 сынъ Кануилъ, сирѣчь Іоанъ, иже нынѣ Царь въ Носшяншинъградъ; 2 сынъ Андроникъ, Деосподъ Селуня града; 3 сынъ его Теодоръ, Деосподъ Аморейскія земли; 4 сынъ его Носшяншинъ, Деосподъ Чермнаго моря; 5 сынъ его Дмишрей, Деосподъ Милійскія земли; 6 сынъ его Тома, сей бѣше у ошца, въ полати еще естъ. И предъ Свѣпшю Вселенскимъ Соборомъ и Патриархомъ: се кирь Іосифей, иже много ползоваху ученици его. Сіѣже великіи церковници: великій Ермошилашъ, 2 Сакиларій, 3 Скиенлакосъ, 4 Сакилаосъ. Во свѣпвѣ же Соѣи 7 кладязей, 1 подъ нею езеро. Се азъ, грубый ермонанъ Зосима, смотрихъ и поклонихся, и поминахъ въ молитвѣхъ кпо до меня Рускихъ сыновъ добръ. И поидохъ въ корабль, изъ Носшяншинаграда, и идохъ 100 миль узкимъ моремъ, и минухомъ островъ Мармаръ: въ семь островъ Цариградци колютъ мармаръ и мостятъ церкви и полаты во Царьградъ. И ошпуду минухомъ 60 миль, и минухомъ градъ Каливолъ (шупъ бѣше перевозъ Туркомъ), и ошпуду другіе 60 миль идохомъ; шупъ бѣше ушье вышло на великое море Понційское, еже зовешся Бѣлое, и шупъ

стоюще градъ Трояда, на самомъ успьѣ; выходяще на великое море: поидиши направо ко Свяшій горѣ, и къ Селуню, и ко Арменской земли и къ Риму; на лѣвоже ко Иерусалиму. Идучи ошь успья 10 миль минухомъ оспровъ Зигрій; ошшуду 300 миль оспровъ Лимвры; ошшуду пльхомъ 100 миль и минухомъ оспровъ Лимносъ; и ошшуду пльхомъ 60 миль подь Свяшую гору, и въздохомъ на Свяшую гору, и поклонихомся по всѣмъ церквамъ и въ монастырѣхъ на свяшомъ версѣ; а шо не поклонихся на праздникъ Преображенья. Всѣхъ же монастырей во Свяшій горѣ 22. Сеже имена имъ: 1 Лавра, 2 Вашопедъ, 3 Хилондаръ, 4 монастырь Рускій, зовещся свяшій Паншелемонъ, 5 Пандакрашоръ, 6 Симонъ, 7 Верверскій, 8 Зуѣгри, 9 Дохиаръ, 10 Нсенохъ, 11 Алушь, 12 Кацакаль, 13 Кулшумосъ, 14 Проташій, 15 Ксерапопаль, 16 Эйлинои, 17 Валилевпиргій, 18 Павлова пустыня, сеже общая жишья, 19 Деонисьевъ монастырь, 20 Григорьевъ монастырь, 21 Симона Пешране, 22 Настомонишь. И благословихся ошь Свяшогорскихъ овецъ, и поидохъ въ Селунъ, по суху, иже сподоби мя Хришошь видѣши: и поклонихся гробу свяшаго великаго мученика Хришова мурошочца Дмишрея и преподобныхъ Θεодоры черноризици мурошочници, иже непрестанно муро почишь, яко ошь источника пекуща ошь лѣвыя ноги; лоханя бо спояще чрезъ годъ, и снимаюпть съ нея поршы, омочены яко въ масло ошь

мура того, и раздають себя на благословеніе правотѣрнии Крестыяне, на иже воздѣваху новыя порты; онаже: лешаше аки жива сущи, послушница бо была въ монастырь. И сія вся сподоби мя Христосъ видѣти и поклонитися. Ещѣже ми ся приложи желанье къ желанью: восхождѣши святыи градъ Іерусалимъ, еже Господь нашъ Ісусъ Христосъ спрасити подъяти, спасенія ради нашего, и поклонитися древнему гробу. И благословихся ошъ господина Митрополита Вселунскаго крѣ Іоана и Симеона: тогда бо, въ шѣ дни, Митрополишъ поиде въ корабль; и плыхомъ не мало дени, и минухомъ ошровъ Лимонъ, и придохомъ во ошровъ Хіосъ, и пристаномъ шу, и быхомъ не мало дени. И въ семъ сидишъ Капишанъ, сирѣчь Нязь, ошъ Зеи великія; въ томъ ошровѣ родишся масши, и рожки, и шелкъ, и всякъ овощь. И ошшуду идохомъ немало дени, кораблемъ, и пристаномъ ко ошрову Патому, и тамъ быль Іоанъ Богословъ, Авосполь Христосъ, у Романы жены баню сжегъ, на шомъ и ситъ его монастырь; святыи Іоанъ Богословъ церковь на шомъ мѣстѣ пославилъ, и Евангельская словеса писалъ, и гробъ ешу. Также и церковь внѣ града, поприше едино. И ошшуду поидохомъ Поншійскыи моремъ, 800 миль, и пристаномъ въ Палестинская мѣста; егда съ нушею додохомъ святаго града Іерусалима, злыхъ ради Авосполь. И придохъ первіе во святое Воскресеніе, на самый праздникъ, на Великъ день,

и бижь челою живодавному гробу. Господа нашего Ісуса Христа многожды. Видѣхъ свяшый свѣтъ небесный : о десятомъ часу дени, въ великую Субошу, зажигаюцца паникадила надъ гробомъ Божиимъ невидимо. О зажженіи же глаголють иніи, яко молнія сверкаеть ; а иніиже глаголють, яко громъ грянешь ; а иніи глаголють, яко голубъ во успѣхъ своихъ огнь носишь ; а все шо ешь лжа и не испинна, занеже азъ видѣхъ Зосима, грѣшный дьяконъ. Не хвалюся, глаголю, никшоже шако видѣ Іерусалимская мѣсна, якоже азъ грѣшный паки видѣхъ: пребыхъ лѣшо цѣлое во Іерусалимъ, и за Іерусалимъ ходи по Свяшымъ мѣшомъ, и подѣхъ раны доволны ошь злыхъ Араполь, азъ грѣшный, и все шерпя за имя Божіе; поминахъ Апостоли и мученици, чшо они подѣша за имя Божіе, азъ же нивочшоже вмѣнихъ и шерпя со благодареніемъ : занеже, аще доиде кто Іерусалима, гробъ быхъ видѣ ; а за Іерусалимъ никшоже поишши можешъ, злыхъ ради Араполь, бьютъ бо безъ милосши. У гробаже Господня поминахъ азъ грѣшный вся, иже ошь нашего предѣла Рускія земли, Князи и бояре и всѣ православные Крещьяне. Еще прясущся и плещущъ руками попы ихъ, со Евангеліемъ, но съ присолнечники ; и воспросихъ Паптріарша попа : что ешь шо за ерьсѣ ? Онъ же ми рече : что во Ісалпыри писано (вси языци восплещите руками), и они шому вослѣдують и радующъ, чшо воскресе. Шестая Яковини за гробомъ Бо-

жінмъ; а прощвъ 7-я Неспорьяне, яко въ бильца витія бьютъ, ходять, что Христосъ воскресе. И быхомъ внутрь во церкви, во святомъ Воскресеніи, 3 дни, въ великую Пятницу и въ Суботу; въ суботу замчены, и на Великъ день Пашріархъ Теофілъ липоргію опшоешь уже шако, какъ зоря на дворъ, и сѣдохомъ на шрапезу у Пашріарха, и вкусихомъ брашна на Пасху. Ту баше онъ всѣхъ мѣстъ черноризцы, Игумени, и со удолія Асаеапова, и изъ Савина монастыря, изъ Предомечева, и со Ордана Игумень Лазарь своею брашьєю, и инѣхъ монастырей; шу баше азъ грѣшныи Зосима. И восходящу солнцу, яко быеть часъ 1, пріиде Амира, со всѣми своими слугами, опшкнешъ церковь, оппечаташаешъ и выпустиши всѣхъ; Амира же шакоже велишь замкнуши и запечаташаши. Пашріархъ же Теофілъ шакоже поймешъ всѣхъ спарцевъ во свою Пашріархію, и почнушь ся веселишь духовнѣ и шѣлеснѣ; и веселися доволно и поидушь кождо во свояси. Оканніиже Саркніи вси церкви Хреспьяньскія запечаташающъ, глаголюще: нѣсшь у васъ праздника, опшкнайше. Другую же липоргію пѣлъ Пашріархъ, на Аншипасху, у гроба Господня; а чрезъ весь годъ замчена церковь свяное Воскресеніе и печать Салмана Египешскаго: оны пріидушь поклонщики нѣошкшорыхъ шпанъ, Амира церковь оппечаташываешъ. Пашріархъ же поешъ во другой церкви; шушоже свяшая церкви. И опшуду поидохомъ въ Гепсиманію, и бихомъ челомъ пречисщия Маше-

ри Вожія. И опшуду, мало послуши, ешь пещера въ горѣ Елеонскій, идже Хриспось со ученики водворилася; и шу бихомъ челомя. И опшуду, яко верженіе камени, ешь мѣсто, гдѣ Хриспось отходилъ отъ ученикъ своихъ, молися Отцу своему: отче мой, мимо неси чашу сію отъ мене! Ту лежатъ въ камени. И опшуду поидомъ на горы Елеонскія, опшуду же Господь вознесся на небеса; и шу спомнѣть церковь святое Вознесенье. Посреди церкви ешь камень лежишь, долгъ, не широкъ, а надъ нимъ кіюшь мраморенъ; а на камени томъ ешь спупень Христова, и бихомъ челомя шу, и цѣловахъ спупень шу. И мало послуши, ешь а-я церковь мала, въ ней же Пелагія блудница, и гробъ ея отъ свѣны яко лакошь: и кто хоцешъ поидиши мимо гробъ ея, и она не пускаешъ, аще недоспонишь. И опшоль поидохъ на гору Сіонскую, и шу спомнѣть церковь святой Сіонъ, маши всѣмъ церквамъ: сія убо спала первая, по распятыи Хриспově, во Иерусалимъ; шу жила святая Богородица, по вознесенъи Сына своего на небеса, и молилася Сыну своему, и донынѣ знаши мѣсто шо, идже клала поклонны, на мраморъ; и разболъся, и шу духъ свой предасишь, и шу Хриспось ей явися, и на Апостоламъ святой свой Духъ пославъ. Ту гробъ Царя Давида, и сына его Соломона; и шу ешь служба Фряжская. Ту ешь гробъ первомученика Стефана. Ту лежатъ 2 камени: иже Пречистая восхотѣла видѣши шого камени, на чемъ Хриспось съ Моисеемъ бесѣ-

доваль на горъ Синайскій, и принесе Ангель 2 камені; еже зовался Купина неопалима, все шо во свяшомъ Сіонѣ. И есть мѣсто, ошъ свяшаго Сіона, яко есть смрълиши; гдѣ Ангель Жидовину руку опѣкъ, коли Пречислымъ шло кошъли со одра соврещи. Есть домъ Давидовъ, къ западу опомитъ. А граду Іерусалиму, съ полудени, есть врата желваная, куды Христа на распятве вели; зашверенна есть донныѣ. Со востока граду Іерусалиму, съ поддени, шако гора Елеонская, шакоже Іорданъ. Мало посшуща ошъ шѣхъ врата, есть другая врата, куды Христосъ на Вербницу въхалъ, во градъ Іерусалиму. Ноли рекли Жидове Христу: рци ученякомъ своимъ, да умолчашъ; онъ же къ нимъ опвъща; аще ли сіи умолкнушъ, шо каменіе возоціешъ, на два каменіе указавъ; шо шѣ каменіе на сѣхъ вратѣхъ лежатъ во лѣѣ. И мало посшуща, гдѣ Жидове первоученика Стефана каменемъ побили. И вошь купѣль Соломона, 5 пришворъ имуще, внутрь граду Іерусалиму; есть купѣль Силуамля, внѣ града Іерусалима. Есть дворъ Пидашовъ, въ немъ же живешъ Амира; есть дворъ Анны и Каіафы, въ нихъ же Сараміе живущъ; есть дворъ Іоакимовъ и Аннинъ, опца Богородици; и шу есть полапа Іоана Богослова, идучи ко святому Сіону. Церквие же во Іерусалимѣ: 1 я Святая свяшыхъ, въ шуже Крещъане входяшъ, 2 я свяшый Сіонъ, 3 я свяшое Воскресеніе. У свяшаго Воскресенія два верха: единъ есть съ маковицею и со крешомъ, надъ пушемъ земскимъ; другій верхъ

надъ гробомъ Божіимъ, сій верхъ не по-
крытъ. А надъ гробомъ Божіимъ хранина
каменная, яко церковь, какъ кльпскій, со ол-
шаремъ, а безъ прищвора. Въ первыя двери
влзши, на правой рудъ, лежишь камень,
кой Ангель пришедеъ ошвали ошъ двери гро-
ба; и во другія двери влзши, яко во ол-
шарь, какъ наклоя, и шамъ гробъ Божій,
возль спшну, яко коникъ, а надъ нимъ на-
писанъ Спасъ Фряжскій, на спшени. А ввер-
ху надъ нимъ горятъ 12 паникадилъ спкля-
ныхъ; а на шомъ мѣстѣ шакоже 12, коли со
креста сняли Господа и положили его на
шомъ мѣстѣ. А кому поклонилиси гробу
Господню; тому дали златыхъ денегъ Вине-
пическихъ фройнъ. То еще колико на пу-
ти Арапомъ давали, откупаши путь, иду-
чи ошъ Арамля ко Іерусалиму; шо еще спо-
рожемъ давали, 15 спражей у гроба Госпо-
дня присшавлено, люшыхъ Саркинъ. Ошъ
Арамля ишли 5 верспъ, равно и красно,
до Іерусалима; а опяшь ползши въ горы.
Градъ бо Іерусалимъ спойшъ на прислонѣ,
прошивъ востока; а гора Елеонская про-
шивъ ему спойшъ. Града Іерусалима из-
далеча не видѣши, но пришли близко
увидѣши; а спойшъ на спрѣлицѣ. Съ сю
спрану, съ прихода, удолю Асаеашовъ, при-
шелъ къ Мершвому морю; а объ ону спра-
ну пошока Кедрскаго; а гдѣ ся сонли вмѣ-
сто, на самой спрѣлицѣ, есть купѣль Си-
луамля; а прошивъ, на оной спранѣ, ешъ
удоль Асаеашова, село Скудельниче. 4-яже цер-
ковь Архиспрашига Михаила, монастырь

Сербскій; въ немъ же : Игуменъ Цасій, а икономъ Макарей Сиріанинъ ошь Сіонскіа горы. 5-я церковь Іаковъ, братъ Господень; сіюже церковь Арменове взяли за себя. 6-я церковь Одегипріе, монашпырь чернеческн. 7-я церковь, Успеніе святыа Богородица, монашпырь черноризиць. 8-я церковь монашпырь Верскій. 9-я Велюхій монашпырь, ошь Іордана, ошь Предшечева монашпыря. 10-я Мешохій же ошь Савина монашпыря. Сеже все шамо, идъже Марія Египетская жила въ пущыни. На горы велици и пропасти изнемогохъ ипши, и паки возврашихся, и преидохъ Іорданъ, и видохъ въ гробницу, идъже кладутся свящии ошци изъ Предшечева монашпыря: и шу бихомъ челоуъ, и цъловахъ мошци святыхъ старцовъ, и святаго старца Зосиму, иже Марію Египтяныню дричашаль. И ошполъ идохъ въ Герасимовъ монашпырь, емуже левъ поработа, иже при Ерданъ поприще едино, и шу баша доклонихся; и бысть пущь, и не можаше бо ни паки чернецъ живъ быши, злыхъ ради Араполь, и баше монашпырь чудень и хорошь при Ерданъ. Ерданъ же ръка быспра и велии глубока, а не широка, бережнста (а вода въ ней бѣла), всшущи въ него, ино по колъну; а идешъ съ ношци въ полудне, а идешъ въ Мершвое море, помошило Содомы и Гомора. И поидохъ возлъ Мершвое море, и наидоша на ны злыи Араполове, и возложиша на мя раны доволны, и ошшавивша мя въ полымершва, ошьидоша во свояси: азъ же не моги, едва возмогохъ

доиши Савина монастыря, на удолю Асена-повъ, и быхъ шу 8 дени, и упокоиша мя свящии ошци шарци; шарцовъ бо быше 30. И ошшуду идохомъ въ Сехимъ Аравскій, иже зовешся Рахиль, идѣже естѣ гробъ Авраама, Исаака и Якова, Сарры и Ревеки: и ошшоль, возрѣмъ горъ, споишь дубъ Маврійскій, идѣже Авраамъ свяшую Троицу учреди; и естѣ гробъ, подъ шѣмъ дубомъ, Іова Авсѣдйскаго и Іона Пророка. И привелъ Царь Соломонъ воду изъ Ссихиме, сирѣчь изъ Халима, во церковь Свяшая свящыхъ. И ошшоль поидохъ ко Адовымъ врацомъ, и видѣ враца Адова. И ошшоль поидохъ къ Діоклишьяновъ полатѣ, идѣже свяшаго великаго мученика Георгія Діоклишьянъ мучилъ и съ горы спущалъ на ошпрые желѣза. Полатя Діоклишьянова велика добръ, съ городъ невеликой; нынѣ въ шомъ мѣстѣ церковь свящій Георгій, и естѣ во церкви шой чѣпъ желѣзна, въ чемъ мучили его, велика, въ шѣну дѣлана: сею чѣпью болящии знаменаются, исцѣленье приемлюшь. И ошшуду поидохъ въ домъ Захарьинъ, въ подгорье; естѣ въ шомъ мѣстѣ ромештво Іоана Предшечи, и естѣ шу кладязь: шолко дѣвици испьешъ шое воды, а не сохраниши дѣвства своего, ино ему уста позлаштѣюшь, сія же вода взовъ естѣ на обличеніе. А къ кладязю приводилъ Іосифъ Пречистую на искушенье, ошшуду бышь во чревъ ея: вода бѣ горка, и какъ Пречистая испила, шако дошѣлася сладка. И ошшуду поидохъ къ камени, идѣже Елисаветъ скрыся со младен-

цомъ, опъ Иродовыхъ слугъ. И опшуду по-
 идохъ во Внеліомъ, и шу споишь церковь
 Рожество Хриспво, чудна велми, надъ вер-
 шепомъ и надъ яслими, гдѣ Хриспосъ роди;
 ни во Іерусалимѣ шакіа нѣспъ: и еспъ въ
 ней 40 сполповъ опъ краснаго мрамора, чуд-
 наго аспида; печераже и ясли съ лѣвую ру-
 ку, подъ олшаремъ. Держишь ея капланъ
 Фряжскій, сіирѣчь попъ. И лѣзучи въ пе-
 черу, самыхъ дверей съ лѣвую руку, еспъ
 кладязь, въ немъ же видишся на днѣ яко
 звѣзда; и шу бихомъ челомъ, и цѣловахъ
 печеру и ясли. И опшолъ поидохъ ко
 гробу Рахѣлину; гробъ же Рахѣлинь спои-
 шь межъ Внеліомомъ и Ерусалимомъ, на
 Египетской дорогѣ. Шель Іаковъ изъ Се-
 хеми, еже нарицаешся Фараонъ (а былъ у
 опца Авраамова, и пошелъ въ Палестину,
 и до града Авраамля), и по было явлено
 жилище, и шу преставишся на дорогѣ; надъ
 гробомъ шѣмъ споишь мезгитъ Саракин-
 ская. И опшолъ 3 верспы споишь сполпъ,
 и на шомъ мѣспъ сполпникъ сѣдишь: и при-
 несе ему Апосполъ ключъ града Іерусалима
 и велѣлъ ему предаши градъ Іерусалимъ не-
 чеспивымъ, сіирѣчь Саракиномъ; уже 400
 лѣшъ владѣюшь Іерусалимомъ и гробомъ
 Божимъ. И азъ былъ грѣшный Зосима,
 ермонахъ, у гроба Божія въ лѣто 6928.
 Тогда былъ Пашріархъ Теофилъ; а во Егип-
 тѣ Салпанъ, сіирѣчь Царь, ммя ему То-
 парь; а въ Дамасцѣ Цемкакъ: се имъ Сороцинь-
 скіе имена. И опшолъ идохъ на гору,
 въ монашырь ко святому Ильѣ, еже и за-

коли жерци Вааловы, побѣже на шу гору, ошъ лица Велзаулина. И ошшуду поидохъ въ монашпырь Верскій, идѣже устѣчено древо креспу Господню; шо баше мѣсно подѣ пресполомѣ. И ошшуду поидохъ въ мѣсто, идѣже Авимелѣхъ спалъ бо. И ошшуду поидохъ въ пещеру, иже зовешся Скудельниче, иже искупиша шѣмъ сребромъ, иже Юда на Хрисшѣ взялъ, иже шу'кладупся Креспьянѣ; и во свяшомъ Сіонѣ кладупся Саракини, powyше удоля Асаѣашова, за Египетскою дорогою, иже изъ Ерусалима ко Египшу идешъ. Возвращихомся во Іерусалимъ, и внидохомъ въ шѣ враша, куды Хрисшось на Вербницу вѣхаль; мимо мѣсто, гдѣ Стефана первомученика каменіемъ побиша. Также поидохъ въ пошокъ Кедарскій, мимо Гепсиманію: Гепсиманій бо споишъ межъ Іерусалимомъ и Елеонскою горою, въ потоцъ Кедрьшѣмъ. И мимо пещеру, гдѣ Хрисшось со ученики водворилса; и мимо мѣсто, гдѣ Хрисшось, ошъ ученикъ ошходя, молился Ошду своему. И по конецъ горы Елеонскія, мимо Висавогію, сквозъ Виванію; и мимо Хрисшовъ камень; и мимо пошокъ Рисовъ; и мимо пущыню, гдѣ Хрисшось послися 40 дней; и мимо градъ Ерихонъ, къ Предшечеву монашпырю, и шожъ къ Іердану. И поидохъ ошъ Іерусалима въ Палестину, съ господиномъ Папріархомъ Теофиломъ, и его поцъ Акимъ (сей Акимъ умѣешъ грамоту Арапскую и Греческую, любимъ Папріархомъ велми, по немъ хочешъ быти), Аѳонасей духовникъ и Варѳоломей: и

приидохомъ во градъ Араамль, иже во Евангеліи писано естъ: гласъ во Арамъ слышанъ бысть. И ошполъ поидохомъ въ Лиду, идѣже великій мученикъ Георгій, главу ему усткнули. И ошполъ поидохомъ во градъ Ячу, еже зоветься во Апостолъ Опій: сей градъ стояше при морѣ, идѣже Пепиръ Апостолъ видѣ, въ семь градъ, плащаницу съ небесе. И ошполъ поидохъ въ корабль, и шу быше пристанища корабленая; и идохомъ 300 миль, и приспахомъ ко оспрову Кипрьскому, въ лимень, ко граду Кійскому: шупъ быше Лазарь чешвероденевный Епископъ былъ. И ошполъ поидохъ на гору, идѣже крестъ стояшъ благоразумнаго разбойника, воздухомъ держимъ; гораже быше висока велми. А другая гора быше возлѣ шу, на ней же родишся ладанъ черный, падаешъ съ небеси, мѣсяца Іюля въ Августа, росю: сущъ бо по горама шѣмъ дровца мала много, низка, съ правою равна, и на шѣхъ дровцахъ емлюш ладанъ шой. Въ семь же оспровъ градъ великій, сполный, Левкусія: шупъ съдишъ Рига Фряжскій, сирѣчь Князь, обладаешъ всѣмъ оспровомъ шѣмъ; и братъ его Арцибуршъ; Греческихъ Епископъ 4, а два мїрянина и два чернца. Во всѣхъ же церквахъ Греческихъ со органы поюш на великіи праздники. А 2-й градъ Кирина: въ семь градъ родишся сахаръ, и рожки, продья, аспиди, мусъ пала. Ошполъ естъ 10 верслѣ село Княже, зоветься Оморео, сирѣчь хорошее, шу шакоже родишся сахаръ; и шупъ лежишъ свяпый Мамасъ и почишъ на свой праз-

дникъ муро. 4-й градъ Сирурій, 5-й Лемошь, 6-й Епаеа, 7-й Ниптѣя, идѣже былъ Лазарь чешвероденевный. И пребыхъ въ семь оспровъ, во градъ Левкусіи, полшора мѣсяца; монаспыръ воевешя Бивій. И поидохъ во корабль, и идохъ 500 миль, и видѣхъ землю и горы, ихъ же есми ни въ писаніи слышашъ; и ходихъ по лукоморью, и приспахомъ ко оспрову Родосу. Сій же оспровъ предали Апостоли ко Апостольской церкви въ Римъ: и сѣдишъ, ошъ Папы Римскаго, Мистръ великій, и всѣ у него Крестоносци и церковные люди носяще креспы, на лѣвыхъ плечѣхъ на поршищѣхъ нашиваны; и шу ешь Мишрополишъ Греческій, и Епископъ, и пошъ мірянинъ. Противъ острова шого ешь градъ Крошурійскій; въ шомъ градъ, по всей земли шой, олны до Миръ, шу родишя шемьянъ чернй: съ дрѣва лупашъ, и мажущъ его масломъ дрѣвнымъ, и вышпуаешъ яко мезга, и снимающъ его оспрыми желъзы, яко сокъ (имя дрѣву шому зигна, ешь олга образомъ), и перешапливають его, и чинишя чернъ. И поидохомъ въ корабль, и плыхомъ 2500 миль: и на среди пуши, наиде на насъ корабль Нотаньскій, разбойници зли, и разбиша нашъ корабль пушками, и возскакаша на нашъ корабль, аки дивіи звѣрие, и разскашя нашего корабленника на часпи, и ввергоша въ море, и взяша яже въ нашемъ корабли. Менеже убогаго удариша копейнымъ раповищемъ въ груди, и глаголюще ми: калугире, поне дукаша кърса, еже воевешя денъга золо-

пая. А азъ же имъ заклинахся Богомъ живымъ, Богомъ вышнимъ, что нѣтъ у мене: ониже взяша мшелешъ мой весь, менеже убогаго во единомъ сукманцѣ оставиша; и скачуще по кораблю, аки дивнѣ звѣрѣе, блискающесе копыи своими, и мечи, и саблями, и попоры широкими; мяю азъ, грѣшный Зосима, яко воздуху успрашишися ошъ нихъ. Паки въздоша на свой корабль и ошъздоша въ море. Мыже приспахомъ ко оспрову Мишилину, и шу быхомъ не мало деней; ошполъ пойдомъ въ Коспяншинградъ, и шу зимовахомъ всю зиму. Мвсѣца Маѣя пойдомъ на Черное море, изъ Коспяншинаграда, и донесе мя Богъ Рускія земли, гроба своего, милоспью его и всѣхъ Іерусалимскихъ мвсѣшъ. Будиже се написаніе всѣмъ намъ причащающимся благословеніе ошъ Бога, и Святаго гроба, и ошъ Святыхъ мвсѣшъ сихъ: мзду многу равно пріимупъ съ ходящими до святаго града Іерусалима и видѣвшими свята сія мвста. Блажени бо видѣвше и вѣроваша; преблажени бо не видѣвше вѣроваша: вѣрою бо приде Авраамъ въ землю Обшованную. Поисшинъ бо вѣра равна добрымъ дѣломъ. Но Бога ради, брашя, и опци, и господіе мои, сынове Русіи! не зарише моему недоумѣнію и грубосши моей? да не будешъ ми въ похуленіе написаніе се. Не мене дла, грѣшнаго челоуѣка, но Святыхъ дла мвсѣшъ, прочитайше съ любовію и вѣрою; да мзду пріимете ошъ Бога и Спаса нашего Ісуса Христа, да Богъ будешъ со всѣми вами, Аминь.

А се подъ Египетскимъ Княземъ Салшаномъ градовъ: 1 Египетъ, 2 Иерусалимъ, 3 Александрія, 4 Газъ, 5 Дамаскъ, 6 Антіохія, 7 Верушъ, 8 Дриполь, 9 Араамля, въ Палестинѣ, 10 Лида, 11 Виеліомъ. А по Пенескому морю, сіиръчь по Бѣлому, иже за Царемградомъ, оспрововъ: 1 оспровъ великій Кипрскій, 2 Мелешинъ, 3 Родось, 4 Иришъ, 5 Венешія, 6 Пашма, 7 Спихія, 8 Лимоносъ, 9 Лимбро, 10 Тигрій, 11 Мармаро; а сего оспрова 100 миль до Царяграда. Се Патріарху Іерусалимскому, на обѣднѣ, кличущъ: „Игумену и Патріарху свящаго Іерусалима, Галилѣя и Аривія свящаго Іердана, Палестина, полашаеци,“ еже естъ многа лѣша. А се десяшокъ Греческій: ена, діе, шрисъ, пендіе, ексіе, ееша, окшо, нѣя, дека, шрильанда, сарамнда, пенеинда, овдомина, егдонда, ененинда, аркашо. А се десяшокъ Арапской; Вахошъ шре иншеляшъ арбахамъ се сешъ себя шимени пелесе ашисрь аршикнъ шелляпинъ амбриянъ хамсининъ сечвешинъ соопейнъ шимепеншы сейнъ миръ. А се Богу имена: Жидовскіи Аданан, Арапскіи Гаала, Греческіи Феосъ, Арменскіи Аршвачъ, Ташарскіи Тенгріи, а Русскіи Богъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

СТИХОТВОРЕНІЯ,

П Ъ С Н Ъ .

изъ Валленрода.

По дну водошому прекрасной *Виллы*
Бѣгутъ голубые, какъ небо, струи:
Литвинка къ нимъ ходитъ за свѣжей водой
И сердце въ ней чище струи голубой.

Въ долину блязь Ковна бѣжишь *Вилля*;
Тюлпаны, нарциссы на брегъ ея: —
Съ Литвинки не сводяшь Литвины очей;
Цвѣшь юношей нашихъ и розы свѣжѣй.

Вилля презираетъ цвѣтами долины
И *Нѣмана* ищетъ — онъ милъ ей одинъ:
Литвинка шоскуетъ въ долину родной,
Плывиль ея сердце красавецъ чужой.

Безжалостный *Нѣманъ* подругу обнялъ,
Черезъ горы и дикія степи помчалъ,
И сжавъ ее сильно въ холодныхъ рукахъ.

Погибъ онъ съ ней вмѣстѣ въ морскихъ глубинахъ
Ахъ также Литвинку прилець молодой
Похититъ навѣки съ долины родной;
Литвинку поглотитъ забвенья волна,
Бѣдняжка погибнетъ — погибнетъ одна!

Сдержатъ ни пошока, ни сердца не льзя,
Дѣвица пылаетъ — бѣжитъ *Вилля*
И въ миломъ ей *Нѣманъ* понетъ она.

Литвинка льетъ слезы въ темницѣ одна!

Ю. Познанскій.

А Р А В І Й С К А Я Д В А .

Гибокъ станъ моей любезной
 И какъ въспрь она легка ;
 Свѣшишь солнце поднебесной,
 Если нѣжная рука
 Черны кудри , шелковиты
 Надъ челомъ сберешь волной.
 Не смотри , что на ланишь
 Пурпуровое пятно ,
 Посмотри на цвѣтъ пусыни ,
 Полувскрышійся шипокъ : —
 Въ немъ чернѣешь сердцевина,
 А вокругъ златой листокъ.

Муравьевъ.

 П Е Р В О Е П Р И З Н А Н Ь Е .

Ты слышалъ ли , въ дали небесной
 Какъ звучно жавронокъ поеть ?
 Какъ ошь земли , воспоргамъ пѣсноѣ ,
 Стремишь онъ къ небу свой полеть ?
 Кружася пѣснь легко заводишь ,
 Трель подробишь и смолкнешь вдругъ.
 Пѣвца взоръ ищешь — не находишь ,
 Но долго пѣснь лелѣешь слухъ.
 Ты зрѣлъ ли , съ висошы крушистой
 Какъ льется шумно водопадъ ,
 Какъ въ каждой каплѣ серебрястой
 Ошпѣнки радуги горяшь ?

Окрестный берегъ воешь , спонешь —
 Парь онѣжный вѣшся въ вышнѣ! —
 Ты далеко , — а взглядъ пвой пощещъ
 Еще въ сверкающей волнѣ.

Ты понялъ дѣвы пламень спрасной ,
 И огонь лѣнишь , и помноошь глазъ ,
 Когда заспѣнчиво , неясно
Люблю промолвить въ перый разъ ?

Огонь сей душу пламенѣешь , —
 Онъ для очей неувовимъ ,
 Онъ слаще пѣсни грудь лелѣешь ,
 Онъ ярче воднѣ въ душѣ хранимъ !

Ознобимимъ.

ГОРАЦІЙ КЪ СЕКСТІЮ.

Просыпается весна ,
 И рѣзвась въ лугахъ , Фавоній
 Съешь росы благовоній ,
 И надъ моремъ шишина.

И дремавши корабли
 Въ дни шоржешвенной природы
 Сходяшь весело на воды,
 И бѣгушь родной земли.

Замуравлялись луга , —
 Спядомъ спойлы позабышы ,
 И орашай домовишнѣй
 Не сидишь у очага.

И въ сіяніи луны
Хоры Нимфъ и скромныхъ Грацій ;
Подъ душистымъ сводъ акацій,
Цишереей созваны.

Въ часъ, когда Циклопы въ лѣдъ
Тяжкими бьютъ молошамя ;
Нимфы легкія снопами
Съ муравою говоряшь.

Сексіій! дорожи весной !
Бѣглая не долго съ нами,
Увѣнчай чело цвѣтами
Или мирной молодой.

Смерть равно спучишь ногой
Въ двери бѣдной сельской хаты
И въ черное Царей богатый ;
Сексіій! дорожи весной !

Наша жизнь шакъ корошка ! . . .
Чшожь на долги надежды
Проспирашь съ заботой вѣжды
И смошрѣшь издалека ?

Придешь часъ и Сексіій — прахъ —
Ты пойдешь на новоселье —
И тогда уже веселье
Не найдешь себя въ прахъ.

ОСЕНЬ ВЪ ЛИФЛЯНДІИ.

(Д . . . Н . . . Б - ну)

Взгляни на эшошь видъ знакомыхъ намъ садовъ ,
Гдѣ я одинъ съ пошухшими очами ,

Порой осеннею , бродилъ , въблизи дерѣвъ ,
 Какъ стѣнь безмолвная межъ длинными рядами
 Разбросанныхъ крестовъ . . .

Еще вы милы мнѣ въ послѣднемъ украшеннѣ ,
 Древа поблеклыя , судьбы моей печать !
 • Природа дивная и въ самомъ изнуреннѣ ,
 Во всемъ , какъ другъ-отецъ , насъ любилъ поучать .

Сей сводъ огромныхъ липъ съ багрянцомъ пожелтѣлой
 И мертвые лисы на зелени береговъ ,
 Блестя въ стеклѣ пруда , душъ осиротѣлой ,
 Твердятъ о будущемъ , какъ вѣчный сонъ гробовъ . . .

Гляди , какъ межъ деревъ , превращено опраженнѣ ,
 Сей замокъ рыцаря , съ тяжелой красотой ,
 Дрожитъ на влажности , въ туманы облаченный ,
 Превращенность счастья явля намъ собой .

Сей замокъ нѣкогда столь грозный , столь ужасный ,
 Ошколь въ вѣкъ рыцарства свирѣпствовалъ шаранъ ,
 Споилъ въ безмолвіи , какъ ночи призракъ страшнѣ .
 Какъ бы межъ трупами оставленный шаранъ .

Доспѣхи латниковъ не блещутъ по долинѣ ,
 Не мчится гордый конь къ опущеннымъ мостамъ ;
 Одиъ развалины на дремлющей пустынѣ
 Пришельца новаго спращаютъ по ночамъ .

Природы тайный жрецъ , какъ бы въ уединеннѣ ,
 Одиъ бесѣдуя съ печальной мечтой ,

Здѣсь новыхъ рыцарей я видѣлъ предъ собой
И новыи миръ шворилъ въ моемъ воображеннѣ.

Вѣка прошекшіе вспавали изъ гробовъ,
Когда душа моя взоръ къ небу устремляла,
И гордая луна, какъ лебедь, выплывала
На влагу синюю изъ черныхъ облаковъ . . .

Золотой Рожокъ.

ВСТРѢЧА.

Старикъ

Куда ты, Лила, шакъ спѣшишь?

Лила

Иду я въ поле за цвѣтами.

Старикъ

Но ты, краса цвѣшовъ, грустишь?

Лила

Смѣнились радости слѣзами.

Старикъ

Скажи, о чемъ печаль швоя?

Лила

Навѣкъ лицилась друга я . . .

Старикъ

На чтожь цвѣшны печальной Лилѣ?

Лила

Разсыпашь на его могилѣ . . .

И. Сусловъ.

П Р О З А.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ БАЗЕЛЬСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА, И. Л. БУРХАРДА (1).

(О своемъ портреть, головѣ Мемнона и объ Арабскихъ рукописяхъ.)

Каирь. 28 Декабря 1816.

„Прежде всего долженъ я побесѣдовать съ тобою о портреть, любезная машушка; ты можешь шерде положишься на мое слово; я однажды сказалъ тебѣ, что онъ долженъ бытъ и будешь сдѣланъ. Но Г. Сальсъ очень занятъ: вѣкъ уже почти два мѣсяца какъ онъ въ Александрію. Мы ожидаемъ его сюда на будущей недѣль, и я ошь него не ошспану, пока онъ не выполнишь своего обѣщанія. — Колоссальная голова мѣ верхняго Египта, о кошорой я уже говорилъ тебѣ, доведена сюда благополучно и черезъ пять дней ошправился въ Александрію: Мальшійскій Адмираль обѣщаль прислать въ Александрію корабль, чтобы ошправитъ ее въ Англію; это для меня въ особенности пришно пошому, что весьма облегчитъ наши издержки, кошорыя и безъ того уже проспираются до 400 лупдоровъ, и конхъ половину я долженъ былъ принять на себя. Къ счастью, въ послѣднюю поѣздку мою издержаль я шакъ немного, что у меня шердеръ ошстаетъ въ рукахъ порядочная сумма, и я могу употребитъ съ удовольшвіемъ на сію прекрасную спекуляцію, за кошорую, безъ сомнѣнія, многіе будущъ мнѣ благодарны. Я собралъ шакже довольно значительное количество 'драгоценныхъ Арабскихъ манускриптовъ, кошорыя

(1) Письма сіи получены ошь его семейства и помѣщены безъ всякой перемѣны въ слогѣ, и мы ошрались съ своей ошорой сохранишь всю простоту Нѣмецкаго подлинника.

ми обладаютъ развѣ только немногіе публичные кабинеты и навѣрно не имѣешь ни одинъ частный человекъ въ Европѣ; почти 350 часшей избраннѣйшихъ рукописей, большею частію историческаго содержанія, есть величайшее сокровище; шѣ, которымъ извѣстно, какъ трудно доставать ихъ въ Сири и Египтѣ, вполне оцѣняешь трудъ мой.“

(Еще нѣчто о томъ же предметѣ.)

Каирь. 24 Мая 1817.

„Ты желаешь знать, любезная машушка, о колоссальной головѣ; она благополучно прибыла въ Александрію и ожидаетъ только корабля, который обѣщала выслать за нею Комманданшъ Мальшы; въ ней будешь вѣсу около 300 центнеровъ. Между шѣмъ получила я извѣстіе изъ Англии, что тамъ ожидаютъ ее съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Многіе путешественники выдали ее въ Египтѣ, и къ тому же она еще извѣстна по многимъ описаніямъ; Французы, въ огромномъ и пышномъ швореніи своемъ объ Египтѣ, сознаются, что это есть лучшій остатокъ Египетскихъ древностей, и во время своего пребыванія здѣсь они щепотно покушались перенести ее. Къ величайшей моей радости посчастливилось мнѣ быть участникомъ въ семъ предпріятіи, и я надѣюсь, что это порадуешь нѣкогда себя и всѣхъ друзей моихъ. Она стоила мнѣ по сихъ поръ 150 лундоровъ, и можешь быть до 50 еще понадобится на нее исплатить. Господинъ Сальшъ платитъ за другую половину, и сія небольшая издержка доставитъ Британскому музею обладаніе такого сокровища, которое безъ всякаго сомнѣнія стоило отъ 3 до 4000 лундоровъ, и возвыситъ не только одно мое имя, но и всѣхъ Швейцарцевъ въ мнѣніи Англичанъ.“

(О своей болѣзни и другихъ препяшствіяхъ. Замѣчанія о Меккѣ и Мединѣ.)

Изъ Каира отъ 2 Августа 1815.

„Горячка въ Джиддѣ, сильный повторительный припадокъ въ Меккѣ, шрехмѣсячная лихорадка въ Мединѣ, оставили мнѣ весьма немного веселыхъ часовъ, и даже я начиналъ опасаться, что покину кости свои въ Аравіи. Къ тому же воспрепятствовало мнѣ продолжаніе путешествіе мое во внутренность Аравіи война, возникшая между Магомедомъ Али - Пашею Египетскимъ и новою религіозною секшою Вехабишювъ; но я имѣлъ чрезъ это случай, во время столь долгаго пребыванія моего въ Меккѣ, сдѣлать много весьма интересныхъ замѣчаній; и сверхъ того снялъ планъ съ этого донинѣ почти неизвѣснаго намъ города. Я посѣтилъ *Танфъ*, отстоящій на три дни пушя къ югу отъ Мекки, городокъ, расположенный на вершинѣ горы, копорая, по своимъ роскошнымъ садамъ и прекраснымъ фрукшамъ, называется Аравійскимъ эдемомъ. Въ Октябрѣ мѣсяцѣ соудушествовалъ я толпу, по меньшей мѣрѣ изъ 8000 богомольцевъ сосшюящую, шедшую на гору *Арафатъ*, гдѣ ежегодно совершаются знаменитые религіозные обряды, по каковому поводу собирается сюда множество Турокъ изъ отдаленнѣйшихъ земель. Мекка преобращается тогда въ огромную ярмарку, такъ что съ шрудомъ можно пробирашся по улицамъ сквозь эту толпу. Богомольцы приносятъ сюда съ собою различные шовары для продажи, — отъ этого и можно здѣсь видѣть всѣ возможные издѣлія промышленности шрехъ древнихъ странъ свѣша. Изъ Мекки отправился я чрезъ внутреннія земли въ Медину, городъ знаменитый, по находящемуся тамъ гробу Магомеда, и отстоящему на двѣнадцать дней ѣзды впередъ отъ Мекки. Едва

имѣлъ и время разсмотрѣть наружность знаменистой мечети, гдѣ находишься сія гробница, и въ нѣсколько дней оглядѣвъ вокругъ лежащія сѣраны, какъ снова ко мнѣ возвратилась моя скучная лихорадка, которая въ то время господствовала въ Мединѣ. Не имѣя ни лекаря, ни лекарствъ, я долженъ былъ все предоспаивать самой природою и ограничить себя одною діетою. Въ продолженіе трехъ мѣсяцовъ, ежедневно посѣщала меня лихорадка, и до того истомила, что по выздоровленіи моемъ едва могъ держаться на ногахъ. Намѣреніе мое первоначально было путешествовать въ Каиръ сухимъ путемъ чрезъ Медійскія степи; но шеперъ силы мои истощились, такъ что я съ большимъ трудомъ и съ величайшею нуждою допался до *Ямбо*, — гавани на Черномъ морѣ, на пять дней пути отъ Медины, чтобы отплыть отшолъ на корабль въ Египетъ. Здѣсь нашель я морскую язву, которая переселилась сюда изъ Каира, и принужденъ былъ проведѣть нѣсколько недѣль между зараженными въ безпреспанной опасности, пока не сыскалъ для себя корабля. На морѣ снова схватилъ меня лихорадочный параксизмъ. Я приказалъ тогда, чтобы меня высадили на землю, на полуостровъ горы Синайской, и прожилъ тамъ 14 дней между Арабскими, прѣкрасно расположенными деревушками, близъ горы Синая, гдѣ снова я оправился отъ лихорадки. Отшолъ пустился я сухимъ путемъ чрезъ Суецъ въ Каиръ, и неудобства этого путешествія, во время котораго я весьма много страдалъ отъ знойныхъ вѣтровъ, произвели третій лихорадочный припадокъ. Но, благодареніе Богу, шеперь я снова выздоравливаю, хотя еще и слабъ, и думаю, что воздухъ Александріи будетъ для меня весьма полезенъ; черезъ нѣсколько дней я намѣренъ туда отправиться. — И такъ вотъ тебѣ, любезная матушка, краткое описаніе моего путешествія, которыми я остаюсь совершенно доволенъ, хотя и не

успѣлъ выполнить всѣхъ моихъ намѣреній, кошормя сначала-было предположилъ себѣ; но такъ обыкновенно случается во всѣхъ путешествіяхъ, и я ни одного не оканчивалъ съ совершеннымъ успѣхомъ, какъ бы мнѣ желалось. Я видѣлъ много новаго, многихъ людей изучилъ я, но ошъ этого и самъ поусшарѣлъ; всѣ мои здѣшніе знакомые и самое зеркало увѣряють меня, что мое осмуглѣвшее желтое лице и густая борода скорѣе представляють изъ меня челоуѣка въ 40 лѣтъ, нежели 31 года, какъ я себѣ счишаю.

(О моровой язвѣ и оспѣ.)

Каиръ. 16 Апрѣля 1816.

Здѣсь, въ продолженіе 4 лѣтъ, пошюянно въ началѣ года показывается язва. Турки думаютъ, что „*esse napisano zarante*“, и что челоуѣкъ, опредѣленный на смерть, никакими средствами не можешь ошъ оной избавишься. По этому самому они вовсе и не запираются во время язвы, и всякую предосторожность и укывашельство ошъ оной сочлибы оскорбленіемъ Богу; а пошому и погибають шислчачи какъ жертвы ея иштребишельной ярости. — Но въ послѣднемъ году замѣшл я въ жишеляхъ совершенно особое мнѣніе: во время моего пребыванія въ Ямбо, гавани, лежащей на Черномъ морѣ, гдѣ свирѣдшвовала болѣзнь сія, я, не имѣя никакой возможности заперешся, увидѣлъ, что большое число жишелей бѣжало въ горы; на сдѣланный имъ вопросъ, чего они болясь? и на слова мои, что если уже положено умереть имъ, шо смерть найдеть ихъ и между горами, они ошвѣчалъ: „Язва ешь милосшъ, низпосылаемая Богомъ на землю, чтобы призвашь скорѣе людей добродѣшельныхъ на небо; мы чувсшвуемъ, что еще недостойны сей милосши и

„убѣгаемъ оной до времени лучшаго.“ Къ довершенію моего злополучія, я не могъ бѣжать; я ожидалъ корабля, чтобы отправиться въ Египеть, и все еще былъ боленъ лихорадкою, кошорая такъ долго меня мучила въ Мединѣ. Во время пребыванія моего тамъ замѣтилъ я, что мой невольникъ каждое утро, предъ солнечнымъ восходомъ, оставлялъ караванъ-серай, въ кошоромъ я жилъ, и по прошествіи часа снова возвращался. Когда я спросилъ его, куда онъ ходилъ; то узналъ, что онъ всякой разъ ходилъ на морской берегъ, чтобы обмывать тамъ мертвыхъ, которые умирали во время ночи, и каждое утро выносимы были на морской берегъ, дабы, по Турецкимъ обычаямъ, совершенно можно было ихъ вымыть предъ погребеніемъ. Невольникъ мой, помогавшій имъ въ эшомъ случаѣ, какъ онъ говорилъ; „чтобы обратишь къ себѣ милосердіе небесное,“ весьма удивился, когда я ему строго запрешилъ никогда впередъ не прикасаться къ мертвымъ, и отвѣчалъ мнѣ: „уже ли я запрещу шакже сму самага меня омышь, если умру?“ Въ черныхъ земляхъ моровая язва вовсе неизвѣстна; но оспа тамъ столь же опасна какъ зараза и опустошаетъ часто цѣлыя области. Весьма недавно начали употреблять прививку коровьей оспы въ Сиріи и Египтѣ.

Отрывокъ изъ письма, 16 Января 1811.

Восточный образъ путешествія

„Самое странствованіе по степямъ для человѣка одинокаго, окруженнаго людьми, кошорымъ вѣрности весьма сомнительна, безъ всякихъ удобствъ, ничаго зноемъ и насъкомыми, имѣешь свои величайшія прелести. Посмотрите на путешественника. Товарищи будящъ его задолго до солнечнаго восхожденія; онъ ос-

шавлаешь обитателя подвижнаго шатра, благословляя его за гостепріимный пріемъ его въ ночное время и за обильный ужинъ. Верблюды молча идутъ по ушомышальной дорогѣ и издали сквозь мракъ пустыни напечатлываютъ путь къ ближайшей переночковкѣ. Выкашывается пошомъ солнце въ неописанномъ величїи надъ песчанымъ моремъ пустыни, и чье сердце будетъ шакъ безчувственно, чтобы не исполниться хвалою къ Всевышнему, Коего благость и провидѣніе содѣлываютъ спранника и въ самой Аравїи? Прохлада ушрениаго воздуха продолжается весьма короткое время; спусти шри часа по восхожденїи, воздухъ накаляется отъ лучей солнечныхъ; но предусмотрительный спранникъ накрывается шолстою епанчею, сквозь кошорую знойные лучи проникнуть не могутъ, а его вѣрное, вьючное живошное несетъ мѣхи, наполненные водою, кошорыми онъ можетъ мгновенно утолить свою жажду (*). Арабы обыкновенно привѣтствуютъ восходящее солнце пѣніемъ и веселыми разговорами; но все умолкаетъ, какъ шолько солнце становится приближаться къ полдню; все ушладается надеждою доспичь скоро прохладнаго ручья, гдѣ уже заранѣе располагаютъ переночевку. Между шѣмъ главный вожакий, въ самые знойные часы дня, даетъ знакъ къ успокоенїю; шогда верблюды ложатся въ кружокъ около своихъ хозяевъ и обозовъ, и всякой суешнтся, въ шѣни своего верблюда и завернувшись въ плащъ, предаются на нѣсколько часовъ освѣжнтельному сну. Въ эшѣ - шо минушы спарался я, вшайнѣ, подѣ

(*) Но Вуркардъ замѣчаетъ давно, что такой обычай не водится между караванами Аравїи и Нубїи. Обыкновенно спятъ шолько при общей дневкѣ; кто ѣдетъ ранѣе, вѣчншается вѣлѣженнмъ, и про него бы оказали, „что его рошѣ приаказатъ къ отверсншю воднаго мѣха.“ (См. Путешествїе въ Нубїю.)

моимъ плащемъ повѣришь журналу моему сдѣланныя мною замѣчанія. Выспундеріе въ походѣ скоро однакожь послѣдуешь за симъ ошдохновеніемъ, и путешественники видишь наконецъ къ вечеру зеленое пашбище вокругъ источника, куда они обыкновенно достигають къ солнечному закапу; потчасъ зажигають огни, упошребляя на шо или верблюжій сухой наземъ, обыкновенно въ шѣхъ мѣсцахъ находимый, или изсушенный солнцемъ кустарникъ, и между шѣхъ какъ одна часть каравана поимъ вьючныхъ животныхъ, прочіе готовяшь ужинъ, состоящій обыкновенно изъ поджаренныхъ лепешекъ, сдѣланныхъ изъ муки, масла и сухарей. Но весьма часто сцена перемѣняется. Путешественники вспрѣчаютъ съ многолюдною ордою дружественныхъ Арабовъ, расположенныхъ вокругъ источника. Передъ кѣмъ бы шо ни было, выходятъ они изъ своихъ палатокъ, разстилають проспниковыя рогожи или ковры въ честь пришедшаго гостя у самаго входа въ шатерь, не медля варятъ кофе и разносятъ вкругъ; закалывають ягненка или козленка и предлагають его изжареннаго, вмѣстѣ съ верблюжьимъ молокомъ, распочаемыхъ въ изобиліи. Весь вечеръ проводишь въ куреніи трубокъ и слушаніи повѣстей; вдали вкругъ раздаются пѣсни юныхъ дѣвъ Аравійскихъ. — Величественное звѣздное небо часто вырывало меня изъ сего веселаго круга; одинокій, бродилъ я вокругъ спана, давая свободное теченіе своимъ мыслямъ; я искалъ на небесномъ сводѣ ту звѣзду западную, кошорая озаряла въ шо время жилище мей любезной матери. О, безъ сомнѣнія такое путешествіе имѣешь свои прелести — даже и посреди пустынь можешь находить чловѣкъ полное для себя удовольствіе! Счастіе нигдѣ преимущественно не избрало себѣ мѣста на сей землѣ; каждый можешь найти его въ своей собственной груди, и оно тамъ свободно присутствуетъ, будетъ

ли человекъ обращаться въ кругу образованныхъ народовъ Европы, или между полудикими Арабами.

Изъ письма отъ 25 Ноября 1811.

(Образъ путешествіа Буркарда. Обыкновеніа Арабовъ.)

По истинѣ наслажденія, доставляемыя путешествіемъ по Востоку, когда оно соединено со всеми удобствами, предпочтительнѣе всѣхъ путешествій по Европѣ. Кто имѣетъ вооруженныхъ проводниковъ и палашку, раскидываетъ послѣднюю каждый вечеръ въ прекрасно расположенномъ мѣстѣ, не заботясь ни о грубыхъ почпальонахъ, ни о худшихъ еще лошадяхъ, о неопрятныхъ гостинницахъ, онъ ѣдетъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ, имѣетъ свою собственную кухню и свою постелью, и вездѣ осыпанъ учтивостями, какъ только покажетъ рекомендацельное письмо Паши. *Образъ моего путешествіа совершенно противуположенъ этому.* Я останавливаюсь каждый разъ въ грязномъ каравансераѣ; плащъ мой и земля служатъ мнѣ вмѣстѣ покровомъ и изголовьемъ. Бѣмъ я съ верблюжьими погонщиками, самъ чищу свою лошадь; и за то вижу и слышу многое, что вовсе не извѣстно покойно странствующему путешественнику. Въ путешествіи приучилъ я себя ко всѣмъ обычаямъ Арабовъ, кошорыхъ я скажу вамъ здѣсь нѣсколько словъ.

Недостаткомъ въ пошребностяхъ роскоши, равно какъ и въ первыхъ необходимостяхъ, кошорыя отвержены обитателями пустынь съ самаго дѣтства, предисало имъ устрѣенность закономъ, кошорый возбраняетъ ночныя невѣроятныя для горожанина. Часто упрямленный знаніемъ и быстрой ходьбою, будучи при дающа сну, не имѣвъ цѣлый день ничего во рту кро-

глошка верблюжьего молока и горшки муки, смѣшанной съ небольшою щепоткою соли. Обыкновенная пища его есть *фамитъ*, состоящая изъ несоленой мучной лепешки, вымѣшанной на водѣ и испеченной на золѣ изъ верблюжьего назема. Все это вкушается только по одиному захожденію; до того же времени Арабъ весь день свой проводитъ съ пощимъ желудкомъ. Когда же входитъ въ палашку гость, тогда онъ начинаешь обѣдать. Если гость человекъ значительный, тогда закалываетъ козу, и всѣ друзья хозяина называются сами бытъ у него въ гостяхъ; свареное мясо рѣжется на куски и бросается въ горшокъ, вокругъ котораго располагается все общество; каждый беретъ руками кость съ мясомъ, и откусивъ ошъ оной куска два, опять бросаетъ ее въ горшокъ, откуда беретъ ее другой, поступая такимъ же образомъ, такъ что всякая кость гложется всѣмъ почтеннымъ обществомъ и переходитъ изъ рта въ ротъ. Бѣдныхъ женщины должны довольствоваться ушами и ногами убитыхъ животныхъ.

Изъ Дамаска, ошъ 20 Апрель 1812.

(Предсказаніе и Арабская пословица.)

Дамаскъ, равно какъ и вся Сирія, находятся въ бѣдственномъ положеніи. Торговля въ положеніи весьма зыбкомъ: купецъ обдѣнялъ, земледѣлецъ пригнетенъ къ землѣ, безчисленныя селы совершенно оставлены, число народа уменьшается ежегодно, между тѣмъ какъ его нравственный характеръ день ошъ дня становится хуже: горестное зрѣлище для человека чувствительнаго, наблюдаешь послѣднее дыханіе умирающаго Царства, и тѣмъ еще горестнѣе, если воспоминаніе представляешь ему въ то же время землю, болѣе и бо-

лѣе стремящуюся къ совершенству. И оно также со временемъ подпадетъ подъ желѣзную руку судьбы, и можешь быть черезъ тысячу лѣтъ путешественники Американскіе будутъ также дивиться развалинамъ церкви Св. Павла въ Лондонѣ, какъ теперь Англійскіе путешественники изумляются нѣкогда царственной Пальмирѣ (1). Дѣла рукъ человѣческихъ исчезающъ. Долговременность произведеній ихъ шворческаго духа и память ихъ дѣяній свидѣтельствуютъ, что слава добраго имени есть единственная цѣль, къ которой долженъ только стремиться смертный.

Заключу письмо мое переходомъ одного маленькаго Арабскаго станса :

Всегда предметъ для сердца сладкой
Находишь пунникъ впереди ;
Онъ на прошедшее украдкой
Глядишь, но съ радостью въ груди.
Сверни же свой шапёръ широкой !
Жизнь странника утѣхъ полна !
Покинь свой край, и въ путь далекой
Сремись какъ быстрая волна, —
Зеркальная, чужда оплоша,
Въ ней сводъ сіяешь голубой :
Она пріятнѣе болота,
Заглохшаго въ землѣ родной.

(1) Здѣсь не лаяя не упомянухъ объ одномъ изъ послѣднихъ романа Американца Купера : Red Rover, по его разительному сходству съ симъ предсказаніемъ Буркарда : „Всѣ они родились въ шомъ ошдаленномъ островѣ, изъ котораго вышли цѣлыя толпы народовъ и новыи выхоташъ, и коему судьба безъ сомнѣній опредѣлила передать свое имя шому времени, когда первобытное жилище его разрушеннаго величія и силы содѣлается предметомъ удивленія и будешь посѣщаемо подобно развалинамъ города, лежащаго въ пустыни.“ (См. Красный разбойникъ Ч. 2.)

КАЛА - ЯВАНА.

ПОВѢСТЬ,

заимствованная изъ Гариванзы.

(Смерть Кала - Явана принадлежишь къ эпохѣ, почищаемой историческою: это эпизодъ войны Джарасанда прошивъ Киршны. Слово *Явана*, напоминающее древнее имя *Ивана* и *Ионійскій*, привело многихъ въ сомнѣніе, что сей Князь былъ Александръ, или какой-либо другой Греческой завоеватель. Сіе предположеніе, если бы оно оказалось справедливымъ, перенесло бы къ эпохѣ цѣлымъ тысячелѣтіемъ новѣе, Кришну и поэтовъ, его прославлявшихъ. Въ самомъ же дѣлѣ словомъ *Явана* Индійцы именующъ народъ, обитающій на западѣ, и симъ же именемъ прозывали они также всѣхъ вторгавшихся въ ихъ страну иноплеменниковъ, Могамешанъ и даже самихъ Англичанъ. Въ другую крайность, совершенно прошивуположную, впалъ Вильфордъ: въ глазахъ его Дева Кала - Явана былъ никто другой, какъ древній Девааліонъ. Можешь бышь, гораздо правдоподобнѣе было предполагать въ Яванахъ Ассиріанъ и Персовъ, кошорые въ различныхъ эпохи появлялись въ Индіи, и даже почти во времена, приписываемыя Кришнѣ. Династія Вавилонская представляешъ намъ Шалая, наследника Арз - белы (1). Я поставилъ себѣ въ обязанность предложить себѣ опривокъ моимъ читателямъ, дабы они могли видѣть, до какой степени заблужденія доводитъ насъ духъ системы. Пусть судяшь они, имѣешь ли Кала - Явана что-либо сходное или съ Македонскимъ Александромъ, или съ Даріемъ, Царемъ Персидскимъ; ибо, по мнѣнію нѣкошорыхъ ученыхъ, Кришна ешь никто другой, какъ

(1) См. L'art de vérifier les dates.

завоеватель Греческій, побддитель Азии, обезображенный Индійскими вымыслами. Впрочемъ сей Кала-Яна, кажется, царствовалъ въ странахъ, именуемой древними Арахозия, что нынѣ Кандагаръ. Проспой приемши, усмновленный Государемъ, ему предшествовавшимъ, онъ наследовалъ его царство, и пользовался нѣкоторою славою. Онъ былъ владѣтельный Князь многихъ народовъ, которые всѣ собирались подъ его знамена, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Посему неудивительно, что въ своемъ злополучіи, Цари, обитающіе по ту сторону Инда, приходять испрашивать его помощи противъ врага для нихъ общаго. Если основа сей поэмы есть историческая, то не должно однакожъ забываться, что ее рассказываетъ стихотворецъ.)

К А Л А - Я В А Н А.

Цари, соединившіеся противъ Кришны (1), неоднократно видали свои усилія нис-

(1) Кришна есть одинъ изъ знаменитѣйшихъ боговъ Индійской Мифологіи. Имя его означаетъ *гермій*, и живописцы, которые, какъ поэты, имѣють право лгать безнаказанно, придаютъ его лицу голубоватый оттѣнокъ. Подвиги его составляютъ предметъ *Магабараты*. Кришна былъ счастливый воинъ тѣхъ древнихъ временъ, державшій въ страхѣ Царей и возбуждавшій удивленіе народовъ. Онъ былъ основатель многихъ городовъ и законодатель, а пошомъ и обоготворенъ своими послѣдователями. Одинъ изъ его предковъ назывался Яду — отъ сего происходитъ имя *Ядва*, которое носить онъ и его спутники. Нѣкоторые думали найти сходство между именемъ и словомъ *Judaei*; здѣсь упоминаемыя другія имена представляли также сходство подобнаго рода; изъ этого заключили, что исторія Кришны, въ которыхъ изъ чудесныхъ о немъ повѣствованій.

проверженными доблестью повелителя Ядавовъ. Не довольствуюсь похищеніемъ у нихъ побѣды на полѣ битвы, онъ явился даже ко Двору Бишмака, Царя Видарбы (1), оспоривать и ошнить сердце Рукмини (2) у юныхъ любовниковъ, шамъ собравшихся для снисканія руки сей предешной Царевны. Пресмартый и миролюбивый Бишмака охотно принялъ бы къ себѣ въ зятя героя споль знаменишаго; но его сынъ Рукми, юный и необузданный, прошивился желанію своего опца и сестры, и пребовалъ, чшобы рука ея была ошдана одному изъ Царей, вмѣствъ съ нимъ прошивустодвншихъ могущесву Кришны.

Сей послѣдній сполько что ошавилъ Кундину (3), сполицу Государства Видар-

была сполько дурнымъ подражаніемъ нашимъ священнымъ сказаніямъ.

- (1) Видарба (Vidarbha) спрана и городъ на юго-западѣ ошь Бенгала, нынѣ Барра-Нагпуръ или Бераръ. Сіе имя означаетъ спрану, лишенную нѣкотораго рода шерпа, называемаго дарба (darbha). Говорятъ, что какой-то праведный мужъ, уколошый шеплемъ сего шерпа, положилъ на него прокляшіе; и съ шого времени оный исчезъ во всей шой спранѣ.
- (2) Рукмини значитъ *позлащенная*. Сіе слово напоминаешъ намъ эпипешъ, даваемый Римлянами Венерѣ, *aurea Venus*. Имя Бишмака совершенно прошивуположно Рукмини; оно значитъ *ужасный*.
- (3) Спихошворцы смѣшнваюшъ Видарбу и Кундину; но спю чешырнадашатая глава *Гариванзы* показываешъ, что Видарба, лежащая на полдень ошь Виндіи (Vindhya), означала край и древнюю сполицу Видарба, предка Бишмакова (Bishmaka), и что сей послѣдній имѣлъ пребываніе въ Кундинѣ.

ба, гдѣ блескомъ славы и великолѣпиемъ своего божественнаго поѣзда онъ унижилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Онъ удалялся, и уже, пренебрегая опшъ спыда и гнѣва, враги его помышляли о мщениіи. Князья изъ областей среднихъ, опшъ съвера, съ востока и запада опшкланялись Бишмакъ, желая удалиться въ свои области. Но пришехшіе опшъ юга, Джарасанда (1), Сунитша, мужественный Даншавакшра (2), Сальва, Царь Соба, бла-

(1) Джарасанда (Djarásandha), Царь Магада (Magadha), или полуденнаго Бегара, знаменитъ сопротивленіемъ своимъ Кришнѣ. Еще показываютъ развалины его дворца и древнюю спашую, которую полагаютъ его изображеніемъ; она представляетъ нагаго челоуѣка, вооруженнаго булавою. Въ честь его поютъ воинственныя пѣсни, и приносятъ ему въ даръ цвѣты. Имя Джарасанда означаетъ: *союзъ, одланный Джаромъ*, и по сему случаю рассказываютъ слѣдующую басню: Отецъ его имѣлъ двухъ женъ; одна свяшой кающійся далъ имъ манго — плодъ, который онъ между собою раздѣлили; каждая изъ нихъ зачала и произвела по полуребенку. Джара, изъ числа тѣхъ злобныхъ духовъ, именуемыхъ *Ракшаса* (Rakshasa), вырылъ обѣ сіи части, соединилъ ихъ и образовалъ изъ оныхъ Джарасанду.

(2) Имя Даншавакшра показываетъ безъ сомнѣнія природный недоспашокъ сего Государя. Оно составлено изъ двухъ словъ, которыя означаютъ *зубъ* и *ротъ*: должно думать, что онъ былъ примѣчательнень по своимъ зубамъ. Сунитша (Sounitha) означаетъ: *добродѣтельный*. Сальва (Sálva) есть имя народа, населяющаго одну область, лежащую въ среднѣ Индіи, опшъ которой безъ сомнѣнія завистло Королевство Соба (Sobha). Магакурма (Mahácóurma) означаетъ: *большая черепаха*. Индійцы полагаютъ, что

городный Магакурма, Раджарши (1) Венудари, повелитель Насмира (2) и еще другие, неупоминные прошивники Кришны, собрались для совѣща вокругъ Бишмака. „Цари!“ говорилъ имъ сей Монархъ, „вы сколько великодушны, что не можете перенести безъ швердосши шоржество соперника. Я вижу съ собользнованіемъ, скажу даже, съ живою забошою, упорное сопрошивленіе моего сына. Когда помыслию о нашихъ прошекшихъ бѣдспвіяхъ, могу только прешашъ о будущемъ. Мы должны покориться необходимости; что можемъ мы прошивупосшавить счастливой судьбѣ Кришны?“

Такъ разсуждалъ Царь Видарбы. Тогда Сальва сказалъ :

Государь! швой благородный сынъ не заслужилъ упрека, которъ шы сей часъ обратилъ къ нему. Онъ помнишь, что воишель (Kshatriya) долженъ умѣшь побѣждашь или съ швердосшію переносишь низложеніе, усугубляшь свои победы или воспашашъ ошъ пораженія. Сражашься безпрешанно, даже безъ надежды на успѣхъ — вопъ наша обязанность. И если мы исключимъ Кришну и

весь мръ ушвержденъ на черепахъ. Венудари значишь : *сокрушитель тростей.*

(1) Раджарши (Râdjarchi) — Князь, возвысившійся въ достоинство Риши — особа священная.

(2) Я думаю, что сей страны никакъ не должно смѣшивашъ съ сѣверною областію того же имени, еще и нынѣ извѣстною подъ именемъ Кашмира. Далѣе Венудари названъ Царемъ Асмана.

Балараму (1), доблестныи конхъ ошдаю я полную справедливостъ, кто изъ смертныхъ можешь ласкати себя надеждою успѣшно сразиться съ своимъ благороднымъ сыномъ? Кто рѣшился пропигнушати силъ его руки, когда онъ помаваетъ въ воздухъ ужасное и божественное оружіе, врученное ему отъ внука Бригу, могущественнаго Рамы (2)? Но если онъ храбръ, то не менѣе того знаеть, что есть крепяиствія, которыхъ и самое мужество преодолѣть не можеть. Свѣдущій въ членѣ нашихъ священныхъ книгъ, онъ знаеть, что сей Кришна, когото божественное происхожденіе должны мы признавать, моментъ бытъ еще низложенъ, хотя и не нами. Да, пропигнуспавимъ нашему побѣдипелю врага, локровишельствуемаго своею собспвенною судьбою. Муни Гаргія, подвергнувшій себя строгому двѣнадцатилѣтнему поканію, получилъ отъ Сивы (3), сына, который, по особенному дару сего бога, невредимъ отъ

(1) Баларама, братъ Кришны и его сподвижникъ на войнѣ. Въ битвахъ употребляетъ онъ оружіе въ подобіе сошника. Баларама есть Геркулесъ Индіской: слово Бала значить крѣпкій, сильный (*valdis*). Его называютъ также Бала - Дева.

(2) Было трое Рамъ: первый Парасурама; второй Рамачандра (это тотъ, о которомъ теперь говорится); третій Баларама, о комъ сей часъ упоминали выше.

(3) Сива или Мокадела (*великій богъ*) есть одно изъ божествъ Индіской происхожденіи; это богъ ужасный, все истребляющій.

ударовъ вопилей Машурьы (1). Сей избранный смертный Нала-Явана (2). Емушо предославлена слава побѣдить Кришну; чрезъ него, даже однимъ его рожденіемъ, должны будутъ совершиться предопредѣленія Сивы. Государи! я почиталъ себя обязаннымъ дать вамъ сей совѣтъ. Предлагаю его на судъ вашъ: если вы его одобрите, то да отправленъ будешь ошъ васъ посолъ къ Царю Явановъ (3); пусть узнаешъ чрезъ него, къ какому славному подвигу онъ нами избранъ.

Собравшіеся Цари благосклоннымъ шепотомъ одобряютъ сей совѣтъ. Повелитель надъ всѣми ими, великій Джарасанда, ошъчаешъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ, обнаруживающимъ, что его гордость уязвлена.

Опасеніе врага общаго соединило округъ меня успрашенныхъ Царей. Ихъ войска спеклись подъ мои знамена; престолы ихъ, хошя поколебнуты, но споянты еще. И они хошяны нынѣ прибѣгнушь къ другому союзнику, и въ нихъ видимъ ту же вѣтренность, то непостоянство, кошорыя привыкли на-

(1) Машура (Mathoura) городъ, въ которомъ родился Кришна; нынѣ Матра или Машура, на рѣкѣ Гангъ, въ области Агра. Это мѣсто Богомоля для Индійцевъ.

(2) Кала — имя, даваемое времени, которое все испребляетъ, или богу смерти. Въ семъ отношеніи ни одно имя не могло бытъ приличнѣе врагу Кришны.

(3) Индійцы называютъ общимъ именемъ *млетасъ* (mlētsahas) всѣхъ мноплеменныхъ западныхъ народовъ.

ходишь только въ женщину. Знаю, что судьба благопріятнѣе Кришны; но если это можешь принудить меня прибѣгнуть съ мольбою о помощи къ чужеземцу! Нѣтъ, скорѣе соглашусь умереть! Если же я долженъ непременно погибнуть отъ руки Кришны, Баларама, или кого другаго, одинъ пойду на встрѣчу моему жребию. Сразишься и умерешь, если должно, шаковъ законъ Брами, шаковъ мой долгъ! я не ведаю другаго.

Но если съ одной стороны я починаю для себя постыднымъ прибѣгнуть къ помощи посторонней, то однакожь не могу притивиться тому, что вы починаете благомъ общимъ. Я согласенъ отправиться къ Царю Явановъ посланника; пусть возысшишь онъ ему вашу Царскую просьбу. Но онъ долженъ съ быспротою пресѣять разсужденіе. Кришна можеть снова появляться и наказатъ насъ за наше промедленіе. Царь Собы! себя самага назначаю исполнить сіе важное порученіе. Иди, возсядь на свою колесницу, блестящую подобно солнцу. Быстро поспѣвай къ Царю Явановъ, и да узнаеть онъ изъ успѣхъ швоихъ, что собраніе Царей призываетъ его шожествовашъ надъ Кришною. Онъ великъ, могущественъ, и мы не сомнѣваемся въ успѣхъ швоего посольства.

Сказавъ сіе, Джарасанда привѣтствуетъ Гишмаку и вмѣстѣ съ своимъ войскомъ избираеть путь къ своему Государству. Слѣва спремишся на свою колесницу и, камен-

ся, разскаешъ воздухъ, несомый на крыльяхъ вѣтра. Другіе Государи равномерно удаляются: такъ окончилось сіе совѣщаніе, ошъ коего въ послѣдствіи долженствовало возникнуть столько бѣдствій.

Нала - Явана, надежда и приближенецъ сихъ Царей, былъ Государь, исполненный храбрости и мудрый. Отецъ его былъ праведный Гаргія, наславникъ (gougou) поколѣнія Ядавовъ, изъ благочестія избравшій состояніе *брамачари* (1) (*brahmachâ-gi*) и не соединявшійся никогда узами брака. Зіяла (Syâla) однажды, насмѣхаясь надъ нимъ, приписывала другой причинъ сію спрогую добродѣтель, и свяшой Муни (2), чувствительный оскорбленный сею обидою, пожелалъ имѣть сына, который бы своею храбростію заслужилъ раскаиваться насмѣшниковъ. Спрогосшіи безмѣрнаго покаенія спарался онъ снискашь благоволеніе бога, носящаго презубецъ (3); двѣнадцать лѣтъ провелъ онъ въ уединеніи, ложась на пыли или на ложъ, изощренномъ желзными спицами. Тронушый его поканіемъ, Сава возвѣстилъ ему, что онъ будетъ имѣть сына, могущесшвеннаго въ бивахъ и шполь же сильнаго, какъ всѣ дѣши Ядавовъ.

(1) Эшо первая степень жизни брамана: время, употребляемое имъ на изученіе. Потомъ переходитъ оно въ состояніе *грихаста* (*grihastha*) или хозяина дома.

(2) Такъ называются особы, ведущія жизнь въ подвигахъ благочестія и мудрости.

(3) Эшошъ Богъ естъ Сива.

Царь Ядавонъ не имѣлъ наследника: Онъ услышалъ о семъ предсказаніи, привлекъ въ свои владѣнія благочестиваго опшельника и поселялъ его на землѣ (ghosha), окруженной обильными пашвами и обитаемой смѣющимися паспушками. Одна изъ нихъ (по была переодѣшая апсара (1)) обратила на себя его взоры и содѣлалась маперью Кала-Явана. Дитя было воспитано въ гинекіонѣ Царя, которъй его усыновилъ и предоставилъ ему свое царство. Государь справедливый и добродѣтельный, Кала-Явана управлялъ своимъ Царствомъ съ такою же силою какъ и крошосію; свѣдующій, просвѣщенный, полный вѣры, онъ былъ герой мужественный на войнѣ и благоразумный въ совѣтѣ.

Спокойно сидѣлъ онъ посреди своихъ придворныхъ и благочестивыхъ брамановъ. Попеременно каждый изъ нихъ рассказывалъ ему повѣсть, въ коихъ боги по большей части были героями. Въ то время сладкій и благоухающій вѣшерокъ прохладялъ воздухъ. Вдругъ очіи ихъ поражены предметомъ, обратившимъ на себя все ихъ вниманіе. Отъ спраны полудня приближилась колесница, блестящая златомъ и драгоценными каменьями, съ сіяющимъ знаменемъ на верху и украшенная шигровыми кожами.

(1) Апсары суть небесныя музыкантши двора Индры. Вошь какъ Поэзія умѣетъ украсить грубыя подробности стѣхъ низкихъ происхожденій, столь обыкновенныхъ на Востокѣ дѣшею причудливаго сладострастія.

Нони, ее несущіе, казались споль же бы-
спирми, какъ мысль. Вспаприваюшся и уз-
нають издали Царя Собы. „Да пригошо-
влять ему дары драгоцѣнныя (arghia) (1) и омо-
вене ногъ“ сказала Каля-Явана одному изъ
своихъ приближенныхъ. Сей, услышавъ по-
вѣдѣіе Царя, вспаешъ, берѣтъ дары и спа-
новившся на души приближающагося гостя.
Сава замѣшилъ всѣ сіи движенія и во глу-
бинѣ сердца возрадовался. Онъ сходитъ съ
своей колесницы, идешь во дворець, и видя
почести, ему оказываемыя: „Помедли,“ вос-
кликнулъ онъ, „благородный Государь! нынѣ
я прибылъ къ тебѣ не какъ другъ швой, но
какъ посланникъ Царей и мудраго Джа-
расанды. Разсмопрю напередъ, могу ли я
по сему званію бышь приняшь побою.“

Нала - Явана ошвѣчалъ ему: Сіе званіе,
взвренное тебѣ справедливымъ довѣріемъ
царшвеннаго собранія, священно. Оказы-
вая тебѣ почести, въ лицѣ швоемъ чешвую
и повелишеля Магады и Царей, его союзни-
ковъ. Удоспой приняшь сіи дары; сію во-
ду, сей престоль: возсядъ подлѣ меня.

При сихъ словахъ оба Царя пожима-
ють другъ у друга руку; разсипають вза-
имныя привѣтствія; и, окруженныя всѣмъ
дворомъ, идеуть возсѣсть на престоль:

1) *Арга* или *Аргія* есть приношеніе изъ риса, цвѣ-
шовъ, воды, кунжушнаго сѣмени, ячменя и дерева
краснаго сандала, кошорое подносять въ сосудъ,
имѣющемъ форму лодочки, особъ; коей намѣрены
оказать почести. Сии предметы полезны или для
убранства, или для удовлетворенія голода.

Довѣренность, сказалъ Нала-Явана, которую полагаемъ мы на Царя покровителя, подобна доверенности боговъ на ихъ повелителя, справедливаго и могущественнаго Индру (1): она должна быть полная, и совершенно исключаетъ всякій родъ опасеній. Въ чемъ же посылающей тебя Государь можешь обмануть свои надежды? Скажи мнѣ всю истину. Какой предметъ твоего посольства? Располагайте мои могуществомъ: какова бы ни была моя просьба, я ни въ чемъ не могу отказать тому, кто тебя посылаетъ.

Царь Явановъ! ошѣтствовавъ Салы, я раскрою предъ тобою всю мысль повелителя Магады. Онъ будетъ говорить тебе моими устами; но чтобы еще болѣе возбудить твое участіе въ нашу пользу, почтаю нужнымъ изложить тебѣ бѣдственное повѣсть послѣдней битвы, которую мы вѣли съ врагомъ, кажешся, предопределеннымъ шоржествованъ надъ всеми нашими силами. Кришна (это имя того врага, ко-

(1) Рай Индійцевъ (swarga) и власть надъ богами швами второстепенными (devas) поручены одному повелителю, по имени Индра: онъ перемѣняется и можешь быть лишень своего могущества Государемъ, который совершилъ жертвоприношеніе ша коней, или святымъ, подвергнувшимся стрѣлымъ суровымъ покаяніемъ. Это самое заставляетъ его завидовать достоинству смертныхъ, коимъ родителъ его устрашаетъ; почему онъ и старается всеми силами поколебать ее. Сей повелитель боговъ измѣняется съ каждою перемѣною имени, именуемою manwantara.

рый сопротивлялся могуществу Джарасанды), Кришна удалился на гору Гоманшу. Окруженный силами всех Царей, намь союзных, казалось, что его гибель была ршена. Чтобы лучше еще бышь въ ней увррену, Джарасанда велль замечъ лсь, облегчающій гору, и пламя, со всехъ сторонъ подыжавшееся, подобно было тому, которое некогда должно испребишь мръ при концъ сего вька (yuga) (1). Баларама, братъ Кришны, съ вершины горы видинъ опасносшь: онъ ринулся чрезъ огонь, и вшоргаешся въ средину рядовъ нашего войска, которое можнобъ было уподобишь волнамъ необъяннаго, колыжющагося моря; кони, слоны, колесницы и войны, ничто не прошивишся его ударамъ. Какъ быспрая змвй, его воиншвенный сошникъ (2) вращаешся шуда и сюда, прорьзая кровавыя броды въ нашемъ воиншввь; гдъ шолько внесешся его булава, повсюду смершь за нею. Онъ опрокидываешъ, ниспровергаешъ слона на слона, пьшаго на пьшаго, колесницу на ео возницу, коня на всадника. Онъ вездъ, и если въ сей бишвъ наши Цари сйли, какъ свшозарныя сонца, шо онъ, онъ казался солнцемъ знойнаго льша, все палыцимъ, все испребляющимъ. Шоль же спрашенъ какъ Баларама, въ недалнемъ разстояннй

1) Индйцы, какъ и Греки, считали чешыре вька. Мы шеперь живемъ въ послднемъ, именуемомъ калюга (caliyuga).

2) Мы уже сказали, что оружйе Баларама ишло вьдъ сошника, въ плугъ употребляемаго.

былъ замѣненъ и Кришна. Съ высоты горы, обильной пламенемъ, дрожащей подъ его ногами, онъ спустился съ быстротою, проникая далеко въ ряды наши, подобно камню, который, лая изъ средины облака и гонимый бурною, глубоко взрываетъ землю и жметъ ее въ своемъ теченіи. Воины и Государи, всѣ испровержены, издали позавыше его *чакрою* (1) или вблизи низложенные его булавою. Песокъ устанъ шрунами людей, сломовъ и колей, имъ поверженныхъ. Въ одно мгновеніе два непріятеля распространяли безпорядокъ и опущеніе въ великомъ войскѣ, какъ бы внезапно унесенномъ вихромъ ихъ гнѣва и сожженномъ огнемъ ихъ *чакры* какъ воинственнаго *сакхита*.

Джарасанда, видя свое воинство разсыяннымъ и претепущимъ отъ страха, всиупаешь самъ на битву, окруженный множествомъ воинственныхъ колесницъ. Бала-рама идетъ къ нему на встрѣчу; нападаетъ на него какъ яростный левъ, и мыслитъ довершить побѣду, одержанную надъ цѣлымъ воинствомъ. Удары его подобны грому и вносятъ ужасъ до глубины души. Видя его, можно было подумать, что это Кришна.

(1) *Чакра* есть оружіе въ видѣ колеса, коего край сущъ тупъ и остръ. Сіе колесо, брошенное съ силою, было безъ сомнѣнія прицѣпляемо назадъ посредствомъ ремня, къ коему оно было приязано. На картинкахъ изображается оно какъ бы прикрѣпленное къ концу длиннаго рукава.

кейя (1), рашующій съ Кроучею. Его раскаленными очи, казалось, пожирали непринятая. Кто могъ прошившисьъ сему воину, возносящему свою булаву, стольже грозную, какъ ужасный скипетръ бога смерти (2). Не знаю, какія бы слезы было проливать нахъ при концѣ сей битвы, если бы голосъ божественный, сшедшій изъ среды облака, если бы самъ Врага не раздвинулъ двухъ героевъ. „О ты, терзующій истребительный сошникъ!“ въздало существо невидимое, „сїя жертва не должна погибнуть подъ твоими ударами; другому предоставлена честь закласть ее.“ При сихъ словахъ ярость обоихъ воиновъ утихаетъ; Баларама удаляется и Джарасанда остается неподвиженъ и пренеменъ ошъ гнѣва.

Наученные своимъ бѣдствіемъ, Цари, пославшіе меня къ тебѣ, великій Государь, повинующся вельникамъ судьбы; поелику ихъ мужество безсильно прошиву Кришны, они прибѣгають къ другому способу защиты. Ты только можешь подать имъ сїю помощь. Одно предсказаніе възвѣщаешь, что ты невредимъ ошъ ударовъ воиновъ Машуры. Баларама и Кришна оба рождены въ сей справъ — судьба ихъ въ швоей волѣ. Иди, Государь, — тебѣ предназначена побѣда; и

(1) Каршакейя есть богъ войны. Кроуча — гигантъ, имъ низложенный. Каршакейя имѣетъ шесть лицъ и двѣнадцать рукъ и изображается таущимъ верховіемъ на павинѣ.

(2) Богъ смерти назывался Яма или Кила. Онъ черенъ и ужаснаго вида.

мы, призываемъ тебя исполнишь швое предопредѣленіе. Ты одинъ шолько можешь удержать Кришну посреди его побѣды. Уже ли опшкажешься шы опъ сей почести? Радующіе о швоей славы, вѣрошно, шакое же мнѣніе дадутъ тебѣ и швои мудрые совѣтники. Да, Кришна должець бышь побѣжденъ шобою; онъ исчезнешь предъ лицомъ швоимъ какъ роса при лучахъ солнечныхъ.“

„Почитаю себя слишкомъ счастливымъ,“ опвѣчалъ Кала - Явана, „что могу исполнишь ваше ожиданіе. Благословляю судьбу, призывающую меня обуздашь честолюбіе Кришны. Какъ! при міра, Суры (1) и Асуры, вопще бы соединились, чтобы побѣдиль его; и меня назначаешь судьба къ шоржесшву шполь славному. Такъ, приемолю учасшіе въ дѣлѣ общемъ для Царей шполь великодушныхъ; убвждаюсь ихъ гласомъ, меця зовущимъ; и если когда-либо можно радовашься низложенію, шю я возвеселюсь шьмъ, которое будеть для меня шшочникомъ подобной побѣды. Не колеблясь, вшшупаю въ войну шполь славную. Въ нынѣшній день созвздіе (2), положеніе свѣщиль,

(1) Это имя *Девасы* или боговъ, конхъ враги именуяшся асурами.

(2) У Индійцевъ мѣсяць, обыкновенно лунный, находитшя подъ мнѣніемъ 27 созвздій болше или менше счастливыхъ; дни недѣля, посвященные шьмъ же планетамъ, какъ и наши, не равно счастливы; и между мѣсяцами ешь шакіе, которые почитаюшся шполучными. Такъ шпорникъ и шуббота почиталась днями несчастными. Въ день счастливый одиннадцатый часъ и половина двѣнадцатаго шуть часы

все намъ благопріятствуетъ. Я иду на Машуру; не все ли равно это, что идти къ побѣдѣ.“

Сказалъ, и предлагаетъ Царю Собы богатые и драгоценные дары. Даетъ Браманамъ и своему первосвященнику (pourohita) великую сумму денегъ, поручая имъ совершать обряды объ успѣхъ его оружія. Самъ же постыжается принести жертвоприношеніе огню, и располагаетъ присудить къ исполненію начатаго предпріятія. Салва, осчастливленный исполненіемъ своего посольства, обнимаетъ Царя Явановъ, и направляетъ путь въ свое Государство.

злполучные. При появленіи Сатурна Индійцы трепещутъ: если ихъ въ то время оскорбляютъ, они это переносятъ какъ естественное дѣяніе того времени. Сатурнъ въ девятомъ созвѣздіи мѣсяца предвѣщаетъ великія бѣдствія. Смотря по мѣсяцу, въ который вступаютъ въ бракъ, люди бываютъ или богаты или бѣды, немощны или здоровы, любимы или обмануты своею женою, счастливы или несчастны въ дѣлахъ. Суевѣріе и легковѣріе существовали во всѣхъ вѣкахъ. Магомещане, наследовавшіе Индійцевъ, не были чужды отъ онаго. Въ 1554 году Султанъ Гумайунъ, возвращаясь въ Индостанъ, захотѣлъ узнать, будешь ли успѣшно его предпріятіе. Онъ посылаетъ впередъ шрехъ всадниковъ съ приказаніемъ, чтобы каждый изъ нихъ остановилъ перваго человѣка, который ему повстрѣчается (такоже, говорятъ, былъ древній обычай) и чтобы спросилъ, какъ зовутъ его. Одинъ встрѣпилъ путешественника, коего имя означало *благополучіе*; другой человѣка, имя котораго выражало *наклонность*; а прещій поселянина, называющагося *счастіемъ*. Это все были предсказанія, благопріятныя для его похода.

Кришна между шѣмъ возвращался къ Машуру и помышлялъ о бурѣ, которая скоро должна была разразиться надъ симъ городомъ. Издавна божественный Народъ (1) извѣстилъ его о судьбѣ Кала - Явана, и Кришна, не выпуская изъ вида сего неприятеля, который нѣкогда долженъ былъ быть ему спрашенъ, слѣдилъ издали за всѣми его движеніями. Онъ скоро узналъ о послѣднемъ его намѣреніи, и видѣлъ, что Машура съ трудомъ перенесетъ сіе шаженіе, въ которомъ Кала - Яванъ, начальствуя своими войсками и всѣми силами Царей союзныхъ, былъ еще сверхъ того защищаемъ самимъ жребіемъ. Сколькими бѣдствіями будущъ постигнуты значающіе попомки Ядавовъ! Но Кришна сумѣетъ защищать ихъ противъ свирѣпости его враговъ. На западномъ краѣ хребта горъ Реваша (2) естъ земля, называемая *Рузастали* (3), обитаемая Ракшасами (4).

-
- (1) Народъ, имя одного святаго, сына Брами и друга Кришны. Онъ изобрѣтатель Индійской лини, называемой *vind.*
- (2) Это имя западной части горъ Витидіа (*Vindhyas*), отдѣляющихъ западную полуостровъ Индіи отъ Индостана. Реваша замѣстствуетъ имя свое отъ рѣки *Рева*, которая отшолъ вытекаеть.
- (3) Это имя дано было многимъ странамъ. Здѣсь означаетъ оно часть Гузураша во глубинѣ Кучскго залива.
- (4) Такъ называются существа злобныя и занимающія хищеніями. Они живутъ посреди гробницъ, мѣшаютъ жертвоприношеніямъ и даже пожираютъ людей. Страна ихъ лежитъ на югозападѣ.

спрана пріятная и омываемая Оксакомъ; богашая, плодоносная, покрывшая различными шравами и деревьями, наполненная живопными, или опредѣленными раздѣлять шруды челоуѣка, или служить ему пищею. Кришна посылаетъ Гаруду (1) осмошрѣшь ее, и поручаетъ ему избрать тамъ мѣсто, удобное для основанія новаго города. Самъ онъ направляетъ пушь къ Машуръ, гдѣ его ожидали шоржешвенныя почести.

На алтаряхъ лежали уже дары (poudjâ), приносимые богамъ признашельноспію смерпныхъ. Храмъ Васудева (2), ошца Кришны, украшенъ былъ шріумѣальными врапами, покрывшими знаменами, хоругвами и плющами. Врапа градскія блиспали лакомъ, соспавленнымъ изъ желшой пыли *миробалана*. Въ шожь мѣстѣ, гдѣ герой долженъ былъ ошановинься, разспавлены были балъядеры съ знаменами и вьнцами, музыканшы, пѣвчіе и комедіаншы, кошорые должнысповали образовашь различныя пляски. На улицахъ, кои были обвѣшены, разосплены были ковры и драгоцѣнныя шкани, напипанныя благовоиємъ сандала. По пра-

(1) Гаруда — существо пеловишу-человиъ, половину - птица, служащее вмѣсто коня Кришиъ. Онъ сынъ Касіана и Винашѣ.

(2) Васудева, ошець Кришны, былъ зять Короля Машуры. Жена его называлась Деваки. Имя Васудева соспавлено изъ словъ васу, *богатый* и дева, *богъ*, почетное имя, кошорое даютъ Государямъ и особамъ, прославившимся своею свяшоспію. Такимъ же образомъ и Римскіе Императоры принимали шипло *divus*.

вую и по лѣвую сторону расположены были курильницы, гдѣ горѣли сандалъ, алое, Индійское дерево, душистая смола и благоуханная камедь сарды (1). Спарцы и мужи зрѣлые, женщины и дѣти, всѣ наперевъ должны были прославлять побѣды Кришны, и его супруги, въ Гинекіонѣ, приготавливали также дары почести (arghya). Но уже издали раздался звукъ воинственной трубы побѣдителя. Мгновенно всѣ жителя стремились во срѣщеніе герою; имъ предшествовалъ Царь Угразена (2), сошедшій съ своей колесницы и пѣшкомъ идущій. Являлся Кришна, сидящій на колесницѣ, блестящей драгоценными каменьями; огонь, проливаемый брилліансами, блистаетъ на всѣхъ частяхъ его одежды; самъ онъ освѣцаетъ какъ солнце. На груди его висятъ чепки изъ драгоценнаго дерева; вокругъ него всѣ знаки Царскаго могущества: знамя (dhivadja), опахало (vyadjana), шоври (tchataga) (3) и зонтикъ. Съ трудомъ переносятъ глаза блескъ, окружающій Кришну. Угразена приближается къ нему; онъ подноситъ ему дары обычные (arghya); хочешь его привѣтствовать. Какія слова человеческія могутъ достойно восхвалять бога?

(1) Это есть дерево, называемое *shorea robusta*.

(2) Угразена означаетъ — предводитель грознаго войска. Слово *ugra*, страшный, грозный, напоминаетъ о Французскомъ словѣ *ogre*. Угразена былъ дядя Кришны по матери.

(3) Это есть опахало, сдѣланное изъ хвоста Ташарской коровы.

Кришна его увольняетъ отъ сего. „Государь,“ говоришь онъ ему, „двоякъ чувствованія давно мнѣ извѣстны: но въ шакомъ видѣ долженъ являться передо мною Царь Машуры. Войди на сію колесницу, облеки себя въ сіи знаки монаршаго достоинства и сверхъ того еще укрась свое чело сею блестящею діадимною.“ Въ то же самое время онъ даетъ повелѣніе сложить значительную часть добычи въ Царское казнохранилище. Наждому жителю Машуры раздаетъ онъ по десяти золотыхъ монетъ, именуемыхъ *динара* (1). Спихотворцы и виписи, называемые *супа* и *магада* (*soûtas et magadhas*), получаютъ оныхъ каждый по 1,000; не забышы его щедростію ни спарцы, ни женщины; и сіи черноликіе люди, прислуживающіе Царю, получили также, для раздѣла между собою, десять тысячъ *динаровъ*. Можнобъ было сказать, что по случаю возврата Кришны въ его опечесство золошой дождь упалъ на Машуру.

(1) *Динара* — золотая монета цѣны неопредѣленной, ибо въсь оной не всегда былъ одинаковъ. Сіе слово происходитъ отъ *дина*, означающее *бѣдный*: это даръ, слѣдующій отъ богача бѣдному. *Динарий* есть новая Персидская монета, и по видимому слово *динара*, встрѣченное нами, кажется, должно бы опровергать великую древность книги, въ которой мы ее находимъ. Но слово Персидское могло бытъ заимствовано отъ древняго Индійскаго слова, и даже весьма возможное дѣло, что выраженіе Лашинское *denarius* происходитъ отъ Санскрипскаго, не взирая на ту этимологию, которую стараются дать оному.

Угрозена восходитъ на свою колесницу и предшествоуетъ походу, который начинается въ городъ, при звукъ барабановъ, кимваловъ и воинственныхъ трубъ. Крикъ слоновъ, ржаніе коней, львиный голосъ воиновъ и шумъ колесницъ, составляли что то ужасное, подобное вою бури. Изъ ламъ стихотворцевъ народъ присоединилъ свой голосъ: всѣ его привѣщиваютъ своими восклицаніями. „Да здравствуетъ“ восклицаютъ ошвсюду „сей Герой, скромникъ въ побѣдѣ! Онъ великъ былъ до побѣды, славнѣе среди торжества.“ Видъ ея благородный и величественный видъ, женщины опускали голову и пѣли въ честь ея гимны. „Да,“ восклицали онѣ, „это богъ; онъ самъ Нараяна (1); изъ жилища славы и блаженства низшелъ онъ въ Машуру. Ди обитанія на землѣ оставилъ онъ млечное море, гдѣ всегда присутствовалъ; по божественное ложе, гдѣ онъ возлегалъ на великомъ змѣ (2). Это онъ, побѣдншель ганша Бали (3), вручившій Индрѣ власть

(1) Нараяна, имя Вишну; это духъ, нѣкогда посѣщавшійся надъ водами и исполнявшій жизнью людей.

(2) Вишну, божество, сохраняющее одно изъ лицъ Индійской тройственности, обыкновенно представляють лежащимъ на змѣ Ананша. Сей змѣй имѣетъ тысячу головъ, которыя, наклонясь надъ Вишну, служатъ ему вмѣсто зонша. Можно ли упрекнуть Индійцевъ въ томъ, что они въ своемъ героѣ Кришнѣ видѣли бога, когда образованные Римляне находили Аполлона въ Августѣ?

(3) Бали былъ Царь Детія (Detya) или неприятели боговъ, который добродѣтелями своими былъ у

надъ шремя мірамъ. Да здравствуйешь Кришна: онъ не Царь Машуръ, но ея Герой, ея избавитель!"

Супы и Магады (Soûtas et les Mâgadhas) учеными и звунными своими спихами восхваляють также его величіе. Они поспешенно исчисляють весь его качества, прославляють его силу, благоразуміе, великодушіе, превозносять блаженство даровавшей ему жизнь — добродѣтельной Деваки.

Такъ посреди кликовъ радости и торжества Кришна приближался къ Машуръ, кошорую въ шощъ день можнобъ было принять за божественную Амаравашу (1), перенесенную на землю. Герой отказываешся ошъ почести всшунить въ Царскіе чершюги и удаляешся въ домъ Ваоудевы. Онъ повергается къ ногамъ своего ошца и машери и воздаешъ имъ дань благоговѣнія и покорности.

Радость царшвовала въ Машуръ, а забота въ глубинѣ сердца Кришны. Сей городъ, въ кошорый онъ всшунилъ съ шакимъ торжествомъ, вскорѣ долженшвовалъ бышъ ошпазленъ своими шипелами, вынужденными искашъ другую ошчизну. Гаруда въ шощности исполнилъ порученіе, на него

близокъ получишь небо въ свое владѣніе. Трепешные боги принесли жалобу. Вишну родился въ мѣдъ карлива. Бала былъ лишень своего земнаго государствя и посланъ какъ Царь въ обласшю подземнаго, до шощго времени, въ кошорое онъ сдѣлаешся Индраю или повелителемъ неба.

(1) Амараваша — городъ небесный, шюзила Индары. Сіе слово означаетъ *безмартная*.

возложеное: новый городъ воздвигается на одномъ изъ осипрововъ Океана, не въ дальнемъ разстояніи отъ берега, гдѣ возвысились цѣль горы Ревана, и художникъ боговъ, Висвакарма (1), обнаруживаетъ шакъ свои дарованія, чтобы уготовить жилище, досшойное потомковъ Ядавовъ.

Кришна собираетъ правителей народа; онъ хочетъ говорить съ ними открыто. „Благородные Ядавы!“ говоритъ онъ „ваша могущественная возбуждаетъ зависть. Земля Машура и Врадія (2) пространна и населена. Это самое возбудило противъ насъ ненависть нашихъ сосѣдей: мы ихъ побѣдили, — и сія ненависть содѣлалась непримиримою. Оскорбленная гордостью исполнила дѣло сію зависть, которую внушаетъ имъ и сила нашихъ войскъ, и обиліе нашихъ сокровищъ, и число союзниковъ. Удивительное пренебреженіе Машуры, взглядъ на цвѣтъ сего ювешества — надежду нашей отчизны, надежду, безъ сомнѣнія, внушаетъ намъ довольную увѣренность. Но свирѣпость Дитрасанды не имѣетъ предѣловъ: онъ вооружаетъ противъ насъ враговъ, которымъ судьба не дозволяетъ побѣдить насъ. Они идутъ на Машуру, одушевленные надеждою и желаніемъ мести. Тщешно будемъ льстить себя, что успѣемъ укротить ихъ; они будутъ бичемъ, и ихъ войска столь много

(1) Висвакарма — вулканъ Индійскій. Онъ составляетъ весь чудесные шруды. Сіе слово значитъ *каменный во всѣхъ произведеніяхъ*.

(2) Врадія есть часть Государства Машуры; она была воснишана Кришна.

численны, что если бы мы и всегда осна-
 вались побдителями, то и тогда на со-
 вершенное испребление оныхъ потребны
 многіе годы. Къ томужь еще, сколько буд-
 швій, сколько опасностей для всѣхъ намъ
 близкихъ. Укроемъ ошъ ярости врага то,
 что наиболее намъ любезно. Другой го-
 родъ васъ ожидаетъ. Гдѣ вы будете нахо-
 диться, благородные попомки Ядавовъ,
 шамъ всегда будешъ ваша ошчина. Я го-
 ворилъ вамъ ошкровенно; сами разсмопри-
 те, что будешъ выгодѣе при нынѣшнемъ
 положеніи дѣлъ.“

„Единственная опора Маншуръ!“ восклик-
 нулъ Угразена, ошъ имени всѣхъ, „судьбы
 наши въ швоихъ рукахъ. Безъ себя на какое
 благополучіе можемъ мы возложивъ наше
 упованіе: нынѣ мы подобны женамъ, не имѣ-
 ющимъ болѣе покровителей въ своихъ су-
 пругахъ. Ты нашъ повелитель, нашъ ошець;
 охраняемые шобою, не спрашимся мы всѣхъ
 Царей, прошиву насъ соединившихся. Мы
 гошовы повсюду слѣдовашъ за шобою, увѣ-
 ренные, что съ шобою вездѣ будемъ слѣдо-
 вать къ побдѣ.“

Свершилось! земля Маншуръ, оставленная
 своими жителями, скоро содѣлаешся обшир-
 ною пущынею (1), поприщемъ суешныхъ

(1) Сей разекать можешъ показаться для инимъ со-
 вершенно смихошворнаго преувеличенія. Однакожь
 Исторія Восшочная многда предшавляетъ намъ и
 чудеса правдоподобными. Дели (Delhi), обшкнвен-
 ная ошница Государей Индійскихъ, нѣсколько разъ
 была покидаема для другихъ шполицъ. Разсказыва-

усилій обманушаго непріятеля. Кривыя повелѣя, и всѣ пошожки Ядавонъ, добровольные изгнанники, удаляющся изъ мѣст родины. За шумомъ празднествъ и шоркшвованій настушаетъ смѣшенная шревои поспѣшнаго переселенія. Глухой репотъ, какое-то неясное смѣшеніе всюду господствуетъ и далеко распространяется: какъ шренещущъ и подымающся морскія волны при шумъ вѣтра начинающейся бури. Явы отшправляются въ пушь. Слоны, украшенные богатыми чепраками, позлащенныя колесницы, кони, понуждаемые бичемъ юницъ, переносятъ ихъ богатышво, ихъ дѣл, дѣшей, все ихъ семейство. Это не думъ было названъ побѣгомъ; звукъ барабана раздавался въ воздухъ, но однакожъ юры часно обращались назадъ къ мѣстамъ юмъ.

Ютъ, что въ 1338 году Могаммедъ III ривиса избрали мѣстопробываніемъ своимъ города Деогуръ, что въ Деканѣ. Онъ велѣлъ жителямъ, чтобы они не медля оставили свои дома: женщины, дѣл, сшарки съ своимъ имуществомъ и спадомъ принудены отшправиться въ пушь. Чтобы предать южшорый родъ шоржесива сему переселенію, Могаммедъ приказалъ вырывать съ корнемъ деревья и расадиць правильными диніями вдоль дороги. Не изоще способовъ къ совершенію сего пуши получившпомоществованіе изъ его казнохранилища. Деогуръ принявшій названіе *Довлатабада*, или счастливый города; украсился богатыми домами, исправленными быль окруженъ широкимъ рвомъ. На холмѣ, гдѣ прежде была крѣпость, сдѣлал обширна южшохранилища и расположенъ прекрасные сады. Древшш столица совершенно опустѣла. Сіе переселеніе юлаго города шоль же необыкновенно; какъ и шшлей Манпуръ.

даемымъ. Преспарьмай Васудева управлялъ сей первую шолпою, за кошорою слѣдовали воины и начальники, предводительствуемые Кришною, составляя такимъ образомъ родъ прикрытія. Наконецъ они прибыли въ страну плодосную, насажденную *кетакми* (1) (*ketakas*), *талисами* (пальмами), *пуннагами* (*punnagas*), покрывшую спадями слоновъ и испещренную тысячью различными цвѣтами. Сіе зрѣлище очаровываетъ взоры спутниковъ Кришны: эта земля изгнанія скоро содѣлается для нихъ жилищемъ почши божественнымъ. Тамъ, на островѣ, у подошвы Реваша, недалеко отъ блестящихъ городовъ, повинующихся скипетру Царя Синдху (*Sindhou*) (2), городъ по имени Дварака (3), начертанный по планамъ Кришны, принимаетъ бѣгствующихъ Ядавовъ и вознаграждаетъ ихъ за всѣ сдѣланныя ими пожертвованія.

Съ другой стороны Кала-Явана собрали свои силы. По его призыву стеклись къ нему всѣ Цари Млеччасъ (*Mlechhas*) (4), Саки (*Sakas Sacas*), Тушары (5), Дарады,

(1) Кетакъ есть *pandanus odoratissimus*, а Пуннага — *Rottleria tinctoria*

(2) Это край, гдѣ протекаетъ Индъ или Синдъ.

(3) Дварака или Дваравати прозвана такимъ образомъ по причинѣ триумфальныхъ воровъ, ее украсившихъ.

(4) Такъ называются народы, которые не суть Индійцы: это имя есть амонимъ слова *варваръ*.

(5) Въ одной рукописи находится Тушара (*Touthara*): можетъ быть, это есть древнее поколѣіе *Turcas*, иначе называемое *Tourouchkas*.

Парады (Paradas, Parthes), Таираны, Казы (Khasas, Scythes), Палавы (Pablavas, Персіане) и сто другихъ народовъ, населяющихъ ледяныя горы, соединились для грабишельства и убійства, подобно шучамъ саранчи, все испребляющей въ своемъ шеченіи. Ужасные и другъ ошъ друга ошличные по своимъ оружіямъ и одѣяніямъ, они приближающси къ Машуръ. Безчисленное количество слоновъ, верблюдовъ, ословъ и лошадей имъ сопуястшвуютъ. Земля дрожала подъ ихъ ногами и само даже солнце было омрачено пылью (1).

Два предводителя прошивныхъ споронъ, еще до своей встрѣчи, уже имѣли другъ съ другомъ сношеніе безмолвное, но выразительное. Кришна заключилъ въ сосудъ огромную черную (2) змѣю. Сосудъ сей, за его печашью былъ врученъ надежному посланнику. Посланный являешся предъ Кала-Явана, раскрываетъ сосудъ и говоритъ: Вошь

(1) Я пропустилъ здѣсь маленькую подробность, которая, вѣроятно, есть ничто иное какъ насѣшка поэта надъ этимологисхами его времени. Онъ говоритъ, что рѣка, по имени Асвасакритъ, образовалась тогда ошъ нечистотъ всѣхъ сихъ живонныхъ. Войска Ксерксовы осушали рѣки, армія Кала-Явана ихъ производила.

(2) Надобно припомнить, что слово *Кришна* значить *черный*. Сія змѣя есть *Кришна-сарпа* или *cobra capello*. Сей анекдотъ можетъ послужить новымъ примѣромъ того символическаго языка, который упошребляли древніе народы. Такъ Скины послали къ Дарію пшцу, мышъ, лягушку и пять штрѣль. Исполкованіе, данное онымъ, всѣмъ извѣстно.

Кришна. Кала - Явана, котораго такое посольство долженствовалъ привести въ робость, беретъ сосудъ, наполняешь его крупными муравьями, снова закрываешь его и за своею печашью приказываешь опнешь обратно къ повелишелю Ядавовъ. Сосудъ оцкрыпъ, и находяшь, что змѣя совершенно изъедена муравьями, что означало великое множество войскъ непріятельскихъ, и предсказывало жребій, угошоваемый для Машуры.

Но если земля Машуры имъ была оспавлена, то это для того, чтобы укрышь жителей отъ ихъ свирѣпства. Этого было мало для Кришны; Кала - Явана долженъ былъ еще заплашшь за свою дерзость. Въ сей самый городъ, гдѣ Царь Млешчасъ (Mletchhas) торжесшвовалъ надъ развалинами, герой Двараки Госмѣиваешиа предсашъ предъ нимъ. При видѣ его Кала - Явана спремишся, воспламененный яростию. Кришна съ умысломъ обращается въ бѣгство, и съ хитростию приманиваетъ за собою своего непріятеля, повсюду за нимъ слѣдящаго. Безумный, онъ мечтаетъ овладѣшь воиномъ, который, напрошивъ того, влечетъ его къ гибели и незамѣтно приводитъ къ щещеръ Мупчукунда (Moutchoucounda) (1).

Сей Мупчукунда былъ древній Царь, сынъ Маидаша (Maudhata) (2). Онъ нѣкогда

(1) Имя Мупчукунды есть названіе одного дерева (pterospermum salici - folium).

(2) Маидаша былъ девятый Царь поколѣнія солнечнаго. Чтобы объяснить имя сего Государя, расска-

вспомоществовалъ Девамъ въ одну изъ войнъ ихъ прошивъ Асурь. Въ награду за сіи услуги испросилъ онъ себѣ глубокой сонъ до временъ Кришны. „Да испребитъ пламя раздраженныхъ очей моихъ,“ сказалъ онъ, „пого, кто осмѣлился разбудить меня!“ Индра исполнилъ его просьбу, и Государь сей, удалясь въ пещеру, заснулъ шамъ спокойно. Сія повѣсть разсказана была Кришнѣ мудрымъ Нарадою. Герою извѣстно было, какое дѣйствіе долженствовало произвѣсти пробужденіе Мунчукунда: къ нему - то привелъ онъ Кала-Явана. Самъ онъ спановишся въ головахъ спящаго Государя, благоразумно оставляя свободнымъ входъ въ пещеру и не подвергаясь чрезъ это его взгляду. Неразумный Явана входитъ; онъ видитъ Монарха уснувшаго и какъ бы безжизненнаго; онъ принимаетъ его за Кришну и грубо толкаетъ ногою. Не Кришну, но смерть онъ вызвалъ: въ сію минушу подобенъ онъ саранчѣ, приближающейся къ пламени. Мунчукунда пробуждается; онъ припоминаетъ, какою казнію можешь онъ поразитъ докучливаго, прервавшаго его сновидѣніе; онъ на него взглядываетъ, и подобно изсохшему дереву, мгновенно пораженному молніею, Кала-Явана сожженъ пламенемъ, сверкнувшимъ изъ его очей (1).

зываютъ, что онъ однажды сосалъ палецъ Индры, желая извлечь изъ онаго амброзію, и что богъ сей воскликнулъ: *māndhātā*, то есть онъ меня сосетъ. Это слово сдѣлалось именемъ сего Государя.

(1) Повѣсть сію объясняютъ такимъ образомъ, что будто Кришна употребилъ хитрость, заведя врага

Кришна, освобожденный отъ своего врага, обращаетъ тогда слово къ даровавшему ему побѣду. „О Государь!“ сказалъ онъ, „да ниспосланы будутъ тебѣ всѣ благоспешіе! Отъ тебя получилъ я услугу блистательнѣйшую; ты спалъ довольно: — меня ожидалъ ты.“ Изъ сихъ словъ Раджарши узналъ, что времена исполнились. „Кто ты?“ спросилъ онъ у Кришны: „что намѣренъ ты дѣлать въ семь мѣсѣвъ? Сколько времени длился мой сонъ? Говори, ошвѣчай на мои вопросы.“

Кришна сказалъ ему: „Одинъ Государь изъ поколѣнія Луннаго, Яйяпи (1) (Yayati), сынъ Набуша, имѣлъ пятерыхъ дѣшей, изъ коихъ старшій былъ Яду. Попомокъ Яду, Васудева, отецъ того, кто теперь говоришь съ тобою. Ты уснулъ въ вѣкѣ, именуемомъ *трета*; мы теперь въ помъ, копорый зовется *кали* (2). Въ чемъ я могу быть для тебя полезнымъ. Ты имѣешь нынѣ полное право на мою признательность, испребивъ одного изъ моихъ враговъ, копорому и самый жребій прошивъ меня покровишельствоваль.“

своего въ горы, обитаемая воинспвенными поколѣніями, съ давняго времени показывавшимися въ долинахъ. Онъ заключилъ союзъ съ сими народами и они испребили войско Кала - Явана, завлеченное въ горныя ущелія.

- (1) Это пятый Царь изъ Луннаго поколѣнія. Дева - Нагуша есть то лице, въ копоромъ иные хошаютъ признашь *Dio Nysus* — Греческаго Вакха.
- (2) Мы уже видѣли, что Индійцы считаютъ чешыре вѣка: шрета вшорой, а кали послѣдній.

Такъ говорилъ Кришна. Мушчукунда вышла изъ своей пещеры, ведомый Героемъ Ядавовъ. По мѣрѣ того, какъ онъ проходилъ свой путь, удивленіе его болѣе и болѣе возрастало. Онъ сравнивалъ прежде имъ видѣнное съ настоящимъ и не могъ придти въ себя изъ своего изумленія. Все ему казалось слабымъ и переродившимся. Люди, въ особенноти были и не столь велики и не столь сильны. Онъ не потребовалъ назадъ своего престола, кошорый не оставался упраздненъ; другіе помыслы, далекіе отъ честолюбія, его занимали. Онъ удалился на Гималію (1), чшобы шамъ предаться всѣмъ обязанностямъ строгато покаянія, и чрезъ обузданіе спрасшей и совершенное умерщвленіе плоти успѣлъ онъ наконецъ избавишься отъ сего бреннаго шѣла и вознесишь къ небу, кошорое заслужилъ своимъ дѣлами.

Кришна, побѣдя хитростию, захошѣлъ попомъ довершишь побѣду свою силою. Онъ собралъ огромное воинство, явился передъ непріятелями, лишенными своего военачальника, разбилъ ихъ и овладѣлъ неисчисленною добычею, кошорую обогатилъ городъ Двараку.

(1) Это цѣль горъ, простирающаяся по сѣверной части Индіи, — Имаусъ древнихъ. Слово сіе означаетъ пребываніе змиы.

А Н А П А.

Изъ неопубликованнаго еще путешествія къ берегамъ Чернаго моря въ 1823—1825 года, Г-мъ Тетбу де-Мариньи.

Черкесы, извѣстные подъ именемъ Хагаки, покорявшіе довольно сильному Князю, Мегмешъ Гирей-Сане, жили нѣкогда на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Анапа. Турецкая надпись, найденная Русскими на главныхъ вѣрошахъ сей крѣпости, полагаетъ основаніе оной въ 1796 году; но не подлежитъ сомнѣнію, что Турки построили оную, желая охранить себя отъ Ташаръ, бѣжавшихъ на лѣвой берегъ Кубани, и чтобы обуздать независимые народы Кавказскихъ горъ, положили первое основаніе оной въ 1781 году. Съ тѣхъ поръ сдѣлалась она, какъ прежде Тамань и Темрюкъ, которыми недавно овладѣла Россія, складочнымъ мѣстомъ для произведеній Кавказскихъ. Съ 1789 до 1810 города Анапа и Суджукъ Кале принадлежали по Русскимъ, по Туркамъ, пока наконецъ сіи оба Государства не положили по Тракпашу Бухарестскому въ 1812 году, чтобы крѣпость сія осталась за Турками. Древній видъ нѣкошорой части сѣнъ Анапы невольно заставляетъ подумать, что и до прибытія на сей берегъ Турокъ уже крѣпость существовала; да я нахожу даже, по свидѣтельству Арріана и Страбона, весьма вѣроятнымъ, что въ гораздо раннюю эпоху городъ Синдоне или Синдина занималъ то же пространство.

Крѣпость Анапа лежитъ на выси послѣдней горы Черкассій, которая мало помалу сплывающа въ расходящіяся къ сѣверной и восточной сторонамъ равнину, простирающуюся къ Кубани. Съ морской стороны сѣнъ тянутся на 850 шаговъ, а цѣлая ихъ окружность простирается на 3 четверти часа пу-

ня. Съ юга и съ запада стѣны воздвигнуты на утесахъ, возвышающихся на 30 тоазовъ оупь омывающаго ихъ моря; къ сѣверу, при входѣ въ гавань берегъ гораздо положе. Крѣпость сія, кошорая впрочемъ не можетъ выдержашь долгаго сопротивленія противъ Европейской бригады, укрѣплена нѣсколькими бастіонами, а внизу защищена рвами, имѣющими въ ширину семь тоазовъ. Изъ шрехъ воротъ, къ ней ведущихъ, восточныя всегда запершы. Довольно сильное число бронзовыхъ полевыхъ пушекъ различнаго калибра поставлено на стѣнахъ. Народонаселеніе состоишь: во-первыхъ изъ собственно рожденныхъ въ городѣ жителей; сія происходяшь оупь Татарь или Турокъ, вступившихъ въ бракъ съ Черкесскими семействами. Вторыхъ изъ Турецкихъ купцовъ Константинопольскихъ или изъ Анатоліи, кошорые по большей части проводятъ здѣсь лучшее время года; между ними послѣдними находишь впрочемъ значительное количество преступниковъ, кошорые спаслись здѣсь бѣгствомъ. Втретыхъ, изъ офицеровъ Паши, кошорые обыкновенно избираюшся изъ самаго низшаго класса народа. Обладаніе Анапою стоишь Поршѣ значительныхъ суммъ, кошорыхъ далеко не выручаешь торговля, въ семь мѣстъ производимая: ибо не шолько многіе Черкесскіе владѣльцы получаюшъ оупь Поршы значительные подарки, но она даже производитъ пенсіи цѣлымъ семействамъ. Одному Пашѣ выдаешь Порша 130,000 піаспрровъ собственно для него, печется о содержаніи его двора и принимаетъ на свой счетъ подарки, кошорые онъ вынужденъ бывать дѣлать для своей безопасности. Сверхъ того Паша пользуешся таможенными пошлинами (кошорыя, по причинѣ малозначительности торговли, весьма измѣнчивы и приносятъ ежегодно по 18, по 40,000 піаспрровъ) для своихъ собственихъ издержекъ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

(Отрывокъ изъ Путешествія Елискога Гебера съ Индію.) Одинъ изъ моихъ Индійскихъ невольниковъ, мапрось, ежедневно откладывалъ часть выдаваемой ему порціи риса для пшницъ, и когда онъ имъ бросалъ оное при солнечномъ заходѣнїи; то обыкновенно приговаривалъ: „Не я, но дѣтя мое васъ кормить.“ За годъ передъ тѣмъ потерялъ онъ единственнаго своего сына, и какъ пошъ имѣлъ привычку подобнымъ образомъ кормить ежедневно пшницъ, то отецъ продолжалъ сіе прогашельное обыкновеніе опъ имени своего сына.

(Приложеніе къ Физиологїи народовъ.) Въ одномъ Англійскомъ Полицейскомъ Журналѣ (Hue and Cry, опъ 22 Января) находишь роспись 102 Англійскихъ, Шотландскихъ и Ирландскихъ дезертировъ. Изъ лицеваго ихъ описанія можно вывести слѣдующій результатъ для физиологїи народовъ: Ирландцы имѣють равное число голубыхъ, сѣрыхъ и коричневыхъ глазъ; у Англичанъ и Шотландцевъ содержатся голубые глаза къ сѣрымъ какъ 1 къ 6; Ирландцы имѣють монополію въ широкихъ ршахъ; между Шотландцами находишь болѣе русоволосыхъ нежели между Ирландцами, а между ними послѣдними болѣе нежели у Англичанъ.

(Неустрашимость Американца.) Единственный медвѣдь, видѣнный мною въ сей землѣ, встрѣтился мнѣ въ шо время, когда я ѣхалъ изъ Канады въ Ньюйоркъ въ соупутствѣ двухъ Американскихъ господъ. Сначала увидѣли мы слѣды медвѣжьей лапы, и вскорѣ потомъ увидѣли сего звѣря, насъ преслѣдующаго, съ злымъ ли намѣреніемъ, или нѣтъ, шою я не знаю; но какъ бы шо ни было, лишь только увидѣлъ его одинъ изъ Американцевъ, шо просилъ насъ ошановишься и побѣжалъ ему на встрѣчу съ палкою. Медвѣдь лишь только увидѣлъ

своего противника, приподнялся на заднія лани (обыкновенный знак боязни), но ошь мгновеннаго полученнаго мизъ въ голову удара былъ поверженъ на землю. Въ дополнение къ оному неуспашимыи Американецъ нанесъ ему еще другой ударъ ножемъ, переръзалъ шею и оставилъ на волю въшрамъ пущи-ни сунуть его косши.

(Correspond. A. America.)

ОВЪ ИСТОРИИ ВООБЩЕ.

(Переводъ съ Нъмецкаго, изъ Schlegels Vorlesungen über die neueste Geschichte.)

Три главные предмета служатъ цѣлю для ума людей образованныхъ, и пріятно наполняютъ досуги ихъ среди гражданской дѣятельности и общественныхъ отношеній; они суть: Философія жизни человѣческой, наслажденіе Изыщными Искусствами и изученіе Исторіи.

Общая цѣль ихъ: — различными средствами обогатить и возвысить нравственность человека, и въ семъ отношеніи они равне необходимы. Особенно же изученіе Исторіи, которая постоянно сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ усилія къ высшему образованію ума, и открываетъ намъ человека въ цѣломъ съ его судьбой и силами. Безъ познанія великихъ событій прошедшаго, Философія жизни человѣческой никогда не будетъ въ состояніи очаровать и вынести насъ изъ тѣснаго круга привычекъ и предметовъ, насъ окружающихъ, какъ бы впрочемъ она

насть жи убъждала жаромъ чувствъ и волшебствомъ краснорѣчія. Даже высшая Философія, сей смѣлый и столь же важный порывъ разума человеческого, не пренебрегла постояннымъ обращеніемъ къ Исторіи развитія рода человеческого и его умственныхъ способностей, хотя впрочемъ она почти всегда заключаешь въ себѣ понятія темныя и неудобопостижимыя. Напрощивъ, Исторія, состоящая не въ одномъ пустомъ оглавленіи именъ, эпохъ и дѣяній, но выражающая и способная передать намъ настоящій духъ великихъ временъ, лицъ и происшествій, есть истинная Философія, и Философія, всякому понятная и по многимъ отношеніямъ поучительнѣйшая. Всѣми дозволено достоинство Изящныхъ Искусствъ въ высшемъ образованіи умственныхъ способностей. Но безъ той важности, которую они пріобрѣтають единственно своими отношеніями къ людямъ, къ судьбѣ и Исторіи ихъ, могли бы они показаться лишь пустою игрою или роскошью воображенія. Гайный смыслъ изящнѣйшихъ и высшихъ изображеній предсавительныхъ искусствъ и Поэзіи тогда только будетъ для насъ удобопостижимымъ, когда мы найдемъ въ основаніи возникнувшихъ въ духъ временъ, ими изображаемыхъ, или рождающихъ оныя.

Если Философія особенно занимается разумъ, Изящныя же Искусства — чувства и воображеніе, то Исторія требуетъ, или по крайней мѣрѣ должна бы требовать, для совершенствія высокой своей цѣли, всего

напряженія ума, всѣхъ душевныхъ силъ чловѣка.

Такимъ образомъ въ прекрасномъ очерпаніи, заключающемъ въ себѣ высшее образованіе чловѣка, Исторія сама по себѣ уже есть членъ, хошя и не блисшательнѣйшій, но необходимѣйшій и шѣсно связывающій всѣ прочіе между собою. Особенная же потребность изученія Исторіи имѣеть предметомъ чрезвычайныя и разительныя происшествія насшоящаго. Мысль о великихъ временахъ прошекшаго и совершенное познаніе оныхъ — вопшъ что поможешь намъ сдѣлать нелицемѣрное обзорнѣе насшоящаго, опредѣлишь мѣру его величія или упадка, и сославишь себѣ вѣрное, справедливое объ ономъ заключеніе.

Часто предметъ обыкновенный бываетъ вмѣстѣ и самымъ высокимъ. Съ перваго взгляда Исторія сосшавляетъ самое легкое начало, первое звено всякаго образованія; съ другой стороны, чѣмъ усшощеннѣе и образованнѣе разумъ чловѣчскій, шѣмъ болѣе найдешь онъ случаевъ примѣнять Исторію и извлекашь изъ оной пользу, — усшашриваешь всѣ богатштва и разгадываешь глубокой смыслъ ея. Уже ли найдешь столь пронщашедельный чловѣкъ, кошорый напередъ разгадалъ бы весь ходъ Исторіи? уже ли есть столь многознающій ученый, кошорый дерзнулъ бы сказашь, что онъ создалъ Исторію и дошелъ въ ней до *non plus ultra*? наконецъ, кто помѣтъ могущій

властитель, который дерзко презрѣлъ бы ея мудрыя наставленія?

Опличительнымъ преимуществомъ нашего вѣка есть то, что изученіе Исторіи процвѣло, какъ бы новою жизнію, и что оному предались съ большимъ рвеніемъ. — Англичане достойно заслужили честь быть первыми подвижниками на семъ прекрасномъ поприщѣ; Германцы достойно послѣдовали имъ. — Весьма не трудно назвать кого-либо изъ великихъ Историковъ Германіи, который какъ въ счастливомъ сочешаніи генія съ ученостью, такъ и въ богатствѣ мыслей уступалъ бы знаменимымъ Англичанамъ; напрошивъ того, преимущество большей оцѣнки, обработанности и обширности бываетъ несравненно чаще на сторонѣ Германскихъ писателей, нежели Англійскихъ. — Впрочемъ сужденія о достоинствахъ Германскихъ и иностранныхъ историковъ могутъ быть болѣе между собой несогласоваться, ежели въ семъ случаѣ рѣшатъ будетъ предубѣжденіе къ темъ или другимъ, или если понятія объ описательномъ искусствѣ будутъ различны. — Со всемъ темъ, весьма несомнѣнно чрезвычайное богатство Германской Литтературы отчасти совсѣмъ въ новыхъ историческихъ изысканіяхъ, служащихъ къ основательному, не одному поверхностному изученію Исторіи. — Необычайное количество произведеній въ семъ родѣ, изданныхъ и явившихся въ свѣтъ въ послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ, распространили сферу

историческихъ познаній почти столько же, сколько предъ нѣмъ въ шакое же число столѣтій.

Не смотря на сіе изобиліе, Исторія съ одной стороны еще осмѣется довольно бѣдною; ибо въ иныхъ мѣстахъ историческая истина скрывается еще подъ какою-то щемною завѣсою.

Почти общая жалоба состоитъ въ томъ, что историки пишутъ въ духъ приспращія. Въ собственномъ смыслѣ, жалобъ сей не должно бы существовать, когда писатель достигъ той точки зрѣнія, съ которой долженъ онъ созерцать цѣль Исторіи. Если историкъ въ своихъ описаніяхъ занятъ единственно однимъ Государствомъ, иногда же цѣлями какой-либо Державы, а не всеобщимъ развитіемъ бытія и судьбъ рода человеческого, то онъ, можетъ быть, заслужишь названіе искуснаго дѣловаго человѣка, краснорѣчиваго оратора, ослѣпчатаго политическаго, но, вѣрно, не историческаго писателя. Когда же доспѣтый вѣрою историкъ предшавляетъ намъ событія, такъ какъ оныхъ отъ него требуютъ, т. е. неизмѣненными и съ сырожайшею увѣренностью; когда онъ при изложеніи своего образа разсуживанія и сужденія о предметахъ (безъ чего не возможно написать какую-либо Исторію, нѣмъ болѣе же описательную) вмѣстѣ съ нѣмъ опкровенно предлагаетъ намъ исторически справедливаго и вѣроукаго, изъ коихъ онъ почерпнулъ заключенія свои; пог-

да мы, по всей справедливости, не будемъ имѣть причины жаловаться; ибо онъ самъ предлагаетъ намъ средства къ усмотрѣнію большаго или меньшаго согласія нашего съ его мнѣніями. — Если однакожь мнѣнія наши и несогласны, то все его же должно будешь укорять въ приспращіи, — или иначе приспращіе сіе не будешь достойно опроверженія. Сверхъ того въ Исторіи, такъ какъ и въ обыкновенной жизни, присоединеніе къ справедливой сторонѣ заслуживаетъ болѣе похвалы, нежели бытъ равнодушнымъ ко всемъ паршамъ и сохранять всегдашнее посредничество. — Примѣръ Великаго Римскаго Писателя лучше объяснитъ мысль сію. — Тацитъ начинаетъ оба свои безсмертныя шворенія, коня и въ различныхъ между собою выраженіяхъ, равнымъ увѣреніемъ, что они написаны ни въ духѣ приспращія, ни ненависти. — При семъ, можешь бытъ, имѣлъ онъ въ виду свои собственныя отношенія, при томъ или другомъ Императорѣ, и то, что для его современниковъ могло бытъ въ высочайшей степени близко. — Если же бы кто захоуль въ строгомъ смыслѣ разобрашь его выраженія, то его уличили бы въ несправедливости. — Ибо повсюду въ его швореніяхъ замѣтная, благородная, нравственная ненависть и блистающая вездѣ высокая любовь: ненависть — къ несправедливой власи и къ размножившимся порокамъ, — и рѣшишельная, жаркая любовь ко всему высокому, достойному луч-

шихъ, блаженнѣйшихъ временъ, содѣлали творенія его бессмертными, и всегда придавала и будешь придавать онымъ неизмѣнное достоинство. Такихъ не держиши середины (хотя сіе въ состояніи сдѣлать каждой, не одаренный гениемъ и такою же благородною спрасшею); напрошивъ, онъ въ самой высшей степени приспращаетъ, — но — къ справедливой сторонѣ и самымъ благороднымъ, достойнымъ образомъ.

Исторія шеряетъ еще гораздо болѣе со стороны правдоподобія, отъ авторскаго приспращія, котораго мы такъ спрашимся; оно совсѣмъ особеннаго рода, и именно состоятъ въ недоспашкѣ способности все обнимать умомъ, въ ограниченномъ разумѣ. — Человѣку трудно вырваться изъ круга своихъ предубѣжденій или своихъ привычекъ. — Ибо какъ сіи, такъ и все настоящее, въ насъ со всеми его невидимыми принадлежностями, заключающъ насъ въ какую-то нравственную Атмосферу, изъ середины которой мы, какъ сквозь шуманъ, видимъ призраки временъ прошекшихъ. — Отъ того такъ часты невѣрныя и несообразныя, чаще же слабыя и безжизненныя обозрѣнія и сужденія о давноминувшихъ великихъ временахъ, людяхъ и дѣянїяхъ, не подходящихъ подъ общую мѣру.

Издавъ сіи два номера, исполнилъ я пріятнѣйшую обязанность, возложенную на меня друзьями моими, конемъ за содѣйствіе приношу мою благодарность. По чувству моего уваженія къ трудамъ почтеннаго нашего Археолога К. Ѳ. Калайдовича, радуюсь, что я могъ въ чемъ-либо быть ему полезнымъ. Мнѣ остается только желать, чтобы читающая Публика приняла снисходительно сію слабую дань, посвященную мною дружбѣ и признательности.

1828.

Іюль.

Д. Ознобищинъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, предосаждены были въ Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги, для препровожденія худя слѣдующа, на основаніи узаконеній. Москва, 11 Августа, 1828.

Цензоръ, Владиміръ Измайловъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

	Стр.
Вопросъ о датѣ рожденія Императора Петра Великаго	3
Надгробный памятникъ Марѣ, будто бы посадницы Новогородской	36
Донесеніе Цесарскихъ Посланниковъ, Августина Мейерберга и Горація Колвудія, бывшихъ въ Москвѣ въ 1661 и 1662 годахъ, Нѣмецкому Императору Леопольду	153
Нѣчто о церкви Св. Николая, чпо въ Кошлахъ	201
Пушешествіе Іосафата Барбаро, посланника Венеціанскаго, въ Танну (нынѣ Азовъ) въ 1436 г.	9
Письмо Исторіографа Карамзина о Тушинскомъ шанѣ вѣрараго Лжедмитрія и ошвѣщъ на оное	29
Нѣкожорья чершы жизни и дѣнія Генераль - Маіора Давыдова	42
Взглядъ на коренные язмки	52

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Спихошворенія.

1828 годъ (<i>Князя Вяземскаго.</i>)	67
Цареградская обѣдня (<i>А. Муравьева.</i>)	70
Ранчу	75
Достопамятная порука (<i>Ф. Глинки.</i>)	205
Время грѣха (<i>Ф. Глинки.</i>)	206
Къ . . . (<i>Ф. Глинки.</i>)	—
Къ О - му	207
Последніе стихи Лорда Байрона.	208

	Стр?
Осада Константинополя (изъ Ройю)	212
Обнаруженная клевета, Китайская сказка	226
Дѣйствіе первое изъ трагедіи Гёте: Гецъ фонъ Берглихингенъ	76
Несчастіе отъ Французской кадрили	137
О шюрмахъ въ Женевѣ и Лозанѣ	261
Объ ученыхъ трудахъ Г. Гульянова	281
Разныя извѣстія: Новой Журналъ во Франціи	149
Сшашисническое извѣстіе о новѣйшей литера- турѣ Франціи.	
Содержаніе учащихся къ народонаселенію въ Европейскихъ Государствахъ	150
Русскій анекдотъ	284
Объясненіе рисунковъ	151
Сравнительные костюмы: Нѣчто о Бухвостовѣ	285
Гренадеръ Тимошей Михайловъ	287

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ.

	Стр.
Донесеніе посланниковъ, Августина Мейерберга и Горация Колвучія, бывшихъ въ Москвѣ въ 1661 и 1662 годахъ, Нѣмецкому Императору Леопольду (окончаніе)	153
Поездка Великой Княжны Елены Иоанновны въ Вильну для бракосочетанія съ Великимъ Княземъ Лишовскимъ Александромъ	42
Историческій и географическій опытъ о тор- говлѣ и сношеніяхъ Арабовъ и Персовъ съ	

III

Россію и Скандинавію въ среднемъ вѣкѣ, соч. Рюемуссена	Стр. 137
Сѣтранспованіе къ святымъ мѣстамъ Іеродіана- на Зосимы	181

ОТДѢЛЕНІЕ ЛИТТЕРАТУРНОЕ.

Смѣхъ и шверенія.

Узникъ къ Мошылку (Ф. Глики)	54
Эрошь и Крбнь (Рикта)	—
Зерцало Музы (В. М.)	54
На переводъ Освобожденнаго Іерусалима (С. Глики) —	
Пѣнь изъ Валленрода (Ю. Позманскаго)	106
Аравійская дѣва (А. Муравьева)	107
Первое признаніе (Озмобшима)	—
Горацийъ къ Секстию	108
Осень въ Лифляндіи	109
Встрѣча	111

П Р О З А.

Объ Исторіи вообще (изъ Шлегеля)	158
Основаніе Константинополя (изъ Гиббона)	55
Взятіе Константинополя Магомешомъ II (изъ Ройю)	64
Климать, качество земли, произведенія и тор- говля Монголіи	125
О Крымскихъ пещерахъ	131
Опрыски изъ писемъ Базельскаго путешествен- ника, Бурхардша	111
Анапа	155
Опрыжокъ изъ путешествій Спернвальда, изд. Тикомъ	77
Каа-Явана, повѣсть	213
О жизни Колумба, изд. Ирв. Вашингтономъ	114
Исторія калачей	93
Разныя извѣстія	257

